

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫХ И ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

16+

ISSN 2500-1000 (Print)
ISSN 2500-1086 (Online)

*International Journal of Humanities and
Natural Sciences*

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
гуманитарных и естественных наук
№ 12-1 (75)

2022

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ *гуманитарных и естественных наук*

№ 12-1 (75), декабрь 2022 г.

международный ежемесячный научный журнал

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на платформе Elibrary.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 — 66830 от 15.08.2016 выдано Роскомнадзором.

Главный редактор – Матвеев Данил Максимович, канд. экон. наук, доцент

Члены редакционной коллегии

Тогусаков О.А. – д-р филос. наук, профессор, академик НАН (Киргизия)

Ионесов В.И. – д-р культурологии, канд. ист. наук, доцент (Россия)

Шматко А.Д. – д-р экон. наук, профессор, профессор РАО (Россия)

Ларионов М.В. – д-р биол. наук, профессор (Россия)

Чертыкова М.Д. – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник (Россия)

Коробейников А.Г. – д-р техн. наук, профессор (Россия)

Жаркова С.В. – д-р с.-х. наук, доцент (Россия)

Кондрашихин А.Б. – д-р экон. наук, канд. техн. наук, профессор (Россия)

Жеребкин М.В. – д-р полит. наук, профессор (Россия)

Храмцова Ф.И. – д-р полит. наук, профессор (Белоруссия)

Логинова М.В. – д-р филос. наук, профессор (Россия)

Герасимов Б.Н. – д-р экон. наук, профессор (Россия)

Окулич-Казарин В.П. – д-р пед. наук, профессор (Польша)

Ниценко В.С. – д-р экон. наук, доцент (Украина)

Эрастов Е.Р. – д-р мед. наук, доцент (Россия)

Датий А.В. – д-р мед. наук (Россия)

Саидов С.Ш. – д-р полит. наук (Узбекистан)

В Международном журнале гуманитарных и естественных наук публикуются результаты научных исследований фундаментального и прикладного характера в области физики, химии, биологии, экономики, философии, финансов, управления и других наук. К публикации принимаются статьи как уже состоявшихся ученых, так и начинающих (аспирантов, магистров, студентов).

Рабочий язык журнала русский и английский.

Все статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Редакция оставляет за собой право отклонить поданные на публикацию материалы научных исследований без объяснения причин.

Материалы публикуются в авторской редакции

Контактная информация:

E-mail: info@intjournal.ru

Сайт: <http://intjournal.ru/>

Телефон: +7-905-951-51-63

Ответственный редактор: Меняйкин Данила Владимирович

Учредитель и издатель: ООО «Капитал»

Адрес редакции: 630133, г. Новосибирск, ул. Татьяны Снежиной, д.43/1, 252

Адрес учредителя и издателя: 630133, г. Новосибирск, ул. Татьяны Снежиной, д.43/1, 252

СОДЕРЖАНИЕ

Юридические науки

Абдрахимова К.А., Аминов И.Р. К вопросу о запрете в государственной службе в получении подарка _____	6
Абрамова К.И., Юсупова А.Ф. Проблемы возмещения судебных расходов в арбитражном процессе _____	10
Балякина Е.Б., Набиева Э.Р. Проблема кодификации предпринимательского права _____	13
Банит А.А., Великий А.А., Чижикова А.В. Актуальные проблемы правового регулирования защиты товарного знака _____	18
Барышников М.Ю. Самоуправство как превышение пределов самозащиты в гражданском праве _____	21
Баталина В.И., Гаврилова Д.Ф. Проблемы методики расследования серийных убийств _____	25
Беляков Г.А., Старцева С.В. Правовое регулирование договора банковского вклада в драгоценных металлах _____	29
Боженев М.А. Институт подсудности в административном судопроизводстве РФ _____	33
Боженев М.А. Некоторые особенности профессионального представительства в арбитражном процессе _____	38
Боргояков Ф.В. Судебная защита прав ребенка при незаконном использовании его изображения _____	41
Воробьева М.О., Магомедова Е.А. Правовое просвещение как инструмент формирования конституционного правосознания школьников _____	46
Воронин А.Н., Надирова Р.Р. Институт государственной службы: право на государственную службу и механизм реализации _____	49
Воронин А.Н., Надирова Р.Р. Конституционный и административно-правовой анализ участия граждан в формировании государственно-служебных отношений _____	55
Воронин А.Н., Надирова Р.Р. Организационно-правовые методы обеспечения и защиты равного доступа граждан к государственной службе в Российской Федерации _____	60
Воронин А.Н., Надирова Р.Р. Проблемы квалификации мошенничества в сфере страхования при отграничении от смежных преступлений _____	65
Воронин А.Н., Надирова Р.Р. Проблемы квалификации мошенничества в сфере страхования при установлении признаков основного состава преступления _____	70
Воронин А.Н., Надирова Р.Р. Проблемы квалификации мошенничества в сфере страхования при установлении квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков _____	74

Галлямова Д.А., Аминов И.Р. Роль ШОС в международной безопасности _____	79
Галяутдинова Г.И. Проблемы определения признаков вещных прав в современном гражданском законодательстве Российской Федерации _____	82
Ганеева А.В. Статус самозанятого в арбитражном процессе _____	85
Гизатуллин Э.М. Этические и психологические особенности производства обыска _	89
Гилязетдинов А.М. Коррупция как фактор, снижающий профессиональную эффективность государственных служащих _____	93
Денисов И.М., Лещинский М.И., Марченкова Е.А. Еврейская автономная область как субъект Российской Федерации: история, правовой статус, будущее _____	96
Дроздов Д.Е., Грачева И.В., Марченкова Е.А. Криминалистическая характеристика личности серийного убийцы и ее взаимосвязь с личностью жертвы _____	99
Дукач В.С. Процедура медиации при разрешении конфликтов в сфере интеллектуальной собственности _____	102
Дулелина О.В., Шумилов А.И. О самостоятельности принципа активности суда в административном судопроизводстве _____	105
Егорышева Е.А., Исмагилов А.А. Проблемные аспекты участия психолога на этапах предварительного расследования _____	110
Жданович А.В. Процент отклонения цены сделки от рыночной стоимости передаваемого имущества: формальный критерий или основание для признания сделки недействительной? _____	113
Жидяева Е.С. Правовое регулирование информационной безопасности детей в контексте действующего законодательства РФ _____	117
Зайцева И.В., Аминов И.Р. Теоретические основы и международно-правовые режимы защиты культурных ценностей в период вооруженных конфликтов _____	121
Иващенко Е.Р. Некоторые вопросы об альтернативных способах разрешения споров _____	124
Иващенко Е.Р. Некоторые особенности процедуры посредничества _____	127
Иващенко Е.Р. Унификация в торговых отношениях _____	130
Ишбулатов И.И. О необходимости возвращения полномочия прокурору на возбуждение уголовного дела _____	134
Карповец А.С., Старцева С.В. Анализ судебной практики по вопросу компенсации морального вреда _____	139
Катаева Е.В. Теоретические вопросы права совместной собственности супругов _____	143
Катаева Е.В. Технология NFT как инструмент защиты авторских прав _____	147

Кашапов В.Р., Галяутдинова Л.Ю. Правовая природа международного гражданского процесса _____	151
Козина М.Е. Виды нарушений конституционных прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности _____	155
Козина М.Е. Сущность обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности _____	160
Колесникова И.А. К вопросу о форме доверительных отношений в сфере предпринимательства _____	164
Кондрашова И.В., Летягина Н.П. Искусственный интеллект в правовой сфере _____	167
Кононенко С.М. Проблемы развития искусственного интеллекта в правовом регулировании _____	171
Кононенко С.М., Алексеенко А.П. Этапы развития цифровизации правового регулирования в России _____	178
Королева Д.В. Об условиях, при которых требования к подрядчику-банкроту могут быть отнесены к категории гарантийного удержания для целей сальдирования _____	184
Кулдыркаева Я.А. Правовое регулирование форм таможенного контроля _____	187
Курамшина Н.Г., Габдрахманова А.Р. Арктическая зона Российской Федерации: экологические особенности в правовом регулировании _____	193
Кутепова А.Д. Перспективы развития международного сотрудничества в деятельности уполномоченного по правам человека в Российской Федерации _____	196
Леонова А.Д. Разграничение уголовной и административной ответственности за нарушения законодательства в области охраны окружающей среды _____	200
Медведева Е.В. Некоторые вопросы организационно-правового устройства работы в системе органов прокуратуры _____	205
Небиеридзе Д.Н. Представительство в административном судопроизводстве _____	209
Немцева К.Д., Старцева С.В. Специфика и проблемы применения норм об исковой давности к гражданским правоотношениям _____	213
Нугаева Р.Ф., Павлов С.Ю. Персональные данные, как объект административно правового регулирования _____	217
Паранько А.Р., Глазунов В.С. Надзор за финансовым рынком и его положение в системе финансового права _____	221
Пасынкова Е.М. Правовое регулирование территориального общественного самоуправления на региональном уровне _____	225
Пасынкова Е.М. Проблемные теоретические положения территориального общественного самоуправления _____	228
Подушко Д.А., Цепелев В.Ф. Актуальные вопросы применения принудительных мер медицинского характера _____	231

К ВОПРОСУ О ЗАПРЕТЕ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ В ПОЛУЧЕНИИ ПОДАРКА

К.А. Абдрахимова, студент

И.Р. Аминов, канд. юрид. наук, доцент

Уфимский университет науки и технологий
(Россия, г. Уфа)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-6-9

Аннотация. В данной статье рассматриваются актуальные вопросы нормативного регулирования вопроса получения государственными служащими подарков от физических и юридических лиц. В статье проанализированы термины «подарок», «взятка», их соотношение с точки зрения законодательства, осуществлен анализ различных ситуаций, дана правовая оценка действиям участников, взаимосвязанных в связи с получением государственным служащим подарков. Основной мыслью выступает утверждение о том, что при оценке статуса переданной государственному служащему вещи главенствующую роль играет наличие возможности со стороны государственного служащего в предоставлении в отношении дарителя определенных преференций в ходе исполнения своих должностных обязанностей. Исследование основано на анализе законодательства, инструктивных материалов по изучаемому вопросу, разработанных федеральными министерствами и ведомствами в рамках их компетенций.

Ключевые слова: государственный служащий, противодействие коррупции, запреты, связанные с государственной службой, подарок, протокольное мероприятие.

Вопрос получения государственными служащими подарков от юридических и физических лиц является одним из самых спорных и неоднозначных вопросов, касающихся прохождения государственной службы. Это связано прежде всего с тем, что на данный момент отсутствует законодательное определение понятия подарок, результатом чего является крайне разнобразная интерпретация или по крайней мере попытка интерпретации данного понятия.

Вручая подарок государственному служащему, даритель должен быть свободен от каких-либо притязаний на ответные действия со стороны одаряемого. Иначе, если, например, даритель рассчитывает на встречную благодарность со стороны государственного служащего, которая может быть выражена в виде определенных действий или бездействия, переданная гражданскому служащему вещь теряет статус подарка, становясь взяткой. Так же важным моментом является добровольность передачи подарка. Иначе, если акту дарения предшествует намёк со стороны государственного служащего на возможность

или, что еще хуже, на необходимость подарка, данное действие фактически становится вымогательством, а переданная вещь не может считаться подарком.

Часто под видом вручения подарка государственному служащему прячется завуалированная форма взятки, тем более, если передаче подарка предшествовало выполнение определенных действий в интересах «дарителя» или связанного с ним лица. Меры, направленные на ограничение поощрения в виде подарков лицам, замещающих государственные и муниципальные должности, а также государственным и муниципальным служащим, являются одним из действенных мер профилактики коррупционных правонарушений. Актуальность данного вопроса не вызывает сомнений.

В настоящее время действует общее правило, в соответствии с которым лицам, замещающим государственные должности Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, а также муниципальные должности, государственным и муниципальным служащим запрещено полу-

чать от физических лиц и юридических лиц подарки [1].

Недопустимо, что важно, получение подарков в связи с должностным положением или с исполнением служебных обязанностей [2].

В то же время Гражданским кодексом Российской Федерации предусмотрено исключение из данного правила – государственные служащие имеют право на получение обычных подарков, стоимость которых не превышает 3 тыс. руб. При этом запрет не действует, когда происходит дарение в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями. Подарки стоимостью выше указанной суммы признаются федеральной, региональной или муниципальной собственностью [3].

Должностные лица в принципе не могут получать подарки, кроме как на официальных мероприятиях. Это исключение, в свою очередь имеет ряд дополнительных ограничений. Так, Правительство Российской Федерации специальным Типовым положением установило правило, согласно которому государственные и муниципальные служащие, в течение трех рабочих дней с момента получения подарка или возвращения из командировки должны уведомить нанимателя обо всех случаях получения подарка, а также сдать соответствующий подарок.

Подарки стоимостью, не превышающим 3 тыс. руб., подлежат возврату государственному служащему. При стоимости подарка, подтверждаемой документально или экспертно, выше 3 тыс. руб. или если его стоимость определить невозможно, он останется у нанимателя. При этом государственный служащий имеет право его выкупить. Не выкупленный подарок может быть использован в целях обеспечения

деятельности государственного органа. В случае, если выяснится нецелесообразность использования подарка в деятельности государственного органа, подарок подлежит реализации на торгах. Подарки, не реализованные на торгах, передаются в благотворительную организацию, либо подлежат уничтожению. Исключением из указанных правил являются канцелярские принадлежности, цветы, а также ценные подарки, врученные в качестве поощрения или награды [4].

Подарки, полученные государственным служащим вне официальных мероприятий, оцениваются как незаконно полученные. Такие ситуации создают условия для конфликта интересов, в результате чего государственный служащий может быть привлечен к ответственности, в том числе в виде увольнения в связи с утратой доверия [5]. И более того в случае, если подарок расценивается как взятка, должностное лицо могут привлечь к уголовной ответственности.

Таким образом, не рекомендуются должностным лицам получать подарки или вознаграждения в том числе на личных торжественных мероприятиях от своих друзей или связанных с ними людей, которые одновременно являются лицами, в отношении которых чиновники непосредственно осуществляют функции государственного управления. Уточняется, что прием и таких подарков может скомпрометировать их получателей и повлечь возникновение сомнений в их честности, беспристрастности и объективности.

Подводя итог, необходимо сделать вывод о несовершенстве запрета на получение государственными служащими подарка и непоследовательности позиции законодателя, который стремится создать условия для эффективного противодействия коррупции.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 7 октября 2022 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 27.12.2022).

2. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ред. от 5 декабря 2022 г.) // Официальный интернет-

портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 27.12.2022).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (изм. от 08.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

4. Постановление Правительства РФ от 9 января 2014 г. № 10 «О порядке сообщения отдельными категориями лиц о получении подарка в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями, участие в которых связано с исполнением ими служебных (должностных) обязанностей, сдачи и оценки подарка, реализации (выкупа) и зачисления средств, вырученных от его реализации» (ред. от 12.05.2015) // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 27.12.2022).

5. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ред. от 5 декабря 2022 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 27.12.2022).

6. Дорохова Е.А. Подарок не станет взяткой, если его передать в собственность государства! // Оплата труда в бюджетном учреждении: бухгалтерский учет и налогообложение. – 2010. – №5. – С. 18-26.

7. Зайков Д.Е. Проблемы правового регулирования антикоррупционных отношений, связанных с получением подарков работниками военных организаций // Право в Вооруженных Силах. – 2014. – № 5.

8. Зрелов А. Запрещенные и легальные подарки // Налоговый вестник. – 2013. – №11. – С. 60-74.

9. Мурашкин И.Ю. Проблемы реализации антикоррупционного законодательства о подарках // Российская юстиция. – 2016. – №9. – С. 43-45.

10. Рубцова Т.И. Организация встреч с иностранными партнерами: рекомендации по дарению подарков // Российский внешнеэкономический вестник. – 2011. – №12. – С. 72-88.

11. Могут ли госслужащие получать подарки? // Азбука права: электрон. журн. – 2022. – [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ON THE ISSUE OF PROHIBITION IN PUBLIC SERVICE IN RECEIVING A GIFT

K.A. Abdrakhimova, *Student*

I.R. Aminov, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*

Ufa University of Science and Technology

(Russia, Ufa)

Abstract. *This article discusses topical issues of regulatory regulation of the issue of receiving gifts from individuals and legal entities by civil servants. The article analyzes the terms "gift", "bribe", their relationship from the point of view of legislation, analyzes various situations, gives a legal assessment of the actions of participants interconnected in connection with the receipt of gifts by public servants. The main idea is the statement that when assessing the status of a thing transferred to a civil servant, the predominant role is played by the possibility on the part of a civil servant to provide certain preferences in relation to the donor during the performance of his official duties. The study is based on the analysis of legislation, instructional materials on the issue under study, developed by federal ministries and departments within their competence.*

Keywords: *civil servan, anti-corruption, prohibitions related to public service, gift, protocol event.*

ПРОБЛЕМЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ СУДЕБНЫХ РАСХОДОВ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

К.И. Абрамова, студент

А.Ф. Юсупова, студент

Научный руководитель: Л.Л. Азаматова

Уфимский университет науки и технологий
(Россия, г. Уфа)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-10-12

Аннотация. В статье будут рассмотрены проблемы возмещения судебных расходов, связанных с рассмотрением дел в арбитражном суде. Проведен анализу отдельных положений действующего законодательства, регулирующих порядок взыскания судебных издержек, сравнение разных точек зрения, касающихся понимания данного вида расходов.

Ключевые слова: судебные расходы, судебные издержки, чрезмерные расходы, юридическая помощь, расходы на услуги представителя в суде, затраты, денежные средства.

По общим правилам, основываясь нормами Конституции РФ, каждому гарантирована судебная защита его прав и свобод, а также возможность обратиться в органы за предоставлением юридической помощи. Но, как и все услуги, например, одной из которой является услуги представителя в суде, совершаются за определенную плату, за исключением некоторых случаев, предусмотренных прямо в законе, поэтому, как и физическое лицо, так и юридическое лицо вынуждены нести судебные расходы по защите своих прав и свобод.

В целом, институт взыскания судебных издержек в арбитражном процессе важен, он обычно выступает в качестве баланса между сторонами спора, играет роль барьера при осуществлении права на судебную защиту. В научной литературе справедливо отмечается, что судебные расходы в гражданском и арбитражном судопроизводстве направлены на решение проблемы частичного возмещения государству расходов, понесенных при содержании и поддержании в рабочем состоянии судебной системы, и недопущения необоснованных жалоб в суды.

Ключевым источником, регулирующим судебные расходы, является Арбитражный кодекс Российской Федерации (АПК РФ). Именно в АПК РФ включено множество отсылочных норм, связанных с судебными расходами. Согласно ст. 101 АПК РФ, судебные расходы – это судебные издержки и государственная пошлина. Также о

взыскании судебных расходов утверждено Постановление Пленума ВС РФ от 21.01.2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» (далее – Постановление Пленума ВС РФ №1), но, несмотря на это, на тему о расходных обязательствах в суде продолжает подниматься много вопросов.

Судебные издержки, понесенные лицами, участвующими в деле, подлежат возмещению при определенных обязательных условиях, например, при принятии судебного акта в пользу одной из сторон. Важен тот факт, что она фактически несет расходы на оплату услуг представителя, наличие причинно-следственной связи между расходами и предметом конкретного судебного спора и соблюдение разумных пределов присужденной компенсации. Их оценка учитывает такие факторы, как сложность, характер и категория спора, продолжительность подготовки к его рассмотрению, объем доказательств, характер и объем предоставленной юридической помощи, а также степень участия представителя в разрешении спора [2].

Вопрос о существовании причинно-следственной связи между производственными затратами и предметом конкретного спора остается актуальным. Так, в судебной практике нередко встречаются случаи, когда соглашение на оказание юридической помощи, заключенное истцом, не может подлежать взысканию с ответчика в

связи с тем, что предметом соглашения является представление интересов в связи с обжалованием решения суда, но не в связи с обжалованием судебного акта ответчиком. Следовательно, поскольку, отклонение апелляции ответчика не может быть связано с правовой позицией истца, расходы, понесенные истцом в этой части, не могут быть возмещены с ответчика [3].

В Постановлении Пленума ВС РФ №1 разъясняются основные моменты порядка и особенностей взыскания судебных издержек, оставив при этом ряд достаточно важных и волнующих профессиональное сообщество положений и вопросов без ответа. Также, Верховный Суд указал, что к судебным издержкам относятся расходы, которые понесены лицами, участвующими в деле, включая третьих лиц, что перечень судебных издержек, предусмотренный АПК РФ не является исчерпывающим и что расходы, понесенные истцом, заявителем в связи с необходимостью соблюдения обязательного претензионного порядка, предусмотренного законом или договором, а также в связи с собиранием доказательств до предъявления искового заявления, заявления в суд, могут быть признаны судебными издержками, если несение таких расходов было необходимо для реализации права на обращение в суд и собранные до предъявления иска доказательства соответствуют требованиям относимости, допустимости.

Также, расходы на оплату услуг представителя, понесенные лицом, в пользу которого принят судебный акт, взыскиваются судом с другого лица, участвующего в деле, в разумных пределах, при этом разумными следует считать такие расходы на оплату услуг представителя, которые при сравнимых обстоятельствах обычно взимаются за аналогичные услуги [4]. Суд указал, что при определении разумности могут учитываться: объем заявленных требований, цена иска, сложность дела, объем оказанных представителем услуг, время, необходимое на подготовку им процессуальных документов, продолжительность рассмотрения дела и другие обстоятельства. При этом, как указал суд, разумность судебных издержек на оплату услуг представителя не может быть обос-

нована известностью представителя лица, участвующего в деле.

Таким образом, установленный в Постановлении Пленума ВС РФ №1 критерий разумности, при определении суммы взыскиваемых судебных издержек, в частности расходов на представителя, ставится в зависимость от объема заявленных требований, цены иска, сложности дела, объема оказанных представителем услуг, времени, необходимого на подготовку им процессуальных документов, продолжительности рассмотрения дела, а также суммы расходов, которые при сравнимых обстоятельствах обычно взимаются за аналогичные услуги в месте (регионе), в котором они фактически оказаны. При этом, точных градаций и диапазонных показателей (от и до), определяющих стоимость услуг представителя в зависимости от объема заявленных требований, цены иска, объема оказанных представителем услуг, времени, необходимого на подготовку им процессуальных документов, а также критериев, определяющих сложность дела и разделяющих легкие дела, от средних и сложных дел Постановление Пленума ВС РФ №1 не содержит.

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что в настоящее время существует множество пробелов, неточностей и недостатков в законодательстве, регулирующем взыскание судебных расходов, что имеет прямое отношение к отсутствию единообразия судебной практики по данной категории споров. Представляется целесообразным установить в нормативных правовых актах точные градации и диапазоны показателей, определяющие стоимость услуг представителя в зависимости от объема поданных претензий, цены судебного разбирательства, объема услуг, предоставляемых представителем, времени, необходимого для подготовки претензий, процессуальные документы, а также критерии, которые определяют сложность дела и отделяют легкие дела от средних и сложных дел. Это позволило бы создать открытую и прозрачную систему расчета судебных издержек и стандартизировать судебную практику по данной категории споров.

Библиографический список

1. Бычков, А. О распределении судебных расходов // Юрист. – 2016. – № 49. – С. 8.
2. Герасименко, Т.Ю. Распределение судебных расходов в арбитражном процессе в РФ и зарубежных странах / Т.Ю. Герасименко, О.А. Канищева, Р.В. Артемов // Институты и механизмы инновационного развития: мировой опыт и российская практика: Сборник научных статей 7-й Международной научно-практической конференции. – 2017. – С. 256-260.
3. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа (ФАС СКО) от 29 июня 2022 г. по делу № А32-38122/2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 21.12.2022).
4. Степкин С.П. Проблемы значения судебной практики в вопросе компенсации расходов на оплату услуг представителя // Вестник арбитражной практики. – 2019. – №1 (80). – С. 62-69.
5. Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24 июля 2002 г. №95-ФЗ (ред. от 05.12.2022). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.12.2022).
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 г. О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.12.2022).

PROBLEMS OF REIMBURSEMENT OF COURT COSTS IN THE ARBITRATION PROCESS

K.I. Abramova, *Student*

A.F. Yusupova, *Student*

Supervisor: *L.L. Azamatova*

Ufa University of Science and Technology

(Russia, Ufa)

Abstract. *The article will address the problems of reimbursement of court costs associated with the consideration of cases in the arbitration court. The analysis of certain provisions of the current legislation regulating the procedure for collecting court costs, comparison of different points of view concerning the understanding of this type of expenses is carried out.*

Keywords: *court costs, court costs, excessive expenses, legal assistance, expenses for the services of a representative in court, costs, money.*

ПРОБЛЕМА КОДИФИКАЦИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

Е.Б. Балякина, канд. юрид. наук, доцент

Э.Р. Набиева, студент

Уфимский университет науки и технологий
(Россия, г. Уфа)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-13-17

Аннотация. В статье анализируется возможность упорядочивания и систематизации форм предпринимательского законодательства для применения в сфере хозяйственно-экономической деятельности. Также проанализированы подходы к вопросу о создании единого Кодекса, рассмотрена аргументация представителей разных точек зрения, проведен анализ проблем, препятствующих проведению кодификации предпринимательского права, раскрыты особенности кодификации предпринимательского права. В заключении делается вывод о целесообразности кодификации предпринимательского права.

Ключевые слова: предпринимательское право, предпринимательская деятельность, предпринимательский кодекс, субъекты хозяйственно-экономической деятельности, кодификация.

Значение предпринимательской деятельности в современном мире трудно переоценить, поскольку именно оригинальные идеи бизнесменов, их творческие и организационные способности существенным образом меняют нашу действительность. Развитие предпринимательской деятельности способствует не только созданию новых рабочих мест, пополнению государственного бюджета, но и внедрению в нашу повседневную жизнь высоких технологий. Современный предприниматель способен производить товары, оказывать услуги, выполнять работы. Таким образом, сфера предпринимательской активности расширяется, значение бизнеса в жизни современного общества возрастает. Все это объясняет повышенный интерес исследователей к вопросам, связанным с правовым регулированием предпринимательской деятельности [5].

В настоящее время, очевидно, что юридические знания о том, как устроен и функционирует бизнес, нужны специалистам самых разных отраслей, в связи с чем соответствующие дисциплины вводятся в образовательные программы высших учебных заведений.

При этом вопрос о признании предпринимательского права самостоятельной отраслью права остается дискуссионным до сих пор. Отметим, что он тесно связан с

проблемой признания комплексных отраслей права в целом. Так, в научной среде встречается точка зрения, согласно которой предпринимательское право нельзя рассматривать как самостоятельную отрасль права. Например, А.Е. Суханов является представителем дуалистического подхода и предлагает регламентировать отношения в сфере бизнеса нормами гражданского и административного права [6].

В.Ф. Попондопуло также отрицает необходимость выделения предпринимательского права в отдельную отрасль и считает, что предпринимательское право является подотраслью гражданского права [7].

Вместе с тем набирает последователей и позиция о целесообразности признания предпринимательского права обособленной интегрированной отраслью права. В частности, о комплексном характере предпринимательского права пишут Е.П. Губин, П.Г. Лахно, И.В. Ершова и др. В поддержку приведенного выше мнения можно привести следующие аргументы [10, 11].

Во-первых, в современном мире происходит бурное развитие экономики, появляются все новые виды предпринимательской деятельности, стремительно меняются условия ее осуществления. В связи с

этим существенно увеличивается массив правовых норм, регулирующих общественные отношения, которые складываются в сфере осуществления предпринимательской деятельности.

Во-вторых, какая-либо базовая отрасль права в отдельности не может учесть специфику и полностью урегулировать предпринимательскую деятельность, поскольку ограничена своим качественно однородным предметом и специфическим методом правового регулирования. Например, распространённое мнение о том, что предпринимательская деятельность полностью урегулирована гражданским правом, представляется несостоятельным, поскольку нормы гражданского законодательства не могут установить правовые основы взаимодействия предпринимателей с государственными органами. Вместе с тем каждый хозяйствующий субъект в своей деятельности сталкивается с различными проявлениями государственного регулирования экономики. В связи с этим порядок взаимодействия должен быть урегулирован надлежащим образом хотя бы для того, чтобы минимизировать такое явление, как коррупция, и сбалансировать частные интересы предпринимателей и публичные интересы государства и общества в целом. Общественные отношения, связанные с деятельностью предпринимателей, должны быть урегулированы нормами как гражданского, так и административного права. В этом и проявляется комплексный характер предпринимательского права.

В-третьих, как представляется, в настоящее время вполне возможно определить круг общественных отношений, которые входят в предмет такой комплексной отрасли, как предпринимательское право.

Предмет предпринимательского права сочетает в себе начала частного и публичного права. Так, гражданским правом в настоящее время урегулированы вопросы, связанные с заключением предпринимателями гражданско-правовых договоров. В научной и учебной литературе для их обозначения даже используется специальный термин «предпринимательские договоры». Вместе с тем отношения, которые складываются в процессе государственного регу-

лирования предпринимательской деятельности, по существу являются административно-правовыми [5].

Наиболее ярко специфика предмета предпринимательского права проявляется в отношениях, которые формируют организационные и имущественные условия для осуществления предпринимательской деятельности. К ним причисляют, например, общественные отношения, возникающие в ходе создания, реорганизации и ликвидации хозяйствующих субъектов. Если представить себе процесс создания юридического лица, то в нем можно выделить как гражданско-правовые начала (выбор организационно-правовой формы, формирование капитала), так и административные аспекты (государственная регистрация, лицензирование). Таким образом, можно констатировать, что гражданско-правовые и административные начала тесно переплетаются в сфере правовой регламентации предпринимательской деятельности [12].

Предпринимательское законодательство – это совокупность нормативно-правовых актов, характеризующих нормы различных отраслей права. Так как предпринимательское право включает в себя комплекс частных и публичных правоотношений в предпринимательской сфере необходимо обязательное наличие правового регулятора. В научных работах цивилистов можно наблюдать идею о введении Предпринимательского кодекса, данную идею кодификации российского предпринимательского права поддерживают Н.И. Веденин и В.С. Мартемьянов [7].

В настоящее время в предпринимательском праве функции такого акта в первую очередь выполняет Гражданский кодекс РФ, а по возникновению определенных общественных отношений в предпринимательской деятельности подключаются другие нормативно-правовые акты правового регулирования. Главным критерием в образовании предпринимательского законодательства должна быть сфера предпринимательской деятельности, в которой содержится две группы общественных отношений: отношения между государственными органами власти и субъектами

предпринимательского права (вертикальные); отношения между субъектами предпринимательской деятельности (горизонтальные). Кроме того, введение предпринимательского кодекса существенно усложнит хозяйственное законодательство: в процессах правотворчества и правоприменения придется согласовывать общие нормы Гражданского кодекса РФ с положениями и правилами специальных предпринимательских законов. А общие законы для того и создаются, чтобы быть актуальными для регулирования отношений в самых разных сферах общественной жизни [5].

Концепцию комплексности исследуемой отрасли трудно признать убедительной и научно обоснованной.

Во-первых, кодификации могут подлежать только отрасли права, обладающие собственными предметом и методом.

Во-вторых, совокупность образующих систему взглядов на понятие комплексной отрасли права весьма неоднозначна и во многом противоречива.

Можно согласиться с комплексным характером правового акта, но не отрасли, признать хозяйственно-экономическую деятельность предметом одной из публичных, а не комплексных отраслей права.

По нашему мнению, нецелесообразно предложение ряда цивилистов собрать все нормативные акты, регламентирующие хозяйственно-экономическую деятельность, в единый кодифицированный документ. Это связано со следующими факторами [6]:

- регулирование отношений выделяется в особую отрасль права только в случае наличия у них специфики, уникального предмета и метода;

- у гражданско-правовых норм и норм хозяйственного права предмет регулирования тождественен, создание для него специального регулирования лишь способствует дублированию сущностей;

- понимая предпринимательское право в качестве элемента гражданского права, считаем, что если перенести из Гражданского кодекса РФ часть норм в новый кодифицированный документ, это нарушит

установившийся порядок гражданско-правового регламентирования, станет препятствием для специфического действия права в ходе преодоления пробелов в нормах Гражданского кодекса РФ, устанавливающих порядок взаимодействия участников предпринимательских правоотношений;

- единый кодекс нарушит механизмы функционирования права, так как многие нормы будут удалены из тех законов, которыми привык пользоваться правоприменитель;

- современное отечественное предпринимательское законодательство эффективно урегулировано на сегодняшний день и соответствует российским правовым традициям.

Таким образом, правовая база регулирования предпринимательских правоотношений в России достаточно организована. В нее входят: Конституция РФ, Гражданский кодекс РФ, принятые в его развитии специальные нормативно-правовые акты, которые регулируют, в том числе предпринимательскую деятельность, Федеральные законы: «Об акционерных обществах», «Об обществах с ограниченной ответственностью», «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях», «О банках и банковской деятельности», «Об организации страхового дела в Российской Федерации», «О финансовой аренде (лизинге)» и другие.

Несмотря на многие пробелы в законодательстве система регулирования предпринимательского права функционирует и значительно выполняет свою работу. Создание Предпринимательского кодекса на современном этапе нецелесообразно, так как в результате дуализма правового регулирования экономики произойдет затруднение в установлении границ сферы действия гражданского и предпринимательского права. Конечно, предпринимательское законодательство нуждается в совершенствовании, потому что сфера предпринимательской деятельности динамична, но данные процессы обязаны протекать в рамках существующей модели.

Библиографический список 1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 01.07.2020 № 1-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 39.

2. Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 4006.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

4. Антонова, Д.П. Правовое регулирование предпринимательства в Российской Федерации // Актуальные проблемы публичного и частного права в контексте современных процессов реформирования законодательства: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 23 ноября 2019 года. – Чебоксары: Чебоксарский кооперативный институт (филиал) автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования Центросоюза Российской Федерации Российский университет кооперации, 2021. – С. 16-20.

5. Государственное регулирование предпринимательской деятельности: учебник / И.В. Ершова, Е.Е. Енькова, О.А. Тарасенко, Е.В. Трофимова. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2023. – 224 с.

6. Кирин, А.А. О кодификации предпринимательского права // Молодой ученый. – 2017. – № 38 (172). – С. 79-82.

7. Коммерческое (предпринимательское) право. В 2 т. / под ред. В.Ф. Попондопуло. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2016. – 476 с.

8. Овинников, В.А. Актуальные проблемы кодификации предпринимательского законодательства в России // Наука и образование в современном обществе: актуальные вопросы и инновационные исследования: сборник статей IV Международной научно-практической конференции, Пенза, 15 сентября 2021 года. – Пенза: Наука и Просвещение, 2021. – С. 70-74.

9. Предпринимательское право. Правовое сопровождение бизнеса / Под ред. И.В. Ершова. – Москва: Проспект, 2018. – 848 с.

10. Предпринимательское право Российской Федерации / Под ред. Е.П. Губина, П.Г. Лахно. – Москва: Норма: Инфра-М, 2017. – 992 с.

11. Самойленко Е.Н. Проблемы кодификации российского предпринимательского права / Е.Н. Самойленко, И.А. Федченко // Интеллектуальный потенциал XXI века: материалы Международной (заочной) научно-практической конференции/ под общей редакцией А.И. Вострцова, София, 2018. – Нефтекамск, 2018. – С. 175-178.

12. Халеев, А.М. Предпринимательская деятельность: особенности правового регулирования // Глобальные и локальные тренды в управлении, экономике, юриспруденции: Материалы XIX Международной научно-практической конференции. В 4-х томах, Липецк, 27 апреля 2022 года/ Под общей редакцией Н.В. Лебедева. Том 3. – Воронеж: Автономная некоммерческая организация по оказанию издательских и полиграфических услуг «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2022. – С. 549-552.

THE PROBLEM OF CODIFICATION OF BUSINESS LAW

E.B. Balyakin, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*

E.R. Nabieva, *Student*

Ufa University of Science and Technology
(Russia, Ufa)

***Abstract.** The article analyzes the possibility of ordering and systematization of business legislation in order to give it forms convenient for use in the field of economic activity. The approaches to the issue of creating a single Code are also analyzed, the argumentation of representatives of different points of view is considered, the analysis of problems hindering the codification of business law is carried out, the features of the codification of business law are disclosed. In conclusion, the conclusion is made about the expediency of codification of business law.*

***Keywords:** business law, business activity, business code, subjects of economic activity, codification.*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ ТОВАРНОГО ЗНАКА

А.А. Банит, студент

А.А. Великий, студент

А.В. Чижикова, ст. преподаватель

Государственный морской университет им. адмирала Ф.Ф. Ушакова
(Россия, г. Новороссийск)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-18-20

***Аннотация.** В данной статье рассмотрены проблемы, не теряющие своей актуальности спустя года, в вопросе правового регулирования защиты товарного знака. В статье обозначены понятие и виды товарного знака. Объясняется значимость регистрации товарного знака, а также наиболее распространенные проблемы, возникающие в процессе данной процедуры. Особое внимание уделено проблемам защиты товарного знака в интернете. В результате чего авторами статьи предлагается несколько вариантов нововведений или изменений в законодательстве, регулирующем данный вопрос.*

***Ключевые слова:** товарный знак, виды, способы защиты прав, незаконное использование, ответственность.*

В законодательстве Российской Федерации товарным знаком признаётся обозначение, применяемое для индивидуализации товаров, работ и услуг юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Существуют разные виды товарных знаков. Так зарегистрированным товарным знаком может быть:

- словесное обозначение;
- графическое обозначение;
- комбинированное обозначение;
- объёмное обозначение;
- звуковое обозначение.

Регистрация товарного знака является важным средством его защиты. Игнорируя данную процедуру, юридические лица и индивидуальные предприниматели не могут воспользоваться предусмотренными законодательством мерами в случае регистрации недобросовестными лицами товарных знаков на их имя. Именно с момента государственной регистрации товарный знак подлежит охране.

Как правило, незаконно используются общеизвестные товарные знаки, т.е. те, которые широко известны и популярны в одном или нескольких государствах. Это связано с тем, что потребители узнают товары, отмеченные общеизвестным товарным знаком, связанным с конкретным производителем и качеством продукции.

Нарушители получают огромную прибыль от продажи товаров с незаконным использованием таких товарных знаков.

Иногда возникают проблемы, связанные с поздней регистрацией производителями товарных знаков, которые впоследствии становятся общеизвестными. Третье лицо регистрирует знак, используемый изготовителем, который своим трудом «раскручивает» его и делает общеизвестным, затем владелец знака также подает заявку на государственную регистрацию. В таком случае образуются сложности: во-первых, доказать, что знак известен многим и что регистрация первого субъекта недействительна и является злоупотреблением.

Еще одна проблемная ситуация, возникающая при регистрации товарного знака, именуется в литературе как «размывание» товарного знака, т.е. регистрация сходного или аналогичного до степени смешения товарного знака, но для идентификации другого вида товаров и услуг.

При регистрации товарного знака производится проверка на наличие сходных или аналогичных товарных знаков. При сравнении зарегистрированных обозначений учитываются заявленные и зарегистрированные товарные знаки, относящиеся к однородной продукции.

Совершенно верно, что аналогичные товары должны маркироваться знаком, допускающим возможность «размывания» товарного знака.

Следующая проблема касается торговли товарными знаками.

Имеются многочисленные случаи регистрации товарных знаков, идентичных или сходных до степени смешения с иностранными компаниями, планирующими выход на российский рынок с целью принуждения их к покупке товарных знаков, которые на законных основаниях используются компаниями за пределами России. Для предотвращения подобных злоупотреблений были заключены многосторонние международные договоры, наиболее важным из которых является Мадридский договор 1891 г. о международной регистрации знаков. Это соглашение направлено на преодоление принципа территориальности при охране товарных знаков. Суть этого соглашения заключается в том, что товарный знак, зарегистрированный в Международном бюро интеллектуальной собственности, получает такую же охрану в странах-участницах соглашения, как если бы он был заявлен непосредственно там (статья 1, пункт 4). Если товарный знак зарегистрирован только в одной стране, он не будет иметь правовой охраны в других странах. Это связано с тем, что одна из обязательных характеристик товарного знака – новизна – является относительной, а не абсолютной.

Конфликты между товарным знаком и доменным именем также могут вызвать проблемы с торговлей товарными знаками в Интернете. Закон запрещает использование зарегистрированных товарных знаков в доменном имени. Должно быть доказано, что доменное имя сходно до степени смешения с товарным знаком, зарегистрированным на имя лица, не являющегося владельцем дома. В известном деле о доменном имени и торговой марке «Продавец» эти факты были доказаны следующим образом. Для доказательства сходства до степени смешения использовались одновременно три подхода: транслитерация, указанная при регистрации в рамках Мадридского соглашения и Протокола; ссылка

на ранее рассмотренные споры о транслитерации японских знаков товарных знаков; логики статистики сервера, указывающие, что большинство посетителей используют транслитерацию «kommersant», чтобы попасть на сайт. На недобросовестность ответчика указывали предоставленные истцом документы, подтверждающие регистрацию ответчиком ряда доменных имен, содержащих зарегистрированные товарные знаки третьих лиц и предложение их к продаже, пассивное удержание доменного имени.

Согласно действующему законодательству, товарный знак и фирменное наименование не могут быть зарегистрированы одновременно.

На практике не только фирменное наименование проходит проверку на идентичные товарные знаки, но и товарный знак не проверяется на наличие сходных фирменных наименований в момент его регистрации, поэтому вероятность наличия идентичных товарных знаков и фирменных наименований, принадлежащих разным лицам чрезвычайно высока. И если владелец товарного знака может оспорить регистрацию товарного знака после регистрации товарного знака, шансы владельца товарного знака защитить свои интересы очень ограничены. Во избежание такого конфликта интересов владельцу торговой марки рекомендуется также зарегистрировать ее в качестве товарного знака.

Таким образом, вопрос охраны товарного знака таможенными органами России является актуальным в современную эпоху. Закон предоставляет правообладателям широкие возможности для защиты своих исключительных прав на товарные знаки, включая возможность выбора между тем или иным способом защиты.

С вступлением в силу части IV Гражданского кодекса Российской Федерации в 2008 году решились многие вопросы, касающиеся правового регулирования практики использования товарного знака. Но, на данный момент данная часть закона не охватывает и не регулирует все поднятые вопросы. Одной из слабых сторон является практика использования товарных знаков правоохранительными органами. Можно

выделить несколько основных проблем в вопросе правового регулирования товарных знаков: процесс защиты прав правообладателя на товарный знак, используемый в интернете, невозможность оказания юридической помощи и защиты определенному товарному знаку на основании решения суда, слабое регулирование отношений между сторонами, возникших на основе лицензионного соглашения о товарных знаках. В части IV Гражданского кодекса Российской Федерации должны быть усилены положения о регулировании процесса защиты товарного знака в различных ситуациях. Должны быть дополнены и усовершенствованы статьи. Например, в Гражданском кодексе Российской Федерации не содержатся товар-

ные знаки такого типа, как сертифицированные знаки, зарегистрировать товарный знак в качестве цветного знака нет возможности. Отсутствует статья, регулирующая права владельца товарного знака, при его нарушении в интернете. Существует необходимость изменения и дополнения данного механизма в Гражданском кодексе РФ. Необходимо внести правила по сертификации товарного знака, таким образом можно внести определенную трактовку понятия товарного знака в Гражданский кодекс, такую как: «сертифицированный товарный знак, утвержденный владельцем товарного знака». Расширить положения о качестве, точности и характеристиках данного понятия.

Библиографический список

1. Андреев Ю.Н. Судебная защита исключительных прав: цивилистические аспекты: монография. – М.: Норма: Инфра-М, 2017.
2. Баликоев В.З. Общая экономическая теория: учебник для вузов. – Новосибирск, 2016.
3. Гришаев С.П. Правовая охрана товарных знаков. Материал подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2018.
4. Гульбин Ю.Т. Исключительные права на средства индивидуализации товаров – товарные знаки, знаки обслуживания, наименования мест происхождения товаров: гражданско-правовой аспект. – М.: Статут, 2019.
5. Петрова Т.В. Изменения в практике защиты товарных знаков, лицензирования и передаче прав в связи с вступлением в силу четвертой части Гражданского кодекса РФ // Закон. – 2017. – №10. – С. 76-80.

CURRENT PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF TRADEMARK PROTECTION

A.A. Banit, *Student*

A.A. Velikiy, *Student*

A.V. Chizhikova, *Senior Lecturer*

Admiral F.F. Ushakov State Maritime University
(Russia, Novorossiysk)

Abstract. *This article examines the problems that have not lost their relevance over the years, in the question of legal regulation of trademark protection. The article outlines the concept and types of trademarks. The significance of trademark registration is explained, as well as the most common problems that arise during this procedure. Particular attention is paid to the problems of trademark protection on the Internet. As a result, the authors of the article offer several options for innovations or changes in the legislation governing this issue.*

Keywords: *trademark, types, ways of protecting rights, illegal use, liability.*

САМОУПРАВСТВО КАК ПРЕВЫШЕНИЕ ПРЕДЕЛОВ САМОЗАЩИТЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

М.Ю. Барышников, канд. юрид. наук, доцент
Российский государственный университет туризма и сервиса
(Россия, г. Подольск)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-21-24

***Аннотация.** В статье автором рассматриваются такие правовые институты, как самозащита и самоуправство, анализируется их соотношение и особенности. Изучены теоретические подходы к определению проблем нормативного правового регулирования самозащиты в части установления ее пределов, превышение которых может квалифицироваться как самоуправство. Автором подробно рассматривается содержание понятия самоуправления, описанное в научной литературе, гражданском и уголовном праве. В данной статье самозащита и самоуправства рассматриваются в качестве отдельных правовых институтов, применяемых в гражданских правоотношениях. Также в рамках настоящего исследования анализируется правоприменительная практика в части рассмотрения вопросов самозащиты и самоуправления судебными органами. Основными результатами исследования является выявление проблем нормативного регулирования механизмов реализации самозащиты прав физических и юридических лиц и установления ее пределов, заключающихся в отсутствии соответствующих положений в законодательстве. По результатам проведенного анализа обосновывается целесообразность внесения изменений в действующее законодательство в части установления требований к пределам самозащиты и описанию механизмов ее реализации.*

***Ключевые слова:** самозащита, самоуправство, пределы самозащиты, злоупотребление правом на самозащиту, гражданское право, правовой институт самозащиты, правовой институт самоуправления, дозволенное самоуправство, правовое регулирование.*

Самозащита прав и свобод является конституционным правом граждан в части, не противоречащей российскому законодательству. Самозащита является межотраслевым правовым понятием и, следовательно, находит свое отражение в нормативных актах уголовного, административного и гражданского права.

Традиционно под самозащитой понимается неюрисдикционная форма защиты гражданских прав, которая реализуется без участия уполномоченных государственных органов. Одним из самых важных аспектов при рассмотрении понятия и содержания понятия самозащиты является определение ее границ, преодоление которых традиционно принято считать самоуправством [8; 4]. В настоящее время вопросы самозащиты и ее пределов, а также ее отличие от самоуправления является малоизученной темой в научной литературе. При этом следует отметить, что и в российских нормативных правовых актах, ре-

гулирующих данный вопрос в установленной сфере деятельности, также уделяется недостаточно внимания.

Институт самозащиты в гражданском праве и иных областях имеет достаточно специфичные черты. Несмотря на истинное предназначение данного института, целью которого является снижение административной нагрузки с государственных органов и соблюдение конституционного права граждан на самозащиту, его практическая реализация порождает большое количество проблем в части соблюдения законодательства в рамках соответствующих правоотношений. В первую очередь, это обуславливается тем, что лицо, реализующее право на самозащиту, не всегда обладает необходимыми правовыми знаниями и навыками, и в большей степени руководствуется эмоциями и своими внутренними убеждениями. Как показывает практика, зачастую складывается такая ситуация, когда при попытке самостоятельно

защитить свои права, граждане невольно нарушают права других лиц, и в таком случае это характеризуется как самоуправство. Следует отметить, что такие ситуации возникают в большинстве случаев по причине нарушения принципа соразмерности, который подразумевает, что форма самозащиты должна соответствовать и быть соразмерной допущенному нарушению.

В научной литературе отдельное внимание уделяется проблемам нормативно-правового регулирования вопросов самозащиты. Так, например, Д.В. Королева и З.Р. Галиева в качестве основной проблемы указывают отсутствие единого подхода к определению действий, характеризующих самозащиту. Представляется, что нормативные правовые акты, регламентирующие данный вопрос в установленной сфере деятельности, должны содержать в себе перечень возможных методов реализации самозащиты с целью недопущения возможности превышения допустимого уровня и увеличения правовых возможностей на самозащиту со стороны лиц, чьи права были нарушены [5].

В работе исследователя А.А. Газаевой в качестве основной проблемы определяется наличие ограничений на самозащиту, в частности, определения ее соразмерности, которая в различных случаях может нести субъективный характер, а также понятия ее крайней необходимости, единое определение которой отсутствует в современном законодательстве [1].

Возможность защиты прав граждан в форме самозащиты закреплена статьей 14 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ). Данная статья регламентирует только наличие возможности самозащиты и определяет основной принцип ее соразмерности соответствующему нарушению [2]. Дополняет указанные положения разъяснение Постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25, согласно которому предполагается, что избрание формы самозащиты не исключает возможности лица обратиться к иным формам защиты прав, вместе с тем самозащита подразумевает целенаправленные действия лица в отношении как своего собственного иму-

щества, так и имущества правонарушителя. Особенно значимым положением настоящего документа является разъяснение, что правом на самозащиту обладают как физические, так и юридические лица [6]. Следует отметить, что в соответствии с Постановлением, положения которого регламентировали данный вопрос до 2015 года, были предусмотрены условия, на основании которых самозащита могла быть признана недействительной в случае несоразмерности способов, а также превышения уровня самозащиты, подразумевающего причинение вреда. При этом в действующем законодательстве соответствующие разъяснения отсутствуют.

Исходя из вышеизложенного, возникает вопрос, в каких случаях и на каком основании принимается решение о допустимости тех или иных действий в качестве самозащиты, и в какой момент это становится самоуправством. П.А. Гришин в своей работе выделяет три института, схожих по смыслу и своей сути. Так, крайняя необходимость и необходимая оборона являются составными частями понятия самозащиты. При этом самоуправство автор выносит в отдельную категорию, но дополнительно выделяет термин «дозволенное самоуправство», которое подразумевает нарушение законодательства, но при этом является необходимым для обеспечения своих собственных прав и интересов и по различным причинам не повлекло за собой наказание [3]. Таким образом, под самоуправством понимается злоупотребление правом на самозащиту. В целом действия, которые могут считаться фактически самозащитой, в юридическом смысле будут определяться уже как самоуправство.

Часть 1 статьи 10 ГК РФ предусматривает, что злоупотребление правом на самозащиту является недопустимым [2]. Следует отметить, что понятие самоуправления находится на границе уголовного и гражданского законодательства, и между ними достаточно тонкая грань.

Согласно статье 19.1 Кодекса об административных правонарушениях, под самоуправством понимается реализация физическим или юридическим лицом фактического или предполагаемого права с

нарушением, установленного законодательством порядке, не повлекшее за собой причинение существенного вреда в отношении иных лиц. За такое нарушение, согласно указанной норме, предусматривается штраф, размер которого зависит от типа лица, совершившего данное правонарушение [4]. При этом, с точки зрения Уголовного кодекса, под самоуправством подразумевается также реализация фактического или предполагаемого права вопреки российскому законодательству, которое повлекло за собой причинение существенного вреда в отношении иных лиц и правомерность которого оспаривается [8]. В указанной норме вызывает вопрос такой критерий определения самоуправства, как оспаривание правомерности действий соответствующего лица. Анализируя данное положение, возникает вопрос о последствиях совершения действий в рамках самозащиты в том случае, если они не оспариваются, и являются ли такие действия самоуправством. На наш взгляд, данный критерий также применим и в гражданском праве. Таким образом, целесообразно заключить, что самоуправство является в основном юридическим понятием и подтверждается в случае обращения гражданина в судебные или правоохранительные органы с соответствующим заявлением о превышении или злоупотреблении самозащитой со стороны лица, чьи права были нарушены.

По результатам анализа правоприменительной практики вопросов злоупотребления правом самозащиты, квалифицируемого в гражданском праве как самоуправства, мы пришли к выводу, что в большинстве случаев судебные органы признают действия граждан, направленных на самозащиту своих прав и интересов, законными и не противоречащими нормативным правовым актам в рассматриваемой сфере. Так, например, решением Архангельского областного суда было отказано в удовлетворении исковых требований Г. о возбуждении дела в соответствии со статьей 19.1. КоАП РФ в отношении П. за незаконное удержание имущества Г. В ходе судебного разбирательства судом было установлено, что между истцом и ответчи-

ком был заключен договор аренды, обязательства по которому истцом не были соблюдены, в результате чего у него образовалась задолженность перед ответчиком за использование помещений, принадлежащих П. Руководствуясь стремлением восстановить свои нарушенные права, ответчик закрыл помещения, в которых находилось имущество истца, и таким образом ограничил доступ к нему. Суд принял решение об отсутствии состава административного правонарушения в действиях ответчика, так как они представляли собой самозащиту [7]. При этом в случае, если имущество было бы жизненно важным для истца, и его удержание нарушало бы права в степени, превышающей совершенное им правонарушение, то суд должен был бы принять сторону истца.

Обобщая вышеизложенное, необходимо заключить, что в силу отсутствия соответствующих положений в нормативных правовых актах, регулирующих вопросы самозащиты, ее пределов и самоуправства, в настоящее время оценка соразмерности и допустимости определенных действий в качестве самозащиты в большей степени относится к компетенции судебных и правоохранительных органов. Отсутствие единого подхода к определению четких границ данных институтов обуславливает субъективный подход в процессе принятия решений в правоприменительной практике.

На наш взгляд, текущее состояние нормативной правовой базы, регулирующей особенности самозащиты и самоуправства, не может способствовать эффективному функционированию механизмов защиты конституционных прав граждан и развитию современного гражданского общества. Для решения указанных проблем нам представляется целесообразным закрепление на законодательном уровне пределов реализации самозащиты, превышение которых будет расцениваться как самоуправство. При этом с целью достижения четкого распределения данных понятий необходимо определить механизмы и порядок действий по реализации защиты прав граждан в форме самозащиты.

Библиографический список

1. Газаева А.А. Конституционное право на самозащиту: теория и практика: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2018. – 228 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
3. Гришин П.А. Самозащита и дозволение самоуправства: отдельные материальные и процессуальные аспекты // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2017. – №1 (28). – С. 70-76.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 20.10.2022).
5. Королева Д.В., Галиева З.Р. Проблемы нормативно-правового регулирования самозащиты в российской федерации: обзор судебной практики // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 4-4. – С. 28-31.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».
7. Решение Архангельского областного суда от 23.04.2020 по делу № 7Р-368/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 12.12.2022).
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Собрание Законодательства Российской Федерации. 1996. №25. Ст. 2954.

ARBITRARINESS AS EXCEEDING THE LIMITS OF SELF-DEFENSE IN CIVIL LAW

M.Yu. Baryshnikov, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*
Russian State University of Tourism and Service
(Russia, Podolsk)

***Abstract.** In the article, the author examines such legal institutions as self-defense and arbitrariness, analyzes their relationship and features. Theoretical approaches to the definition of the problems of normative legal regulation of self-defense in terms of setting its limits, the excess of which can be qualified as arbitrariness, are studied. The author examines in detail the content of the concept of arbitrariness described in the scientific literature, civil and criminal law. In this article, self-defense and arbitrariness are considered as separate legal institutions used in civil legal relations. Also, within the framework of this study, law enforcement practice is analyzed in terms of consideration of issues of self-defense and arbitrariness by judicial authorities. The main results of the study are the identification of problems of regulatory regulation of mechanisms for the implementation of self-protection of the rights of individuals and legal entities and the establishment of its limits, which consist in the absence of relevant provisions in legislation. Based on the results of the analysis, the expediency of making changes to the current legislation regarding the establishment of requirements for the limits of self-defense and the description of mechanisms for its implementation is justified.*

***Keywords:** self-defense, arbitrariness, limits of self-defense, abuse of the right to self-defense, civil law, legal institute of self-defense, legal institute of arbitrariness, permissible arbitrariness, legal regulation.*

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ СЕРИЙНЫХ УБИЙСТВ

В.И. Баталина, студент

Д.Ф. Гаврилова, студент

Башкирский государственный университет
(Россия, г. Уфа)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-25-28

Аннотация. В статье рассматривается место серийных убийств в системе уголовных преступлений Российской Федерации, также в рамках статьи проанализированы современные методики рассмотрения и разрешения указанных категорий дел, проведен анализ российского законодательства, выявлены основные проблемы методики расследования серийных убийств, рассмотрена возможность применения технологий искусственного интеллекта для расследования и раскрытия серийных убийств.

Ключевые слова: серийное убийство, методика расследования, «серия», расследование серийных преступлений, криминалистика, личность преступника.

В настоящее время понятие серийных убийств не закреплено в Уголовном кодексе Российской Федерации. Согласно ч. 1 ст. 105 УК РФ, убийство в целом представляет из себя умышленное причинение смерти другому человеку [6].

Далее в ст. 105 УК РФ раскрываются квалифицирующие составы убийства.

Понятие «серия» является составной частью понятия «множественности» преступления. Под «множественностью» преступлений понимаются случаи совершения одним и тем же лицом нескольких преступлений, которые не утратили своего юридического значения.

Правоохранительные органы должны иметь четкое представление о том, что такое серийное убийство, какие у него признаки, виды и классификации, по каким критериям можно отнести то или иное преступление к серийным. Для этих целей может служить разработка методических рекомендаций по выявлению и расследованию серийных убийств [7, с. 99].

Серийные убийства не зря признаются одними из самых сложных для выявления преступлений. Даже не смотря на большое количество научных работ, посвященных теме методики расследования серийных убийств, при расследовании и раскрытии данной категории преступлений работники правоохранительных органов сталкиваются с множеством проблем.

На данный момент в России при расследовании серийных убийств применяются следующие меры [1, с. 11]:

1. Привлечь следователя, специализирующегося на расследовании серийных убийств;

2. Установить взаимосвязь между преступлениями (необходимо выявить черты, которые объединяют все совершенные преступления в «серию»);

3. Составить психологический портрет преступника (для этих целей, как правило, привлекается психолог);

4. Организовать проведение следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий (это необходимо для сохранения всех значимых доказательств);

5. Привлечение экспертов (чаще всего эксперты необходимы для исследования биологических материалов преступников, обнаруженный в трупах, на трупах, на одежде и белье потерпевших, частицы растений, микрочастицы и другие объекты).

В теории все выглядит достаточно просто, однако, главная проблема возникает на втором пункте. На данный момент не существует поистине действенного способа объединить преступления с одну серию. Как правило, жертва и преступник никак не связаны друг с другом, следовательно, отделить какую-то общую закономерность от простой случайности порой невозможно.

В массовой культуре часто высказывается позиция, что человека сможет понять только человек. Однако это не совсем так. В последнее время все большую популярность обретают передовые компьютерные технологии в области расследования преступлений. Серийные убийства характеризуются большой эмоциональной вовлеченностью преступника, следовательно, машина не сможет понять мотивы убийцы. Машина действительно не может считать эмоции людей, однако она может вычислить некоторые закономерности в преступлениях, в частности [2, с. 107]:

1. Схожий типаж жертв.
2. Схожая обстановка совершения преступления.
3. Схожие послания преступника.
4. Схожие места совершения преступлений и так далее.

У каждого серийного убийцы есть свой индивидуальный почерк. Как правило, это проявляется в выборе оружия, места преступления, жертвы, способа убийства, времени суток, и многих других факторов [3, с. 158]. В независимости от степени организованности преступника, есть определенная закономерность в его действиях, что и позволяет программе выявить закономерность между преступлениями.

В современном мире уже применяются специальные программы. Так, например, в США разработана программа VICAP. Указанная программа использует обширные базы данных, содержащие информацию о способах совершения преступления, индивидуальном «почерке» преступника и так далее. Благодаря этой программе возможно установить статистические связи между признаками преступного события и особенностями личности [4, с. 140].

Такие же программы были разработаны и в других странах, например в Великобритании используют программу CATCHEM, а в Канаде – VIGLAS.

В середине ноября 2020 Министерство внутренних дел России планировало начать работу над разработкой схожего искусственного интеллекта. На данный момент разработка в силу не вступила, более того, пока нет информации о ходе самой работы по разработке подобной тех-

нологии. Изначально планировалось запустить программу в 2024, в то же время, кажется, что до этого ещё далеко.

Таким образом, современные компьютерные технологии развились достаточно, чтобы с успехом применять их в реальной работе. России необходимо также перенять тенденцию к цифровизации и внедрить в работу подобный искусственный интеллект. Машине зачастую проще сосредоточиться на какой-то узконаправленной задаче, например на выявлении закономерностей. Применение подобных технологий в значительной степени ускорило бы процесс рассмотрения и разрешения дела

В то же время важно заметить, что искусственный интеллект не может полностью заметить человека при расследовании и раскрытии преступления. Это связано в первую очередь с тем, что программа анализирует только загруженную в нее информацию, что уже сужает аналитический спектр. Программа не может предсказать дальнейшие действия преступника, встать на его место и попытаться предположить, как в дальнейшем будет складываться обстановка.

Методика расследования серийных убийств состоит из двух компонентов: информационного и методологического.

Информационный компонент необходим для выяснения значимых обстоятельств при выявлении «серии». Особенностью методики расследования серийных убийств в данном случае можно назвать повышенную степень конкретности (учитываются даже самые мелкие факты, такие как физические, биологические, психические и другие свойства личности). Это необходимо в связи с тем, что никогда нельзя заранее предугадать, какие доказательства станут решающими для исхода дела (в частности для выявления серии преступлений).

После выявления факта серийности приходит черед методологического компонента, в рамках которого выдвигаются следственные ситуации. На этом этапе необходимо расширить состав следственно-оперативной группы.

На основе типичных следственных ситуаций (в зависимости от того, известна ли жертва преступления и сам преступник) при расследовании серийных убийств следователь выдвигает следственные версии и составляет план расследования. Для реализации плана расследования следователь проводит следственные действия и розыскные мероприятия, в производстве которых участвуют другие лица, входящие в следственно-оперативную группу [7].

На данном этапе также есть ряд проблем, связанные с поиском преступника.

Таким образом, методика расследования серийных убийств в России все ещё недостаточно эффективна. Можно заме-

тить, что по сравнению с передовыми странами в России намного реже используются современные компьютерные разработки, такие как искусственный интеллект. Это является достаточно большой проблемой. Работники правоохранительных органов все ещё сильно загружены и в силу человеческого фактора не всегда могут заметить закономерность в преступлениях, и объединить их в «серию». Такие программы как VICAP, CATCHEM, VIGLAS уже существуют и показывают хорошие результаты. России следует перенять зарубежный опыт и создать собственный аналог для более эффективной работы в сфере расследования серийных убийств.

Библиографический список

1. Сретенцев Д.Н., Бондарь М.И. К вопросу о совершенствовании расследования серийных преступлений // Российский следователь. – 2019. – № 10. – С. 9-12.
2. Гимозутдинова Г.В. Особенности расследования серийных преступлений // Отечественная юриспруденция. – 2017. – № 5 (19). – С. 106-109.
3. Милаева М.Ю. Современный взгляд на криминологический портрет серийного убийцы // Территория науки. – 2018. – № 5. – С. 156-161.
4. Оганесян К.М. Серийные убийства и перспективы их раскрытия с помощью искусственного интеллекта // Юридический форум: сборник статей III Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2021. – С. 138-141.
5. Хапугин А.И. Криминалистические особенности методики расследования серийных убийств // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. – 2020. – № 11 (50). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://alley-science.ru/domains_data/files/5November2020/KRIMINALISTICHEESKIE%20OSOBENNOSTI%20METODIKI%20RASSLEDOVANIYA%20SERIYNYH%20UBIYSTV.pdf. (дата обращения: 08.12.2022).
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 09.12.2022).
7. Крюкова Е.С. Криминалистический взгляд на понятие «Серийное убийство» // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2013. – №2. – С. 93-102.

PROBLEMS OF THE METHOD OF INVESTIGATION OF SERIAL MURDERINGS

V.I. Batalina, *Student*
D.F. Gavrilova, *Student*
Bashkir State University
(Russia, Ufa)

***Abstract.** The article discusses the place of serial murders in the system of criminal offenses of the Russian Federation, also within the framework of the article, modern methods of consideration and resolution of these categories of cases are analyzed, an analysis of Russian legislation is carried out, the main problems of the methodology for investigating serial murders are identified, the possibility of using artificial intelligence technologies for investigation and disclosure is considered serial killings.*

***Keywords:** serial murder, investigation technique, "series", investigation of serial crimes, criminalistics, identity of the offender.*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОГОВОРА БАНКОВСКОГО ВКЛАДА В ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛАХ

Г.А. Беляков, студент

С.В. Старцева, старший преподаватель

Самарский государственный экономический университет
(Россия, г. Самара)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-29-32

Аннотация. Статья посвящена вопросам правового регулирования договора банковского вклада в драгметаллах. Охарактеризована правовая природа данного вида договора, рассмотрены его особенности, такие как отсутствие у клиента доступа к драгметаллу, необходимость получения лицензии. Определены основные проблемы и даны рекомендации по улучшению правового регламентирования данной сферы. Рекомендовано распространить страхование вкладов на данный вид договора.

Ключевые слова: договор банковского вклада в драгоценных металлах, правовое регулирование, правовой статус договора, законодательная база, предмет договора.

Правовое регулирование договора банковского вклада достаточно хорошо изучено. Необходимая регламентация представлена в ГК РФ [1], где рассматриваются вопросы, связанные с процедурой заключения подобного вида договора, освещаются его особенности и сроки его заключения, а также описывается ответственность за нарушения. Однако, как показывает правоприменительная практика, даже в рамках такой хорошо изученной темы имеются пробелы. Это касается договора банковского вклада в драгоценных металлах, который пока что не получил достаточного освещения в юридической литературе. Видимо, дело в том, что правовая природа данного вида вклада стала изучаться сравнительно недавно, а Гражданский кодекс был дополнен новой статьей лишь в 2017 году.

Безусловно, это значительно дополнило законодательную базу сферы банковского дела, тем не менее, это требует уделения дополнительного внимания правовому регламентированию данной сферы.

Рассмотрение вопроса о правовом регулировании изучаемого вида договора представляется весьма своевременным еще и потому, что сейчас

отмечается повышенный спрос на драгоценные металлы со стороны инвесторов, в том числе физических лиц. При этом собственно финансовая сторона дела до-

статочно хорошо освещена в экономической литературе, но правовой аспект данного вида договора охарактеризован недостаточно полно.

На наш взгляд, это требует более детального изучения и свидетельствует об актуальности обращения к данной теме. Все это предопределяет цель исследования, которая заключается в проведении анализа основных характеристик анализируемого документа.

Это требует решения нескольких задач:

- рассмотреть правовую природу анализируемого договора;
- определить особенности данного вида договора и проблемы, связанные с его заключением;
- выработать рекомендации по улучшению правового регулирования данного вида договора.

Для начала рассмотрим основные правовые аспекты рассматриваемого вида договора. Законодательную базу составляют следующие нормативные документы: Федеральный закон № 395-1 «О банках и банковской деятельности» [2], Федеральный закон № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» [3].

В общих чертах, клиент вносит вклад в драгоценных металлах, а банк обязуется вернуть вкладчику другой металл, имеющий то же наименование, либо банк дол-

жен отдать сумму, эквивалентную его стоимости, а также выплатить клиенту проценты.

Ст. 844.1 ГК РФ определяет те условия рассматриваемого вида договора, которые считаются существенными, в частности, он является подвидом договора банковского вклада, но предметом договора является драгоценный металл, как правило, золото. К тому же, анализируемый вид договора обладает теми же характеристиками, что и обычный договор банковского вклада. В частности, он является реальным, односторонне обязывающим, носит возмездный характер, а также заключается в письменной форме.

Тем не менее, отмечается ряд особенностей.

Особенностью является то, что клиент, как правило, не получает доступа к драгметаллу: он просто хранится в банке, в то время как снять средства со вклада вполне возможно. Соответственно, это находит отражение в тексте договора.

Еще одной особенностью данного вида договора является то, что речь идет о самостоятельной банковской операции, которая должна быть указана в лицензии банка, которую банк обязательно должен получить как для работы с денежными средствами, так и для работы с драгметаллами. Получается, что помимо заключения самого договора требуется осуществить правильное юридическое сопровождение получения этой лицензии.

И, наконец, в отличие от стандартных договоров банковского вклада, предметом договора банковского вклада в драгметаллах является сам драгоценный металл, рассматриваемый как высоколиквидный финансовый ресурс. Это также отражается в тексте договора банковского вклада в драгоценных металлах. Таким образом, мы видим, что работа с банковскими вкладами в драгоценных металлах требует особого правового регулирования.

Ст. 844.1 ГК РФ определяет те условия рассматриваемого вида договора, которые считаются существенными. Сама анализируемая статья ГК РФ состоит всего из четырех пунктов. В п.1 презюмируются обязанности банка по возврату драгоценных

металлов клиенту. В п.2 содержится информация об обязательных условиях договора. В п.3 упоминается, что к данному виду вклада применяются правила о вкладах, принятые кодексом. В п.4 отмечается, что обеспечение возврата вкладов граждан не применяется в случае данного вида договора.

Это позволяет сравнить договор банковского вклада с договором вклада в драгметаллах. Отметим, что договоры имеют схожую структуру: в них обязательно определяется наименование драгметалла, количество драгметалла или денег, порядок открытия и ведения счета, права и обязанности сторон, проценты, порядок оплаты услуг. Следовательно, рассматриваемый вид договора уже достаточно распространен и понятен, но с точки зрения правового регулирования, в нем есть ряд несостыковок.

Во-первых, положения закона о страховании вкладов физических лиц (п. 1. ст. 840 ГК РФ в ред. от 23.12.2003 г.) на договор банковского вклада в драгметаллах не распространяются. Это, на наш взгляд, является серьезной недоработкой, и, безусловно, будет уменьшать интерес вкладчиков к данному виду вклад как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе.

Во-вторых, до сих пор в ряде банков предпочитают открывать договор обезличенного металлического счета (далее договор ОМС). Причина, видимо, в существовавшей на протяжении долгого времени традиции использовать именно договор ОМС, так как правовые характеристики договора банковского вклада в драгметаллах были определены не так давно. Однако, несмотря на долгую историю использования, правовые сложности возникают из-за отсутствия в законодательстве понятия «обезличенный металлический счет». Иными словами, существует некоторая двойственность правового регулирования данной сферы: одновременно действуют два вида договора.

Также существует проблема капитализации невыплаченных процентов. Соответственно, следует определить, как будут начисляться проценты к сумме вкладов в

драгметаллах и, безусловно, отразить это в тексте договора.

И, наконец, недостаточно с правовой точки зрения регламентирована операция возврата драгоценных металлов клиенту. В частности, в ст. 844.1 просто упоминается обязанность вернуть вклад в драгметаллах вкладчику, но сама процедура возврата и ее правовое сопровождение детально не проработаны.

В целом, малый объем статьи 844.1 ГК РФ побуждает нас выработать ряд рекомендаций по улучшению правового регулирования изучаемого вида договора.

Следует уточнить правовой статус договора обезличенного металлического счета и внести соответствующие дополнения в ГК РФ. Также необходимо рассмотреть вопрос о возможности распространения страхования вкладов и на изучаемый вид договора. И, наконец, предусмотреть пе-

речень операций, с помощью которых можно осуществить возврат драгоценных металлов [5, с. 79] и отразить это в тексте закона.

Для решения проблемы капитализации невыплаченных процентов «...в договоре должен содержаться порядок пересчета процентов, выраженных в рублях, в соответствующее количество драгоценного металла, на которое увеличится вклад» [4, с. 97].

Таким образом, правовой статус рассматриваемого вида договора требует пояснений и сам договор должен быть дополнен информацией о видах банковских вкладов в драгметаллах, о правовой регламентации возврата драгметалла вкладчику.

Вышеупомянутые рекомендации помогут лучшему правовому регламентированию изучаемой сферы.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
2. Федеральный закон от 02 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 6. Ст. 492.
3. Федеральный закон от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» (ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 52 (часть I). Ст. 5029.
4. Ефимова Л.Г. Договоры банковского вклада и банковского счета: монография / Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Кафедра банковского права. – М.: Проспект, 2018. – 428 с.
5. Строева Т.А. Правовой режим договоров банковского вклада в драгоценных металлах // Вопросы студенческой науки. – 2019. – №3 (31). – С. 97-103.

LEGAL REGULATION OF THE BANK DEPOSIT AGREEMENT IN PRECIOUS METALS

G.A. Belyakov, *Student*

S.V. Startseva, *Senior Lecturer*

**Samara State University of Economics
(Russia, Samara)**

***Abstract.** The article is devoted to the issues of legal regulation of the bank deposit agreement in precious metals. The legal nature of this type of contract is characterized, its features are considered, such as the client's lack of access to precious metals, the need to obtain a license. The main problems are identified and recommendations are made to improve the legal regulation of this area. It is recommended to extend deposit insurance to this type of contract.*

***Keywords:** bank deposit agreement in precious metals, legal regulation, legal status of the agreement, legislative framework, subject of the agreement.*

ИНСТИТУТ ПОДСУДНОСТИ В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РФ

М.А. Боженков, студент

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина
(Россия, г. Краснодар)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-33-37

Аннотация. Актуальность темы настоящей статьи связана с тем, что принятие Кодекса административного судопроизводства РФ (далее по тексту – КАС РФ) стало важным шагом на пути становления административного судопроизводства. В то же время на практике сохраняются ситуации, связанные с возникновением вопросов о подсудности спора. Правильное определение подсудности спора позволяет обеспечить законность решения. При этом, установление подсудности суда имеет большое значение для обеспечения защиты прав. В рамках данной статьи установлено, что наиболее часто сложности возникают при установлении подсудности в случае оспаривания нормативно-правовых актов, решения или действия органов государственной власти. для разрешения возникающих на практике вопросов проведен анализ норм КАС РФ, раскрыты положения, устанавливающие критерии определения подсудности административных дел, которые подтверждаются примерами судебной практики.

Ключевые слова: подсудность, административные дела, суд, защита прав, оспаривание.

Подведомственность представляет собой совокупность юридических норм, предусмотренных в законодательстве и позволяющих определить возможность суда рассматривать спор на основании субъекта, предмета и характера такового. Подсудность позволяет отнести подведомственные дела к ведению определенного суда. Определение подсудности административных дел относится к полномочиям Верховного Суда РФ, судов общей юрисдикции, мировых судей.

Речь идет об административных делах, которые связаны с защитой нарушенных прав, оспариванием действий или бездействий, а также с иными спорами, которые вытекают из административных правоотношений и иных публичных правоотношений. Подведомственность арбитражным судам дел, возникающих из публичных правоотношений, определяется положениями ст. 29 АПК РФ. Арбитражные суды рассматривают в порядке КАС РФ экономические споры и иные дела, связанные с осуществлением экономической и предпринимательской деятельностью, когда такой спор вытекает из публичных или административных правоотношений. Ар-

битражные суды рассматривают административные дела, связанные с оспариванием нормативных актов органов исполнительной власти, действия и решения органов государственной власти и местного самоуправления, а также иных организаций, наделенных должностными полномочиями, если такие действия или акты привели к нарушению прав и законных интересов в сфере предпринимательской деятельности. Арбитражные суды рассматривают дела об административных правонарушениях, если федеральным законом определена такая компетенция. Кроме того, компетенция арбитражных судов распространяется на дела, связанные со взысканиями с организаций и граждан, которые осуществляют экономическую и предпринимательскую деятельность, обязательных платежей, санкций, а также иные административные дела, которые федеральными законами отнесены к компетенции арбитражных судов [1].

В Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 9 декабря 2002 г. № 11, указано, что дела, которые связаны с административным и иными публичными отношениями, рассматрива-

ются арбитражными судами в тех случаях, когда указание об этом прямо содержится в федеральном законе.

Положения КАС РФ не предусматривали изначально, в отличие от положений ГПК РФ, рассмотрение административных дел мировыми судьями. Однако в 2016 г. федеральным законом № 103-ФЗ приняты поправки, устанавливающие упрощенную форму рассмотрения дел о взысканиях обязательных платежей. В результате в КАС РФ добавлена глава 11.1, которая регламентирует вынесение судебного приказа. Помимо этого, добавлена ст. 17.1, устанавливающая подсудность административных дел мировым судьям, в частности, отнесение к их компетенции рассмотрение заявлений о вынесении судебного приказа в части требований о взыскании обязательных платежей и санкций. Указанный федеральный закон также предусматривал дополнение статьи 1 частью 3.1, которая предусматривала, что заявления о вынесении судебного приказа по требованиям о взыскании обязательных платежей и санкций рассматриваются в порядке административного судопроизводства [2].

Положения ст. 18 КАС РФ устанавливают подсудность административных дел военным судам. В ст. 18 закреплено положение, аналогичное норме ст. 25 ГПК РФ, которая предусматривает, что административные дела рассматриваются военными судами в случаях, предусмотренных федеральными законами. Нормы ст. 18 КАС РФ более детализированные и предусматривают, что речь идет об административных делах, которые связаны с защитой нарушенных прав, свобод, законных интересов в сфере административных и иных публичных правоотношений [3].

Кроме того, вопросы определения подсудности дел военными судами отражены в Постановлении Пленума ВС РФ от 29 мая 2014 г. «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих». Положения федерального закона «О военных судах РФ», предусматривают, что им подсудны дела, связанных с нарушением прав и законных интересов граждан, военнослужащих, проходящие военные

сборы. Военные суды в порядке КАС РФ рассматривают административные дела по заявлениям лиц, уволенных с военной службы.

Положения ст. 19 КАС РФ определяют перечень административных дел, подсудных районным судам. К подсудности районных судов относятся все иные дела, которые рассматриваются в первой инстанции, не отнесены к подсудности мировых судей, арбитражных и военных судов, верховного суда субъекта РФ, Верховного Суда РФ. Норма ст. 19 КАС РФ сформулирована по аналогии норме ст. 24 ГПК РФ [5].

Подсудность административных дел верховному суду субъекта РФ устанавливается положениями ст. 20 КАС РФ. Верховные суды субъектов РФ рассматривают дела об оспаривании нормативных актов органов государственной власти субъекта РФ, в котором расположен суд, если такие нормативные акты затрагивают права и интересы граждан и организаций. Помимо этого, верховные суды субъектов РФ рассматривают административные дела о приостановлении деятельности или о ликвидации структурного регионального подразделения политической партии, общественного объединения, местной религиозной организации.

Верховные суды субъектов РФ рассматривают административные дела о запрете деятельности общественных объединений, которые не являются юридическими лицами, административные дела о приостановлении или прекращении деятельности средств массовой информации, об оспаривании решений избирательных комиссий субъектов РФ. В порядке административного судопроизводства верховные суды субъектов РФ рассматривают административные дела о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок. Помимо этого, рассматриваются административные дела об оспаривании решений экзаменационных комиссий субъектов РФ по приему квалификационного экзамена на должность судьи, либо решения об отказе в до-

пуске к экзамену, а также решения об определении кадастровой стоимости [6].

Указание о подсудности административных дел верховным судам субъектов РФ содержатся также в положениях специализированного законодательства, в Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления», «О референдуме Российской Федерации». В ч. 2 ст. 20 КАС РФ предусмотрена исключительная подсудность Московскому городскому суду административных дел об ограничении доступа к аудиовизуальному сервису.

Положения ст. 21 КАС РФ предусматривают подсудность административных дел Верховному Суду РФ. Подсудность дел Верховному Суду определяется положениями Федерального конституционного закона «О Верховном Суде РФ». Положения ст. 21 КАС РФ дублируют положения данного федерального закона. Верховный Суд РФ рассматривает по первой инстанции административные дела, связанные с оспаривает нормативно-правовых актов высших должностных лиц и органов государственной власти РФ, а также об оспаривании ненормативных актов данных субъектов [7].

В порядке КАС РФ в Верховный Суд РФ направляются заявления об оспаривании решений высшей квалификационной комиссии судей РФ, соответствующий комиссий субъектов РФ, заявления об оспаривании решений квалификационных комиссий, связанные со сдачей экзаменов на должность судьи, заявления о приостановлении деятельности политических партий, общественных и международных организаций, о прекращении деятельности средств массовой информации, заявления об оспаривании решений избирательных комиссий. В порядке административного судопроизводства Верховный Суд РФ рассматривает споры между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов, а также споры о присуждении компенсации

о нарушении права на судопроизводство в разумный срок.

Достижением КАС РФ является уточнение положений о возможности оспаривания нормативных актов внебюджетных фондов, а также нормативных актов государственных корпораций. Длительное время сохранялась ситуация правовой неопределенности, связанной с установление порядка обжалования. Отнесение к подсудности суда субъекта РФ административных дел об оспаривании нормативных актов органов местного самоуправления положительно оценивается как исследователями, так и практиками, поскольку установление данного положения позволяет обеспечить процедуру оспаривания, соответственно, обеспечить процедуру защиты прав. При рассмотрении вопросов об оспаривании нормативных актов органов государственной власти субъектов, необходимо принимать во внимание разъяснения Верховного Суда РФ, которые отражены в Постановлении № 48 от 29 ноября 2007 г. «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных актов полностью или в части». В данном постановлении указано, о каких именно органах идет речь [6].

Установление данных законодательных положений позволяет оспаривать нормативный акт органа государственной власти субъекта в верховном суде субъекта РФ, что отвечает общей логике законодательства, связанной с установлением предметной подсудности и определением уровня оспаривания нормативного акта.

Положения КАС РФ, которые определяют территориальную подсудность административных дел, не лишены определенных недостатков. Данное положение связано с особенностями юридической техники. Многие вопросы связаны с использованием формулировок о том, что административное исковое заявление подается в суд того района, на территорию которого распространяются полномочия указанных органов. Данная формулировка не совсем ясна, поэтому возникают определенные сложности, которые усугубляются еще и тем, что положения ст. 22 КАС РФ не предусматривают возможности выбора

истом суда, в который он может обратиться.

Данный вопросы носят не только теоретический характер, но и создает проблемы на практике. Правильное определение подсудности зачастую играет решающее значение, поэтому целесообразнее было бы установить альтернативную подсудность, позволив административному истцу выбирать суд по месту нахождения органа или должностного лица, действия или нормативный акт, который оспариваются. Данное положение повысило бы эффективность и доступность судебной защиты прав [7].

При рассмотрении альтернативной подсудности административных дел необходимо отметить, что установление данной подсудности обуславливает наличие одной из отличительных особенностей административного судопроизводства, предусматривает возможность гражданина обратиться с административным иском заявлением об оспаривании нормативного акта по месту своего жительства. Указание данного положения в виде отдельной статьи исследователи рассматривают как определенное достижение законодательной техники. Положения о договорной подсудности определяются особенностями административных дел и закреплением особых правил исключительной подсудности в положениях ст. 23 КАС РФ. Положе-

ния КАС РФ, которые регламентируют исключительную подсудность, по мнению отдельных исследователей, имеют недостатки, связанные с дублированием норм о подаче искового заявления о помещении иностранного гражданина.

Подлежащего депортации или реадмиссии в специальное учреждение. Положения ст. 23 не предусматривают необходимости подачи административного искового заявления об установлении надзора в отношении лица, освобожденного от наказания в виде лишения свободы, о продлении надзора, об установлении определенных ограничений. А также повторение положений о подаче заявление о госпитализации гражданина в медицинское учреждение, оказывающее психиатрическую помощь. Необходимо закрепление в КАС РФ норм об исключительной подсудности в отношении отдельных категорий административных дел для обеспечения единообразия, без дублирования в отдельных главах.

Анализ положений КАС РФ позволяет определить особенности административной процессуальной формы в отношении вопросов определения подсудности. Однако сохраняется необходимость совершенствования законодательных положений, регламентирующих правила осуществление административного судопроизводства.

Библиографический список

1. Бархович, А.С. Признание недействительным акта государственного органа (Роспатента) как способ защиты исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации / А.С. Бархович, Е.И. Дробот, Л.А. Зеленская // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 12-2. – С. 35-39. – DOI 10.23672/e1226-3436-7727-z. – EDN TEKSLE.
2. Борисов А.Н., Лагвилава Р.П. Комментарий к Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. N 21-ФЗ (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юстицинформ, 2018. – 544 с.
3. Воронов А.Ф. Есть ли подведомственность? (Преподавание, наука, практика) // Вестник гражданского процесса. – 2020. – №5. – С. 13-46.
4. Любимова Е.В. Влияние электронного правосудия на вопросы подсудности гражданских и административных дел // Вестник гражданского процесса. – 2018. – №1. – С. 200-210.
5. Павлова М.С. Проблемы разграничения подсудности и компетенции гражданских, арбитражных и административных дел // Арбитражный и гражданский процесс. – 2020. – №12. – С. 23-27.

6. Тарибо Е.В. Некоторые проблемы развития судебного нормоконтроля в России (в аспекте проверки конституционности регионального законодательства) // Российский судья. – 2018. – №9. – С. 52-59.

7. Шестак В.А. О некоторых положениях современной практики применения судами законодательства в сфере административного судопроизводства // Мировой судья. – 2018. – №7. – С. 36-40.

INSTITUTE OF JURISDICTION IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS OF THE RUSSIAN FEDERATION

M.A. Bozhenov, Student

**Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin
(Russia, Krasnodar)**

***Abstract.** The relevance of the topic of this article is related to the fact that the adoption of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation (hereinafter referred to as the CAS of the Russian Federation) has become an important step towards the establishment of administrative proceedings. At the same time, in practice, there are situations associated with the emergence of questions about the jurisdiction of the dispute. The correct determination of the jurisdiction of the dispute allows to ensure the legality of the decision. At the same time, the establishment of the jurisdiction of the court is of great importance to ensure the protection of rights. Within the framework of this article, it is established that the most common difficulties arise when establishing jurisdiction in the case of challenging normative legal acts, decisions or actions of state authorities. to resolve issues arising in practice, the analysis of the norms of the CAS of the Russian Federation was carried out, the provisions establishing the criteria for determining the jurisdiction of administrative cases were disclosed, which are confirmed by examples of judicial practice.*

***Keywords:** jurisdiction, administrative cases, court, protection of rights, challenge.*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

М.А. Боженков, студент

**Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина
(Россия, г. Краснодар)**

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-38-40

***Аннотация.** В данной статье анализируются правовые вопросы, связанные с отдельными проблемами профессионального представительства в арбитражном процессе. Автор отмечает, что институт профессионального представительства в сфере арбитражного процесса выступает неотъемлемым инструментом, и поэтому требует выявления проблем и определения возможных направлений их решения.*

***Ключевые слова:** профессиональное представительство, арбитражный процесс, иск, судебное разбирательство.*

Конституция РФ в статье 48 устанавливает важнейшую из гарантий обеспечения справедливого, законного и открытого правосудия - право каждого на получение квалифицированной юридической помощи. Эта конституционная гарантия лежит в основе института представительства, позволяющего гражданам и организациям в полной мере осуществлять свои гражданские права и обязанности, восстанавливать нарушенные права и законные интересы. Третейский суд – прежде всего не государственный орган, который создается по воле сторон. В его основе, как правило, лежит соглашение субъектов третейского разбирательства, наделяющее указанный суд соответствующими полномочиями [1]. Поэтому рассмотрим представительство в арбитражном суде более подробно.

Глава 6 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации посвящена институту представительства в арбитражном процессе, она регулирует порядок участия в деле представителя, рассматриваются его полномочия, а также оформления и проверки таких полномочий. Изменения в процессуальном законодательстве, вступившие в силу осенью 2019 г., коснулись и института представительства – российский гражданский процесс встал на рельсы «профессионального представительства». Это, в свою очередь, создало немало коллизионных проблем в целом для всего процесса.

Стоит обратиться к определению представителя. Считают их представителями граждан, например, индивидуальных предпринимателей, и организаций, имеющие высшее юридическое образование или ученую степень по юридической специальности.

Возникает прямая практическая проблема – является ли документ, подтверждающий высшее юридическое образование или ученую степень по юридической специальности, необходимым элементом статуса представителя, иными словами?

Указанная проблема опосредуется на стадии подачи искового заявления в арбитражный суд. Так, в статье 126 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации перечислены документы, которые должны быть приложены к исковому заявлению, и среди прочего названы среди них доверенность или иные документы, подтверждающие полномочия на подписание искового заявления.

При этом среди документов, указанных в этом закрытом списке, отсутствуют документы, касающиеся образования представителя и/или ученой степени, в связи с чем существует конкуренция и даже, точнее, противоречие с положениями Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, который не обязывает прилагать к исковому заявлению, подписанному представителем, документы, подтверждающие образование/ученую степень такого представителя, но при этом

указывает, что только одно лицо, имеющее его юридическое образование/ученую степень могут представлять граждан и быть организациями. Кроме того, согласно действующему АПК РФ отсутствие образования/ученой степени среди приложенных к иску документов не является основанием для отказа в принятии иска с применением предусмотренных законом последствий (без движения, возврат, отказ).

Разумным способом решения этой проблемы является внесение изменений в ст. 126 АПК РФ, то есть включение в перечень приложений к заявлению заверенную копию документа, удостоверяющего высшее образование/ученую квалификацию представителя, при этом представляется целесообразным сделать исключение к этому правилу для адвокатов, статус которых, а значит, и наличие высшего юридического образования, могут быть подтверждены проверкой через государственный реестр адвокатов соответствующего дела Российской Федерации по регистрационному номеру.

Актуальной проблемой, возникшей в связи с введением обязанности представителя по подтверждению своего образования/ученой квалификации, является правовая неопределенность, возникающая при участии представителя, имеющего юридическое образование иностранного учебного заведения, в арбитражном деле российского суда.

Необходимо учитывать неправовые обстоятельства, связанные с особенностями правовых систем разных государств: различия в системе законодательства, формирующейся судебной практике, государственных институтах, правовой культуре и т. д., которые оказывают непосредственное влияние не столько на формальную, сколько на реальную возможность пред-

ставителя участвовать в судебном разбирательстве, то есть адекватно и в полном объеме представлять законные права и интересы граждан и организаций в Арбитражном суде.

Отметим, что АПК РФ и КАС РФ являются более передовыми в сравнении с ГПК РФ, поскольку в них имеются нормы (ст. 54 и 48 соответственно), в которых прямо предусмотрено участие представителей «наряду» с представляемыми [2].

По-настоящему качественная и профессиональная юридическая помощь в суде возможна не только при наличии как такового высшего юридического образования, но и при учете особенностей российской правовой системы, судебной и административной практики, сложившейся при получении такой подготовки, чего достаточно сложно добиться при обучении в иностранном вузе, в связи с чем представляется целесообразным путем изменения соответствующих статей АПК РФ установить, что документ, подтверждающий образование/академическую степень представителя, выдаваемый российским образовательным учреждением, уместнее, поскольку только такой регулирующий механизм с учетом специфики, именно правовая реальность позволит соблюсти конституционную гарантию предоставления именно квалифицированных юридических навыков. Также проблема профессионализации представительства требует комплексного, взвешенного подхода, предусмотренного государственными правовыми нормами для совершенствования юридического образования и квалифицированной юридической помощи, как представители государства, так и представители гражданского общества должны эффективно использовать все элементы правового контроля [3].

Библиографический список

1. Гринь, Е.А. Роль третейского суда при разрешении экономических споров в агропромышленном комплексе // Правовое обеспечение агропромышленного комплекса: Сборник трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 19 ноября 2019 года. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2019. – С. 107-111. – EDN SJOGSV.

2. Гринь, Е.А. Процессуальный и материальный аспекты представительства как правоотношения в гражданском судопроизводстве / Е.А. Гринь, Э.В. Градинар // Аграрное и зе-

мельное право. – 2022. – № 1 (205). – С. 137-140. – DOI 10.47643/1815-1329_2022_1_137. – EDN KEDSKD.

3. Ярков, В.В. Арбитражный процесс: Учебник / Отв. ред. проф. В.В. Ярков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2017.

SOME FEATURES OF PROFESSIONAL REPRESENTATION IN THE ARBITRATION PROCESS

M.A. Bazhenov, *Student*

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin
(Russia, Krasnodar)

***Abstract.** This article analyzes legal issues related to individual problems of professional representation in the arbitration process. The author notes that the institute of professional representation in the field of arbitration process is an integral tool, and therefore requires the identification of problems and the definition of possible ways to solve them.*

***Keywords:** professional representation, arbitration process, lawsuit, court proceedings.*

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ РЕБЕНКА ПРИ НЕЗАКОННОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЕГО ИЗОБРАЖЕНИЯ

Ф.В. Боргояков, бакалавр

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
(Россия, г. Абакан)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-41-45

***Аннотация.** В статье анализируются нормы, устанавливающие способы гражданско-правовой защиты несовершеннолетнего при незаконном использовании его изображения, и, прежде всего, нормы законодательства, на которые следует опираться при построении линии доказывания. Также уделяется внимание рассмотрению правоотношений, возникающих при использовании изображения ребенка, как третьими лицами, так и его законными представителями. В частности, в подтверждение своей точки зрения автор апеллирует к судебной практике по вопросам публикации изображения ребенка третьими лицами со спорным фактом наличия согласия законного представителя несовершеннолетнего.*

***Ключевые слова:** изображение ребенка, использование изображения, нарушение прав ребенка, права ребенка, судебная защита.*

С учетом стремительного развития современных технологий у граждан появляется все больше возможностей для размещения своих изображений, изображений детей и третьих лиц в том числе в сети Интернет. Используя эти возможности люди самостоятельно и добровольно размещают свои фото и фото близких в общем (свободном) доступе. Помимо этого, родители, зачастую, самостоятельно осуществляют регистрацию своих детей в социальных сетях, обсуждают их жизнь с подписчиками. Поэтому вопросы действующего законодательства и судебной защиты персональных данных несовершеннолетних, а в частности, при незаконном использовании изображения ребенка являются актуальными на сегодняшний день.

Для начала необходимо определить, что является изображением несовершеннолетнего, использования которого может быть незаконным. В Гражданском кодексе РФ отсутствует разграничение между изображением ребенка и взрослого, поскольку и тот и тот являются гражданами РФ. Законодатель закрепил в статье 152.1 ГК РФ положения об охране изображения гражданина. Главная проблема в вопросе определения понятия изображения гражданина заключается в том, что в правовых актах нет такого определения. В статье 152.1 в

числе изображений гражданина указываются лишь фотографии, видеозаписи и предметы изобразительного искусства, на которых он изображен. Этот список явно неполный и чересчур упрощенный. Точно, формально-определенного термина в законодательстве нет. В этой связи у правоприменителя возникает недопонимание.

Мы можем только приблизительно, на основании ст. 152.1 ГК РФ вывести следующее определение: «изображение гражданина» является фиксацией внешнего облика на каком-то материальном носителе. Следовательно, изображение гражданина – это материальный предмет (вещь), который воплощает нематериальный внешний облик гражданина с точностью, исключаящей заблуждение насчет личности изображенного.

Далее нам нужно определить, что подразумевает использование изображения и в каких случаях оно является незаконным.

Законодатель закрепляет 2 способа обращения с изображением: обнародование и дальнейшее использование изображения. Что понимается под обнародованием? Это реализация действий, которые впервые делают это изображение доступным для всеобщего сведения. Дискуссионным в течение длительного времени был вопрос могут ли третьи лица использовать изобра-

жение, которое гражданин самостоятельно обнародовал в сети «Интернет». Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 251 дало отрицательный ответ на этот вопрос [1]. Использование изображения – осуществление действий, направленных на удовлетворение какого-либо интереса, морального или материального. Обнародование и использование изображения гражданина может осуществляться только с его согласия, в нашем случае это изображение ребенка, которое используется только с согласия родителя (законного представителя). Согласие родителя (законного представителя) на обнародование и использование изображения ребенка может выражаться в устной, письменной форме, а также путем совершения конклюдентных действий, если иное не установлено законом.

В соответствии с пунктом 47 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 25: «Согласие гражданина может содержать ряд условий, определяющих порядок и пределы обнародования и использования его изображения, например, о сроке, на который оно дается, а также способе использования данного изображения». В случае если согласие было дано в устной или конклюдентной форме, то согласие охватывает использование изображения в том объеме, который соответствует обстоятельствам, в которых согласие было дано.

При этом имеется определенный ряд исключений, при которых изображение гражданина, в том числе ребенка, можно использовать без согласия его родителя (законного представителя):

- использование изображения осуществляется в государственных, общественных или иных публичных интересах;
- изображение гражданина получено при съемке, которая проводится в местах, открытых для свободного посещения, или на публичных мероприятиях (собраниях, съездах, конференциях, концертах, представлениях, спортивных соревнованиях и подобных мероприятиях), за исключением случаев, когда такое изображение является основным объектом использования;
- гражданин позировал за плату.

Так как изображение гражданина выступает в качестве объекта гражданских прав, а право на изображение – это субъективное личное неимущественное право, изображение несовершеннолетнего является объектом гражданского права и охраняется Гражданским кодексом Российской Федерации [2, с. 127]. Говоря об особенностях гражданско-правовых отношений с участием ребенка, отметим следующее – возможность использования изображения имеется не только у законных представителей несовершеннолетнего и самого ребенка, но и у третьих лиц. Хотя законные представители в свою очередь обязаны охранять и защищать права и интересы ребенка. На них возлагается обязанность не только по осуществлению контроля за действиями ребенка, но и за действиями третьих лиц по использованию изображения ребенка, а также они обязаны нести ответственность за собственные действия по опубликованию изображения подопечного, осознавать их возможные негативные последствия.

Если просматривать судебную практику по вопросам незаконного использования изображения несовершеннолетнего гражданина, то можно прийти к выводу, что по большей части права несовершеннолетних нарушаются третьими лицами [3, с. 10]. Поведение третьих лиц является неправомерным, если отсутствует согласие законного представителя несовершеннолетнего на использование изображения ребенка, при условии, что такое использование не попадает под вышеуказанные исключения.

Так, 17 июля 2014 года в Ленинском районном суде города Самары прошел судебный процесс, поводом к которому послужила публикация фотографии в газете, на которой был запечатлен несовершеннолетний. Законный представитель ребенка, а именно – его мать, подала иск в суд на газету, опубликовавшую данное изображение ее ребенка, без ее согласия, и потребовала компенсации морального вреда, так как эта публикация вызвала душевные страдания и нанесла моральный вред ее несовершеннолетнему ребенку [4].

Действительно, в части 1 статьи 23 Конституции РФ закреплено право каждо-

го на неприкосновенность частной жизни. Но также, на основании статьи 29 Конституции РФ, каждый имеет право искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. При этом государство гарантирует свободу массовой информации.

Помимо этого, составной частью правовой системы Российской Федерации является Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года, где в статье 8 закреплено право каждого на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции. Не допустимым признается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, которые не относятся к рассматриваемой нами ситуации. Статья 10 данной Конвенции закрепляет право на свободное выражение своего мнения, что включает в себя свободу получения и распространения информации.

В пункте 5 части 1 статьи 49 Закона «О средствах массовой информации» закреплен запрет распространения в средствах массовой информации сведений, содержащих информацию о личной жизни гражданина, если от этого гражданина или его законного представителя не получено согласие на данную процедуру. Исключения составляют определенные случаи, когда распространение таких сведений является необходимостью в целях обеспечения общественных интересов. В то же время, перед судом встает вопрос разграничения сообщений, содержащих факты способные положительно повлиять на обсуждение в обществе вопросов, например, по теме исполнения должностными лицами, возложенных на них функций, и сообщений, которые содержат факты о частной жизни лица, которое не вовлечено в публичную деятельность. В первом случае средствами массовой информации выполняется общественный долг по информированию граждан в вопросах, которые представляют общественный интерес. Во второй ситуации такой функции не наблюдается, это прямое вмешательство в частную жизнь человека. Данный вопрос касается и несовершеннолетних, так как, зачастую, третьи

лица публикуют и используют информацию, факты, представленные в виде изображения, на которых запечатлены не только публичные лица, но и их несовершеннолетние подопечные. В связи с этим данный вопрос приобретает иное значение.

Публичная фигура – это лицо, занимающее государственную или муниципальную должность, играющее значительную роль в общественной жизни в сфере политики, экономики, искусства, спорта или любой иной области. Следовательно, использование изображения представляется общественно значимым, если это связано с политической и общественной дискуссией.

Касаемо рассматриваемого спора, суд вывел следующее:

- истец не предоставил доказательств, которые бы подтвердили нарушение газетой статьи 152. 1 ГК РФ, не зафиксирован факт причинения нравственных страданий у несовершеннолетнего;

- истец является публичной фигурой, занимает государственную должность и на закрытое мероприятие, на котором было сделано изображение, пришла добровольно, отказа в фотосессии не проявляла, а наоборот, активно участвовала в данном процессе, следовательно, изображение было сделано с согласия законного представителя несовершеннолетнего;

- компенсация морального вреда осуществляется вне зависимости от вины причинителя, то есть газеты, в случае, если этот вред был причинен посредством распространения сведений, которые бы опорочили честь и достоинство несовершеннолетнего. Но факт распространения таких сведений газетой не был установлен;

- отказать в удовлетворении иска.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что законные представители несовершеннолетнего не редко пользуются возможностью по привлечению судебной защиты для защиты своего ребенка и охраны его интересов. Но нельзя не обратить внимание на попытки этих граждан получить выгоду за счет использования доводов о моральных страданиях своего ребенка из-за использования его изображения, якобы незаконным путем, хотя их как таковых не наблюдается совсем в данной ситуации.

На данный момент судебная практика по вопросу защиты прав ребенка при незаконном использовании его изображения практически не содержит споров с иском в сторону законного представителя несовершеннолетнего, по большей части это связано со сложностью самостоятельной защиты прав несовершеннолетним и тем, что этому вопросу не уделяется достаточного внимания со стороны другого законного представителя или третьих лиц. Но с учетом того, что интерес несовершеннолетних относительно юриспруденции стремительно растет и ребенок стремится к знанию своих прав и обязанностей, количество судебных споров между несовершеннолетними и их законными представителями может в будущем возрасти. Поэтому особенности защиты прав несовершеннолетнего при незаконном опубликовании и использовании его изображения и их анализ, имеет большое значение.

Следует отметить, что ребенок, зачастую, может нуждаться в применении мер по охране и защите не только в случаях использования его изображения третьими лицами, но и при его самостоятельной публикации, а также его законными представителями. На данный момент подобные меры не предусмотрены в действующем законодательстве, что существенно за-

трудняет работу суда, в процессе такого разбирательства. Для решения данного вопроса, можно предложить внести изменения в статью 152.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. В случае, когда изображение публикует сам ребенок или его законный представитель, при условии, что данное изображение причиняет вред чести, достоинству и деловой репутации несовершеннолетнего, следует предоставить возможность защищать интересы несовершеннолетнего в вопросе его изображения, не только его законному представителю, но и органам опеки и попечительства, при условии, что законный представитель не осуществляет в должной мере свои обязанности по охране и защите частной жизни своего ребенка.

Также стоит указать на такую проблему, как отсутствие закрепленного законодателем определения понятий «изображение гражданина» и «использование изображения гражданина», в связи с чем возникает путаница и недопонимание относительно применения статьи 152.1 ГК РФ, с целью охраны изображения ребенка. Считаем, что внесение изменений законодателем в ч. 1, ст. 152.1 ГК РФ с внедрением определений вышеуказанным понятиям необходимо.

Библиографический список

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – №8.
2. Красавчикова Л. О. Гражданское право: учебник. – М.: Статут, 2016. – 220 с.
3. Иванова С. Использование изображения // ЭЖ-Юрист. – 2016. – № 22. – С. 16.
4. Решение Ленинского районного суда г. Самары от 17 июня 2014 г. № 2-1595/20142-1595/2014~М-912/2014М-912/2014.

JUDICIAL PROTECTION OF THE RIGHTS OF A CHILD IN CASE OF ILLEGAL USE OF HIS IMAGE

F.V. Borgoyakov, Bachelor
Khakass State University named after N.F. Katanov
(Russia, Abakan)

***Abstract.** The article analyzes the norms that establish the methods of civil protection of a minor in case of illegal use of his image, and, above all, the norms of legislation that should be relied upon when building a line of proof. Attention is also paid to the consideration of legal relations arising from the use of a child's image, both by third parties and his legal representatives. In particular, in support of his point of view, the author appeals to judicial practice on the publication of a child's image by third parties with the disputed fact of the consent of the legal representative of the minor.*

***Keywords:** the image of a child, the use of an image, violation of the rights of a child, the rights of a child, judicial protection.*

ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ

М.О. Воробьева, студент

Е.А. Магомедова, канд. юрид. наук, доцент

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
(Россия, г. Калуга)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-46-48

Аннотация. В статье рассматривается специфический вид правосознания – конституционное правосознание как важнейший элемент практики конституционализма в Российской Федерации. Подчеркивается необходимость активного правового просвещения среди школьников с использованием фундаментальных положений конституционного права. Предлагаются альтернативные субъекты формирования у несовершеннолетних необходимой мотивации к безусловному уважению к праву и закону.

Ключевые слова: правосознание, конституционное правосознание, Конституция РФ, правовое просвещение, школьники.

Конституционализм крайне сложное понятие, которое имеет целый ряд толкований. Конституционализм как теория во многом уже оформился и состоялся, а практика российского конституционализма не лишена проблемных аспектов. В этой связи хочется отметить, что практика конституционного строительства в нашей стране предполагает высокий уровень правосознания как отдельной личности, так и социальной группы и общества в целом.

Правосознание как юридическое понятие обозначает систему правовых взглядов, чувств, эмоций, в которых отражаются отношения человека к праву. Одним из главных показателей развитого правосознания выступает умение объективно оценивать государственно-правовую действительность. Знание и понимание сложной правовой материи невозможно без самостоятельного изучения национальных нормативных правовых актов, регулирующих наиболее важные сферы общественных отношений. Абсолютно каждый человек может столкнуться со сложной ситуацией и государство заинтересовано, чтобы гражданин не выходил за рамки правомерного поведения, а имел обыкновение обращаться за квалифицированной помощью юриста или опирался на собственные правовые знания, приобретенные в процессе обучения. Право, как социальный регулятор указывает его адресатам на конкрет-

ные формы и модели правомерного поведения: поступки и решения.

Особое внимание в процессе обучения школьников и студентов заслуживает основной нормативный правовой акт, на котором строится все наше национальное законодательство - Конституция Российской Федерации (далее – Конституция РФ).

Именно она определяет основы функционирования общества и государства и является гарантом стабильности и устойчивого развития нашей страны. Глубокое осознание подростками того, что Конституция РФ главный вектор развития права - является базовой и в то же время первой ступенью дальнейшего развития правовой грамотности среди современной молодежи. Червонюк В.И. отмечает, что конституционное правосознание есть субъективная сторона конституции и конституционного права, формирующая для каждой страны национально-правовой «колорит», прокладывающая «мост» между законом и человеком [1].

В рамках заявленной темы следует выделить такое юридическое понятие как «конституционное правосознание», которое изучено довольно глубоко в философии и теории права. Под конституционным правосознанием принято понимать специфический вид правосознания, включающее знание основного закона государ-

ства, а также признание, уважение и соблюдение ее положений как основополагающих норм и принципов общественного порядка, понимая их значение для стабильности государства и общества.

Проблема формирования «конституционного правосознания» молодого поколения в России активно поднимается в современной юридической науке. Многие ученые юристы связывают конституционное правосознание с правовой культурой. Это два важных взаимодополняемых элемента одной системы, призванной обеспечить режим законности и правопорядок в стране.

Восприятие и знание основных положений конституции демонстрирует готовность граждан нашей страны к соблюдению чужих прав, а также выполнению собственных обязанностей (платить налоги и сборы, сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам) [2].

Считается, что в процессе формирования правовой культуры в рамках изучения предмета «Обществознание» или дисциплины «Основы права» затрагиваются фундаментальные знания в праве, а также формируется необходимый понятийно-категориальный аппарат в данной сфере. К сожалению, опыт показывает, что старшеклассники и первокурсники ВУЗов имеют более глубокие знания в такой отрасли права как уголовное. Но, к сожалению, они не способны объяснить взаимосвязь конституционного права с другими отраслями права, а также формулировать основные идейные начала, заложенные в праве. Представляется необходимым обозначить, что такие знания нельзя считать последовательными и системными, они являются обрывочными и закрывают только небольшие пробелы в правовой культуре ребенка.

По нашему мнению, правовое просвещение должно строиться в первую очередь на знании положений конституционного права, распространяя заложенные в Конституции РФ идеи в общественные массы. Именно знание положений Конституции представителями молодого поколения, понимание им естественно-правовой приро-

ды основного закона нашего общества позволяет сформировать у них правильную шкалу конституционных ценностей, уважение к личности, обществу, государству.

Одними из самых активных субъектов формирования правовой грамотности среди несовершеннолетних являются правоохранительные органы (прокуратура, органы внутренних дел). Однако их деятельность по правовому просвещению имеет специфический характер, и как правило направлена на формирование у школьников негативного восприятия и отторжения уголовно-наказуемых деяний. В таком формате мероприятия правовой направленности пропитаны императивным духом, игнорируя моральные и нравственные ценности. Главной целью подобных мероприятий является устрашение аудитории и донесение информации о санкциях за те или иные преступления, закрепленные в Уголовном Кодексе Российской Федерации.

Альтернативной формой правового просвещения может выступать социальный проект, призванный повышать уровень правовой грамотности и правосознания школьников и молодежи. Достижение данной цели невозможно без систематического распространения и пропаганды среди несовершеннолетних понимания необходимости соблюдения конституционных прав и обязанностей, а также формирования мотивации к безусловному уважению к праву и закону, в частности, основного закона государства Конституции РФ. Одним из таких проектов является «Школа правовых знаний», функционирующий при кафедре Юриспруденции КГУ им. К.Э. Циолковского [3]. Под чутким руководством профессорско-преподавательского состава студенты будущие-юристы проводят мероприятие правовой направленности для учеников школ на различные правовые темы. Главной особенностью проекта является то, что возрастная разница между теми, кто проводит мероприятия, и теми, для кого оно проводится, составляет не более 5–6 лет. Именно такой подход, по замыслу команды проекта, закладывает вектор на высо-

кую эффективность проводимых мероприятий и мотивацию школьников на правомерное поведение [4]. Стоит подчеркнуть, что студенты используют современные методы при проведении правовых уроков, которые способны завлечь аудиторию на качественное освоение сложной правовой материи. В аудитории царит дружественный дух, школьники без чувства страха или стеснения рассуждают на сложные правовые темы [5].

Таким образом, качественный и обстоятельный подход к просветительской деятельности позволит повысить уровень правовой культуры школьников и вывести его на новый качественный уровень. Гибкое сознание несовершеннолетних позволяет закладывать верные поведенческие установки и необходимые знания в области права.

Библиографический список

1. Червонюк В.И. Конституция и конституционное правосознание // Вестник Московского университета МВД России. – 2008. – №10.
2. Конституция Российской Федерации: (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 28.11.2022).
3. Школа правовых знаний // ВКонтакте. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vk.com/lawschoolksu> (дата обращения 28.11.2022).
4. Магомедова Е.А., Короткова О.А., Воробьева М.О. Школа правовых знаний как форма повышения правосознания детей // Современный ученый. – 2021. – №6.– С. 314-317.
5. Воробьева М.О. Использование современных методов формирования правовой культуры школьников // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – №10-3. – С. 48-50.

LEGAL EDUCATION AS A TOOL FOR THE FORMATION OF CONSTITUTIONAL LEGAL AWARENESS OF SCHOOLCHILDREN

M.O. Vorobyeva, *Student*

E.A. Magomedov, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky
(Russia, Kaluga)

Abstract. *The article considers a specific type of legal awareness – constitutional legal awareness as the most important element of the practice of constitutionalism in the Russian Federation. The necessity of active legal education among schoolchildren using the fundamental provisions of constitutional law is emphasized. Alternative subjects of formation of the necessary motivation for unconditional respect for the law and the law in minors are proposed.*

Keywords: *legal awareness, constitutional legal awareness, the Constitution of the Russian Federation, legal education, schoolchildren.*

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ: ПРАВО НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ СЛУЖБУ И МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ

А.Н. Воронин, магистрант

Р.Р. Надилова, магистрант

Новосибирский государственный университет
(Россия, г. Новосибирск)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-49-54

***Аннотация.** Эволюция института государственной службы имеет многовековую историю и определяет современность государственной службы, особенности правового статуса, цели и задачи найма государственных служащих и оплату их труда. В данной статье авторы рассматривают право граждан Российской Федерации на равный доступ к государственной службе в соответствии с ч.4 ст.32 Конституции Российской Федерации и институт государственной службы в системе публичного управления. В статье предложена классификация системы государственной службы и раскрыты правовые основания, условия и порядок поступления на государственную службу, а также особенности правового статуса государственных служащих.*

***Ключевые слова:** государственное управление, государственная служба, профессиональные группы, система карьеры, система должностей.*

Правовые основы поступления на государственную службу включают в себя три взаимосвязанных элемента: правовые основания, правовые условия и порядок поступления на государственную службу.

Так, в качестве правового основания поступления на любой вид государственной службы следует рассматривать норму права, которая предусматривает возможность замещения гражданином должности государственной службы. Общим правовым основанием является ч. 4 ст. 32 Конституции РФ, в которой указано, что граждане России имеют равный доступ к государственной службе. При этом правовые основания поступления на отдельные виды государственной службы содержатся в законодательстве по каждому из ее видов. Так, например, правовым основанием поступления на государственную гражданскую службу является ст. 21 Закона о государственной гражданской службе.

Следующим элементом правовых основ поступления на государственную службу являются правовые условия. Они представляют собой указанные в законе конкретные обстоятельства, с которыми законодатель связывает возможность или невозможность замещения должностей госу-

дарственной службы. Речь здесь идет, прежде всего, о возрастных ограничениях.

Государственная служба как социально-общественное явление не может существовать без своей первоосновы – государства.

На протяжении многих веков формирование и эволюция государства как властно-политического института привела к его современному виду, который включает разделение властей в государстве на ветви – законодательную, исполнительную и судебную, – а также предполагает создание государственного механизма, выраженного в системе органов и учреждений, позволяющих реализовать функции государства на суверенной территории и вне ее.

В результате идеальные явления, нематериального плана – власть, функции, задачи, цели – накладываются и выражаются в деятельности вполне материальных объектов – агентств, министерств, служб, органов и учреждений. Именно объединение идеального и материального позволяет государственному механизму функционировать.

Эволюция власти и управления и роли государства как механизма активно изучается в зарубежных исследованиях. Ряд авторов рассматривают государство как цен-

тральный источник распределения власти, которая используется для распределения полномочий, урегулирования различных противоречий между разными уровнями существования общества (речь идет о центральной, региональной и местной власти), а также современного позиционирования власти как инструмента метауправления, лежащего в основе всех существующих форм управленческой организации (на уровне государств и международном уровне) [1].

Считаем, что сами по себе учреждения существовать и решать государственные задачи не могут, для этого необходимы субъекты, которые своей деятельностью будут реализовывать идею законодательной или исполнительной власти, т.е. разрабатывать и принимать законы либо создавать условия для реализации законов на практике посредством составления конкретных планов и условий их реализации. Именно субъект оживляет деятельность учреждения, наполняет ее смыслом и позволяет в конечном итоге получать конкретный результат.

Таковыми субъектами в контексте функционирования государства являются граждане, которые работают в государственных органах, выполняют свои должностные обязанности. Однако исторически для такой деятельности был предопределен термин «служат», поскольку изначально лица подобного статуса служили государю, выполняли его волю, приказы в обмен на оплату и привилегированный статус. Соответственно современные работники государственных органов служат государству и называются государственными служащими.

Само явление государственной службы в контексте деятельности государства следует понимать, как конкретизацию, фактическое наполнение и реализацию идей, принципов, задач и целей государства.

Государственная служба является методом и средством воплощения государственных функций, которые изначально формируются идеологией и принципами, которые проповедует властное меньшинство, затем воплощаются в форме законов, программ, проектов, приказов, указов и

стратегий, а после этого реализуются непосредственно на конкретных местах (выстроенных вертикально и по горизонтали) будучи распределенными между множеством служащих в соответствии с их компетенцией и должностными обязанностями.

Таким образом, можно проследить путь от идеального представления о том, как должно быть устроено общество, как должен работать тот или иной социальный или экономический институт, к воплощению данного представления в форме национальной программы или федерального закона; затем оно конкретизируется в виде постановлений правительства или указов президента, а также годовых планов конкретных государственных органов, наполняется бюджетным финансированием и начинает поэтапно реализовываться. На каждом этапе этой цепочки действуют государственные служащие, обеспечивающие создание, формирование, реализацию и контроль за исполнением каждой идеи о том, как должно быть устроено общество на конкретной территории в конкретный исторический отрезок времени.

Как видим, государственная служба, и деятельность государственных служащих в каждой сфере государственной деятельности и на каждом этапе продвижения идеи от представления и плана к непосредственной реализации с установленными результатами и сроками является уникальным явлением, обеспечивающим жизнеспособность системы государственных органов, но не только, поскольку мы показали, что именно государственные служащие (а Президент РФ, министры, Судьи Конституционного Суда РФ и т.д. тоже являются государственными служащими) определяют содержание и качество жизни в государстве.

Эволюция института государственной службы имеет многовековую историю и определяет современное лицо государственной службы, особенности правового статуса, цели и задачи найма государственных служащих и оплату их труда.

Так, предшественники современных государственных служащих, будучи членами королевского дома, имели обязанно-

сти, но не имели прав. Первые попытки формализовать методы назначения и условия службы были одними из административных новшеств, введенных в Пруссии в 18 веке. В других местах попытки были сорваны политическими противниками и общественными возражениями.

Усиление формального регулирования условий службы произошло, когда государственные служащие организовались в профессиональные группы, иногда едва отличимые от профсоюзов. Тот факт, что государственные служащие являются агентами государственной власти, предоставляющими услуги, от которых зависят законность, порядок и здоровье населения, поставил вопрос о том, следует ли им разрешать забастовку. Ответом стал вывод о том, что, если они не могут законно бастовать, они лишены главного оружия, требующего улучшения условий их службы. Для восполнения их правового статуса были разработаны специальные механизмы для периодического пересмотра условий службы и урегулирования спорных вопросов. В результате была сформирована должным образом признанная система регулирования правового статуса, должностных обязанностей, порядка и размера оплаты труда, а также поведения и дисциплины [2].

Так, например, в Соединенном Королевстве традиционные стандарты дополняются или пересматриваются в соответствии с рекомендациями периодических комиссий по расследованию, которые уделяют особое внимание официальному статусу и поведению в связи с политической деятельностью и деловыми отношениями.

Во Франции и Германии кодексы поведения гражданских служащих основывались главным образом на нормах административного права и судебной практике административных судов, хотя некоторые права и обязанности гражданской службы определены в конституционном праве. В других странах, особенно в Соединенных Штатах и Индии, поведение и дисциплина регулируются административными правилами и кодексами, обнародованными указом президента после обсуждения и расследования.

В системе государственной службы в России в основе правового статуса государственных служащих лежит система федеральных законов, указы Президента РФ, постановления Правительства, система ведомственных и локальных актов. Этот правовой базис определяет права и обязанности служащего, условия и порядок выполнения им своих функций, полномочия, порядок и условия оплаты труда. Специальными актом, Типовым кодексом этики и поведения определяются границы дозволенного и рекомендуемого поведения служащих.

В настоящее время институт государственной службы включает государственных служащих и их деятельность, направленную на реализацию возложенных на них функций и решений, принимаемых руководством государственного органа. Другими словами, это система, состоящая из государственных органов и государственных служащих, которые выполняют возложенные на них функции государственного управления. Корпус государственных служащих состоит из людей, работающих в центральных и региональных учреждениях государственного управления.

Концепция и сфера охвата государственной службы в конкретной стране зависят от правовой базы, определяющей сферы государственного и частного секторов и их взаимоотношения. Во многих в странах гражданская служба состоит из государственных органов высшего и среднего уровня и государственных служащих, которые работают в координирующих, независимых и вспомогательных учреждениях. Однако сфера государственной службы в разных странах различна. При анализе/сравнении систем государственной службы разных стран исследователи часто классифицируют их как западноевропейская, континентальная Европейская, англо-американская, англосаксонская, Восточноевропейская, Скандинавская, Средиземноморская, Азиатская или африканская.

Так, государства-члены Европейского союза можно разделить на две группы:

1) система карьеры – доминирует в континентальной Европе с преобладанием

традиционного-иерархического государственного управления, рациональной бюрократии и формализованных оперативных правил;

2) система должностей – доминирует в англосаксонских странах с преобладанием управленческих принципов, прагматичного управления и харизматического лидерства.

Ни одна из этих двух моделей не существует в чистом виде. Если особенности модели карьеры доминируют на государственной службе страны, она идентифицируется как страна с моделью карьерного роста; если преобладают элементы модели должности страна идентифицируется как страна с моделью должности гражданской службы. Промежуточной версией этой модели, характерной для ряда стран, является смешанная/гибридная модель.

Для российской системы государственной службы в значительной степени характерны элементы системы карьеры, поскольку в организации системы гражданской службы приоритетное значение имеет иерархическое государственное управление, которое выражается в крепких вертикальных связях, рациональная бюрократия и свод формализованных оперативных правил-процедур, опосредующих выполнение должностных обязанностей служащих.

Многие исследователи государственной службы утверждают, что в случае двух конкурирующих систем государственной службы – закрытой (модель карьеры) и открытой (модель должности) – реформы открытой системы государственной службы выигрывают. Утверждается, что организационные принципы открытой, ориентированной на результат системы государственной службы (позиционная модель), которая находится под влиянием «нового государственного управления», навсегда «вытеснят» закрытую, вертикально интегрированную и формально ориентированную на процедуры модель карьеры. Также утверждается, что организация государственной службы в будущем должна быть иметь такие характеристики как сложность и гибкость. Государственным служащим придется смириться с переменами, причем

часто быстрыми. В то же время они будут принимать более самостоятельные решения и будут более ответственными, подотчетными, ориентированными на производительность и подчиняющимися новым требованиям к компетентности и навыкам [3].

Особенность правового статуса государственных служащих объясняется рядом факторов:

- содержание и цель деятельности государственных служащих (предоставление государственных услуг, представление на своем должностном месте части государственной власти, государственное представительство);

- высокие требования к уровню образования и компетентности служащего;

- требования не только к профессиональным, но и личностным качествам служащего. Так, стандарты, предъявляемые к поведению государственного служащего, частично являются теми, которые следует ожидать от любого лояльного, компетентного и послушного сотрудника, а частично, теми, которые предписываются государственному служащему. В идеале государственный служащий должен быть выше любых подозрений в пристрастности и не должен позволять личным симпатиям, лояльности или интересам влиять на выполнение обязанностей; например, государственный служащий обязан быть осмотрительным в частных финансовых сделках. Как правило, государственный служащий не имеет права прямо или косвенно заниматься какой-либо торговлей или бизнесом и может взаимодействовать с социальными или благотворительными организациями только в том случае, если они не связаны с его должностными обязанностями. Во всех системах государственной службы всегда существуют строгие ограничения на право государственного служащего одалживать или занимать деньги, и им запрещено принимать подарки.

Таким образом, система государственной службы функционирует как публичный институт, направленный на решение государственных задач на внутреннем и внешнем направлении, предоставление

государственных услуг гражданам и организациям, представление государства в различных отношениях и т.д.

Государственная служба является уникальным явлением по той причине, что ее регулирование и реализация происходят в двух плоскостях, в сфере государственного управления, регулируемого конституционным и административным законодательством и в сфере трудовых отношений, регулируемых, соответственно, нормами трудового законодательства с определенными оговорками и ограничениями.

Кроме того, трудовые отношения государственных служащих являются объектом ненормативного регулирования ряда наук, обеспечивающих выработку правил и условий наиболее эффективного использования труда работника (речь идет об управлении персоналом, менеджменте персонала).

Необходимость обеспечения системы государственной службы кадрами, т.е. государственными служащими включает не только подбор специалистов с необходимыми уровнем образования, навыками и умениями, но также и создание условий для выполнения ими своих должностных обязанностей с выполнением дополнительных требований в отношении их личного поведения.

Государственный механизм включает совокупность органов, учреждений и организаций, взаимосвязанных между собой, наделенных полномочиями и необходимыми ресурсами для выполнения поставленных перед ними задач. Одним из таких ресурсов является кадровое обеспечение, т.е. служащие, имеющие необходимое образование, уровень квалификации и опыт работы.

По мнению Мокий М.С., категория кадры отражает всю систему социально-экономических и межличностных отношений, которые имеют место в сфере труда. Содержание понятия «кадры предприятия» выражается количественными и качественными характеристиками. Количественными показателями определяется уровень развития и использования кадров, а качественными характеристиками – уровень профессионального образования и

соответствия профессионально-квалификационных характеристик человеческие ресурсов потребностям их использования [4].

В существующих определениях и характеристиках кадров организации сделан акцент на экономической составляющей, однако кадры в области государственного управления обладают собственными характеристическими свойствами и признаками, которые выделяют их из всей совокупности персонала, кадровых ресурсов, трудовых ресурсов и т.д., поскольку в основе кадрового обеспечения государственного управления лежит такое явление как государственная служба.

Роль кадровых ресурсов в области государственного управления существенно возрастает в критические периоды, когда перед государственными органами встает задача оперативного, эффективного и оптимального с точки зрения расходования бюджетных средств решения социально-экономических, политических и иных задач, стоящих перед обществом.

Без управления людьми не может существовать ни одна организация. Без квалифицированных кадров она не сможет достичь своих целей. Эффективность работы любого учреждения или организации в первую очередь зависят от того, насколько профессионально работают в ней специалисты.

В отличие от кадровой работы в экономическом или производственном секторе, организация кадрового обеспечения сферы государственного управления обладает собственной спецификой, в основе которой лежит такое понятие как «государственная служба», а также такие факторы как цели и задачи государственного управления, наличие необходимых ресурсов, сфера деятельности конкретного учреждения.

Таким образом, мы приходим к заключению, что государственная служба из служения отдельно взятых лиц государю эволюционировала в способ реализации государственных целей и задач лицами, специально нанятыми для этого. Государственная служба является способом воплощения на практике политических идей,

взглядов и концепций через формирование законодательства и стратегических планов развития.

Государственные служащие со стороны государства являются инструментом реа-

лизации задач, одновременно с этим служащие являются субъектами, отвечающими определенным критериям и ограниченные требованиями конкретной должности, которую они замещают.

Библиографический список

1. Jessop B. The state: government and governance / Editors: A. Pike, A. Rodríguez-Pose, J. Tomaneu. // Handbook of Local and Regional Development. – 2011. – №1. – Pp. 239-248.

2. Кадровая политика на госслужбе: текущие проблемы и необходимые изменения. Экспертная записка. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ach.gov.ru/upload/pdf/записка_кадры_30.04.2021.pdf.

3. Кадровая политика на госслужбе: текущие проблемы и необходимые изменения. Экспертная записка [Электронный ресурс] Режим доступа: https://ach.gov.ru/upload/pdf/записка_кадры_30.04.2021.pdf.

4. Мокий, М.С. Экономика предприятия. / под ред. проф. М.Г. Лапусты. – М.: ИНФРА-М, 2016. – С. 86.

INSTITUTE OF PUBLIC SERVICE: THE RIGHT TO PUBLIC SERVICE AND THE MECHANISM OF IMPLEMENTATION

A.N. Voronin, Graduate Student

R.R. Nadirova, Graduate Student

Novosibirsk State University

(Russia, Novosibirsk)

Abstract. *The evolution of the institution of public service has a centuries-old history and determines the modernity of public service, the peculiarities of the legal status, the goals and objectives of hiring public servants and paying for their work. In this article, the authors consider the right of citizens of the Russian Federation to equal access to public service in accordance with Part 4 of Article 32 of the Constitution of the Russian Federation and the institution of public service in the public administration system. The article proposes a classification of the civil service system and reveals the legal grounds, conditions and procedure for entering the civil service, as well as the features of the legal status of civil servants.*

Keywords: *public administration, public service, professional groups, career system, job system.*

КОНСТИТУЦИОННЫЙ И АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В ФОРМИРОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННО-СЛУЖЕБНЫХ ОТНОШЕНИЙ

А.Н. Воронин, магистрант

Р.Р. Надирова, магистрант

Новосибирский государственный университет

(Россия, г. Новосибирск)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-55-59

Аннотация. *Право на доступ к гражданской службе включает не только право требования, но и целый комплекс ограничений и запретов, гарантирующих государству, что государственные служащие будут осуществлять свои обязанности в рамках правового поля и придерживаясь определенным этических правил. В данной статье авторы рассматривают содержание правового статуса государственного служащего в Российской Федерации, а также ответственность в случае несоблюдения ограничений и запретов, предусмотренных законодательством Российской Федерации.*

Ключевые слова: *государственное управление, служебные отношения, государственный служащий, конфликт интересов, коррупция.*

Будучи второй стороной служебных отношений, гражданин, становясь государственным служащим приобретает особый правовой статус, имеющий как привилегии, так и значительные ограничения.

Правовой статус государственного служащего включает следующие компоненты:

- права гражданского служащего;
- обязанности гражданского служащего;
- ограничения, связанные с гражданской службой;
- запреты, связанные с гражданской службой;
- требования к служебному поведению гражданского служащего;
- урегулирование конфликта интересов на гражданской службе;
- представление сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера.

Таким образом, право на доступ к гражданской службе включает не только право требования, но и целый комплекс ограничений и запретов, гарантирующих государству, что государственные служащие будут осуществлять свои обязанности в рамках правового поля и придерживаясь определенным этических правил.

Несоблюдение государственным служащим требований, запретов и ограничений влечет обязанность государства в лице

нанимателя расторгнуть со служащим трудовой контракт и прекратить служебные отношения, т.е. запретить ему доступ к государственной службе.

Интересно, что один и тот же элемент служебных отношений может являться как гарантией служащему обеспечения его права на службу, так и гарантией государству, что служащий будет придерживаться установленных требований и ограничений.

Например, оплата труда служащего является социальной и профессиональной гарантией его деятельности: с одной стороны, она обеспечивает достойный уровень жизни (для этого производится ежегодная индексация размера оплаты труда служащего), с другой уровень заработка демонстрирует статус и тот факт, что усилия служащего оценены по достоинству.

Решая социальную задачу обеспечения служащего, одновременно система оплаты труда служащего должна решать также задачу, обеспечивающую отсутствие склонности к коррупции в условиях государственной службы, т.е. система оплаты труда должна быть такой, чтобы обеспечить достойный уровень жизни служащих. Эта задача представляется весьма актуальной, поскольку на протяжении последних двадцати лет международное сообщество неоднократно осознавало и официально

признавало важность борьбы с коррупцией, поскольку она препятствует экономическому развитию, искажает общественно-экономический ландшафт и возможности для свободной конкуренции, подрывает основы демократии, верховенство права и доверие граждан к общественным и государственным институтам.

Официальные органы приводят различные сведения о состоянии, структуре и динамике коррупции. Так, МВФ оценивает коррупцию в почти 2% мирового ВВП. ОЭСР считает, что «взятки, полученные в рамках международных сделок, могут составлять от 5% до 25% от суммы контракта, а то и больше». Всемирный банк оценивает уровень коррупции в размере 3% от мировой торговли [1].

Опасность коррупции в том, что она затрагивает как государственный, так и частный сектор. В государственном секторе коррупция проявляется в выплате комиссионных государственным служащим за предоставление услуги вне очереди либо без законных на то оснований (коррупция широко распространена на рынке государственных закупок, при объявлении тендеров, при выборе государственных поставщиков товаров и услуг и т.д.). В частном секторе выплата комиссионных побуждает руководителя предприятия принимать решения, которые не отвечают социальным интересам компании, подвергают юридическое лицо и его руководителей серьезному риску применения уголовных и налоговых санкций и наносят ущерб их репутации.

Экономическая заинтересованность, часто подчеркиваемая в обоснование такой практики, которая, по мнению некоторых, является «необходимым злом», является одновременно неприемлемой и иллюзорной:

- коррупция неприемлема, поскольку национальная правовая система признает, что использование подобных средств является неправомерным, поскольку оно совершается с противоправной целью;

- выгода от коррупционных сделок иллюзорна, поскольку коррупция приводит общественные отношения к тому состоянию, когда государство и общество не

способны контролировать экономические отношения, которые становятся непрозрачными и накладывают дополнительное бремя расходов на конечного потребителя, учитывая накладные расходы в виде взяток и откатов в процессе производства товара или услуги.

Россия в этом аспекте не является исключением, ее государственная сфера в значительной степени подвержена проблеме коррупции, причем по некоторым критериям ситуация является угрожающей [1].

Построение нормально и бесперебойно функционирующего государственного механизма основывается на создании структурных единиц – институтов власти, направленных на решение установленных задач и наделенных соответствующими полномочиями и компетенцией. Работа таких институтов выражается в системном, прозрачном и контролируемом взаимодействии между ними. Возникновение коррупционного фактора на одном из уровней власти либо в одной из структурных единиц государственного механизма рано или поздно перекинется на другие его части, разъедая и поглощая все новые государственные органы и должностных лиц.

Таким образом, условия оплаты труда государственных служащих должны быть направлены не только на стимулирование и мотивацию служащих на качественное и профессиональное выполнение своих обязанностей, но и обеспечивать снижение уровня коррупции в государственных органах на всех уровнях.

Важным аспектом сохранения с государственным служащим трудового контракта является соблюдение им ограничений и запретов. В противном случае на него возлагаются меры ответственности.

Ответственность, в свою очередь, является общественной (общесоциальной) категорией, включающей аспекты экономического, нравственного, культурного, психологического характера. Многоаспектная и сложная структура явления ответственности, которая раскрывается во взаимосвязи личностей между собой, отдельной личности и коллектива или общества, отмечается в ряде научных исследований [2].

При этом категорию ответственности рассматривают как системное образование, в котором элементы и стороны имеют тесную взаимную связь и взаимную обусловленность. В сфере государственного управления категория ответственности получает особый характер, а проблема реализации ответственности является особо актуальной, поскольку многие решения и действия в системе государственного управления ведут к глубоким социальным последствиям, предопределяя судьбы миллионов граждан [3].

Государственный служащий, выполняя служебные обязанности должен ответственно и эффективно, обеспечивать связь между властью и обществом, способствуя фактической реализации принятых политической властью решений. Таким образом, посредством системы государственной службы производится мониторинг отношения граждан к государственным властным структурам [4].

Такая взаимосвязь в наиболее полной степени раскрывается посредством системного восприятия государственного управления в качестве подсистемы государства, которая имеет собственные цели, функции и организационную структуру, имеющую, согласно системному подходу, установленные параметры входа, систему внутренних процессов и параметры выхода.

С такой позиции систему государственной службы можно представить в качестве подсистемы более объемной системы государственного управления, а государственные служащие, которые выполняют служебные обязанности, несут ответственность на выходе системы, ответственность перед обществом за результат социального и экономического развития, во многом определяемый параметрами входа и процессами, которые протекают внутри системы [5].

Специфику явления ответственности в сфере государственного управления составляет тот факт, что в системе государственного управления субъект (государство) и объект управления (общество) не находятся в прямом взаимодействии, взаимодействуя опосредованно, т.е. посред-

ством специального аппарата или органа управления (института государственной службы). При увеличении дистанции между субъектом и объектом управления происходит возрастание роли механизма государственного управления в ходе управления государством, что является веской причиной рассматривать их как суверенные субъекты управления. Таким образом, государственные органы управления обладая определенной субъектностью, постоянно расширяют ее границы.

Категория социальной ответственности субъектов государственной службы состоит в реализации социальных функций государственной службой как формы сознательного служения интересам общества; деятельности, направленной на обеспечение общественных потребностей, защиту прав и свобод граждан, а также внутренних и внешних интересов государства.

Для государственной службы категория ответственности, которая занимает, основное положение в системе административной этики, возникает особый смысл и значимость, прежде всего, в связи с набором высоких требований, которые предъявляет общество к этому виду деятельности.

Характерным свойством моральной ответственности субъектов государственного управления является то, что моральная ответственность работников аппарата государственного органа власти выходит за внутриаппаратные управленческие отношения, поскольку рассматриваться в более широком контексте, как социальная ответственность всего института государственной службы.

При самом общем подходе под социальной ответственностью государственных служащих понимается то, что служащие осознают свой долг, свое социальное предназначение перед гражданами, перед обществом за свои действия или бездействия и их социальные последствия.

В настоящее время в российской практике выделяется целый комплекс факторов, которые снижают уровень ответственности государственных служащих. К таким факторам следует отнести следующие:

- низкая организационная культура в государственных органах;

- отсутствие удовлетворенности многих государственных служащих своей работой;

- общий низкий уровень нравственности в обществе;

- отсутствие действенных механизмов контроля;

- слабая социальная ответственность политиков, которые руководят государственными служащими.

Перечисленные факторы можно дополнить политическими и организационными условиями, усиливающими картину несоответствия социальной ответственности решениям и действиям. Так, в настоящее время отсутствует четкая социальная политика, ее цели и задачи, меры и инструменты, а также частота, с которой происходит реорганизация государственного аппарата. Согласно данным социологических опросов, проводимых в среде государственных служащих, основная масса служащих не испытывает роста социальной ответственности в связи с внедрением мер нормативно-организационного и социально-факторного характера. Большинство служащих эффективность и действенность применяемых в системе государственной службы методов борьбы с коррупцией, взяточничеством, кумовством и другими отрицательными явлениями оценивается крайне низко. Это касается как соответствующих законов и экономических механизмов, так и кадровой политики, общественного контроля за деятельностью государственных органов, формирования в обществе непримиримости к нечестности и аморальному поведению. Показатель социальной безответственности в области государственного управления состоит в беспрецедентном, но своему масштабу росте коррупции в системе исполнительных органов государственной власти.

В контексте сказанного основное направление и средство повышения социальной ответственности государственных служащих, по мнению специалистов, состоит в ее актуализации, что значит стимулирование и развитие социально ответственного поведения служащих следую-

щими способами: поднятие престижа должности государственного служащего, увеличение удовлетворенности служащих результатом своей деятельности; воспитание у служащих осознания опасности своего антисоциального поведения. Несмотря на то, что в настоящее время повсеместно констатируется кризис административного контроля, такая методика при всей ее сложности оценивается как наиболее предпочтительная. Причем при таком подходе акцент делается не столько на меры административно-дисциплинарного характера, которые чаще всего влекут стремление чиновников вовсе не принимать на себя никакую ответственность для минимизации риска санкций, сколько на поощрение развития внутреннего стимула к ответственному поведению сотрудников государственного аппарата.

Специалистами выделяются различные способы и направления, актуализирующие социальную ответственность государственных служащих. Перечислим наиболее важные из них:

- нравственное самораскрытие человека. Хотя такой способ актуализации ответственности достаточно сложен, но, будучи связанным с самопознанием человека, самосовершенствованием и самовоспитанием, он рассматривается как самый надежный и результативный;

- развитие такого качества как социальная ответственность;

- формирование чувства долга, которое актуализирует осознание служащим своей ответственности в отношении каждого человека, общества в целом, и Отечества.

В последние годы в управлении многих стран остро стоит вопрос о развитии в системе государственной службы института профессиональной чести, который, как демонстрирует опыт, может функционировать как в форме неписаных норм профессиональной чести, так и в виде добровольного общественного объединения профессионалов отрасли (профессиональный союз).

Важными средствами актуализации социальной ответственности государственных служащих в рамках исполнения ими служебных обязанностей помимо уже от-

меченных ученые указывают социальный контроль внутрислужебного характера. Особую роль здесь, по мнению специалистов, должна играть служебная культура, включающая в себя такие элементы, как культура руководства и подчинения, культура межличностных отношений сотрудников, культура правоприменения, культура организации труда, культура речи и т.д.

Таким образом, социальная ответственность является производным явлением

государственной службы, позволяя определять нравственные требования к поведению и содержанию профессиональной деятельности, а также устанавливать критерии оценки соответствия действий служащих всех уровней морально-нравственным и этическим стандартам. В целом вопросы развития института социальной ответственности государственных служащих являются на сегодня весьма актуальными и требуют дальнейшей теоретической разработки.

Библиографический список

1. Воронцов С.А. Противодействие коррупции на государственной и муниципальной службе. – Ростов н/Д: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015. – 272 с.
2. Каранатова Л.Г. Развитие системы ответственности в сфере публичного управления // Управленческое консультирование. – 2013. – №1. – С. 14.
3. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления: Курс лекций. 4-е изд., стер. – М.: Омега-Л, 2009. – 415 с.
4. Каранатова Л.Г. Формирование эффективного механизма управления государственными заказами: вопросы теории и практики. – СПб.: Изд-во СЗАГС, 2010. – С. 15.
5. Becker B. Die öffentliche Verwaltung: Lehrbuch für Wissenschaft und Praxis. – Mainz: Verlag R. S. Schulz, 1998. – С. 109.

CONSTITUTIONAL AND ADMINISTRATIVE-LEGAL ANALYSIS OF CITIZENS' PARTICIPATION IN THE FORMATION OF PUBLIC-SERVICE RELATIONS

A.N. Voronin, *Graduate Student*
R.R. Nadirova, *Graduate Student*
Novosibirsk State University
(Russia, Novosibirsk)

Abstract. *The right to access to the civil service includes not only the right of demand, but also a whole range of restrictions and prohibitions that guarantee the State that civil servants will carry out their duties within the legal framework and adhering to certain ethical rules. In this article, the authors consider the content of the legal status of a civil servant in the Russian Federation, as well as liability in case of non-compliance with restrictions and prohibitions provided for by the legislation of the Russian Federation.*

Keywords: *public administration, official relations, civil servant, conflict of interests, corruption.*

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ МЕТОДЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ЗАЩИТЫ РАВНОГО ДОСТУПА ГРАЖДАН К ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.Н. Воронин, магистрант

Р.Р. Надирова, магистрант

Новосибирский государственный университет
(Россия, г. Новосибирск)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-60-64

Аннотация. Прохождение государственной службы включает в себя определенные этапы от назначения на должность государственного служащего до расторжения или прекращения служебного контракта. На каждом этапе, в зависимости от обстоятельств, нарушение или ограничение прав государственного служащего может рассматриваться как нарушение его права на равный доступ к государственной службе. В данной статье авторы рассматривают судебными и внесудебными механизмами защиты права на равный доступ граждан к государственной службе в Российской Федерации, а также деятельность института неправительственных правозащитных организаций.

Ключевые слова: государственное управление, государственный служащий, представитель нанимателя, служебный контракт, судебные и внесудебные механизмы защиты.

Основным и первостепенным механизмом, гарантирующим реализацию права граждан на равный доступ к государственной службе, является процедура замещения государственной должности, заключение служебного контракта и основания для расторжения контракта и прекращения должностных правоотношений.

Так, Федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации» (Федеральный закон № 58-ФЗ) определяет правовые и организационные основы государственной службы, определяет виды и уровни государственной службы, ее основные принципы и другое [1].

Упомянутый ранее Федеральный закон № 79-ФЗ устанавливает, закрепляет и регулирует организационные, экономические, правовые, социальные основы государственной гражданской службы Российской Федерации.

Так же гарантии и направления реализации права граждан на равный доступ к государственной службе находят отражения в законах субъектов Российской Федерации. Последние в конституциях и уставах гарантируют право на равный доступ к государственной службе. Так, «Устав города Москвы признает и гарантирует:

- осуществление всех прав и свобод человека и гражданина в соответствии с Конституцией Российской Федерации;

- подчеркивает равноправие граждан;
- указывает на защиту прав и свобод со стороны органов государственной власти, местного самоуправления и их должностных лиц» [2].

Федеральный закон № 58-ФЗ устанавливает следующие требования к кандидату на замещение государственной должности:

- владение государственным языком Российской Федерации;

- возраст, установленный федеральным законом о виде государственной службы данного вида (речь идет о Федеральном законе № 79-ФЗ и Федеральном законе от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»).

Как видим, иных специфических требований к личности кандидата закон не устанавливает. Если же при поступлении на должность кандидату будут предъявлены требования на соответствие иным, не предусмотренным в законе критериям, он имеет право оспорить данное требование в судебном порядке.

Прохождение государственной службы включает в себя несколько этапов:

- назначение на должность;
- присвоение классного чина, дипломатического ранга, воинского и специального звания;
- аттестацию или квалификационный экзамен;
- другие события.

На каждом этапе, в зависимости от обстоятельств, нарушение или ограничение прав служащего может рассматриваться как нарушение его права на равный доступ к государственной службе.

Так, если с лицом, победившим в конкурсе на замещение, отказываются заключить контракт, оно может обязать сделать это через судебные органы. В качестве примера приведем ситуацию, когда победитель конкурса на должность начальника отдела через суд обязал Министерство сельского хозяйства, пищевой и перерабатывающей промышленности субъекта РФ заключить с ним служебный контракт.

При замещении государственной должности с кандидатом заключается служебный контракт, который является типовым и не может содержать положений и условий, противоречащих требованиям федерального законодательства о соответствующем виде службы.

Представитель нанимателя не может включать в контракт условия, которые противоречат положениям, прописанным в федеральных законах. Так, например, если Федеральный закон № 79-ФЗ содержит требование к предельному возрасту, то служебный контракт не может установить иной возраст по усмотрению руководителя государственного органа. Указанный Федеральный закон № 79-ФЗ содержит требование о возможности осуществлять государственную службу до наступления возраста 65 лет, при этом в отдельных случаях возраст может быть продлен (для помощника руководителя до окончания срока полномочий руководителя; для руководителя до достижения им возраста 70 лет, для служащих, назначаемых Президентом РФ продление максимального срока не ограничивается 70 годами). Таким образом, нарушение данного требования должно расцениваться как нарушение права

гражданина на равный доступ к гражданской службе.

Согласно ч. 2 ст. 25.1 Федерального закона № 79-ФЗ представитель нанимателя имеет право при достижении служащим предельного возраста, заключить с ним срочный трудовой контракт, при этом отказ в заключении контракта не является нарушением права гражданина на равный доступ к государственной службе, поскольку в самом законе указано, что продление служебных отношений осуществляется по усмотрению представителя нанимателя [3].

Если руководитель служащего видит, что даже при достижении возраста 65 лет служащий остается вполне работоспособным, высокоэффективным и способным продуктивно выполнять свои должностные обязанности, руководитель вправе предложить ему продолжить работу на основании срочных трудовых отношений. При этом отметим, что такое решение является усмотрением, а не обязанностью представителя нанимателя.

В одном примере из практики служащий попытался опротестовать решение о расторжении заключенного с ним срочного контракта на замещение должности помощника руководителя. Руководитель истца был освобожден от должности министра юстиции субъекта РФ, в связи с чем был расторгнут и срочный контракт с его помощником. Истец ссылался на неправомерность расторжения с ним срочного контракта в тот момент, когда его руководитель не находился на службе по причине нетрудоспособности.

Суд отказал в удовлетворении исковых требований, поскольку с истцом контракт был расторгнут по причине истечения срока его действия, тогда как это основание не относится к основаниям расторжения контракта по инициативе представителя нанимателя, а значит на него не распространяется запрет расторгать контракт в период отсутствия его на службе.

Право на равный доступ граждан к государственной службе в Российской Федерации обеспечивается судебными и внесудебными механизмами защиты, а также деятельностью института неправитель-

ственных правозащитных организаций. Эффективной реализации права на равный доступ к государственной службе должна способствовать деятельность главы государства – Президента РФ, парламента, Правительства РФ, органов прокуратуры, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, министерств, ведомств, иных государственных органов. Все без исключения органы государственного управления и их должностные лица обязаны создавать для граждан благоприятные условия для свободного пользования данным правом.

В национальной системе несудебных государственных учреждений, целью деятельности которых является защита прав и свобод человека и гражданина, особое место занимает «парламентский омбудсмен». За время своего существования Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации рассмотрел тысячи обращений о нарушениях в сфере прав человека, среди которых жалобы на нарушения политических прав и свобод, к сожалению, имеют меньшее значение по сравнению с гражданскими, социально-экономическими и культурными правами.

Кроме того, из анализа Доклада Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2020 г. следует, что за защитой права на равный доступ к государственной службе в 2020 г. и вовсе не обратился ни один гражданин. Вместе с тем, на практике с нарушением данного права сталкивается большое количество людей. Представляется, что, несмотря на успешную работу по защите отдельных видов прав и свобод, вклад в развитие просвещения в области прав человека, в совершенствование законодательства в этой сфере данный институт не является эффективным и распространенным инструментом при защите права на равный доступ к государственной службе в Российской Федерации.

Безусловно, само существование возможности обратиться с жалобой к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации служит гарантией защиты права на равный доступ к государственной службе, вместе с тем одной толь-

ко такой возможности является недостаточно для реальной защиты указанного права. На наш взгляд, необходимы некоторые изменения в законодательстве, регулирующем правовой статус Уполномоченного по правам человека, в частности, расширение процессуальных прав омбудсмена и порядок их реализации в судопроизводстве существенно повысили бы значимость данного института и способствовали бы повышению его авторитета как среди населения, так и органов государственной власти. Кроме того, для осуществления им полномочий необходимо дальнейшее совершенствование механизма использования предоставленного ему правового инструментария.

Также эффективности работы Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации способствовала бы его научно-аналитическая поддержка со стороны Федерального центра по правам человека. Несмотря на то что во всех субъектах Российской Федерации функционируют региональные уполномоченные, что, несомненно, увеличивает возможности по защите нарушенных прав, на сегодняшний день остается необходимым и актуальным дальнейшее развитие и укрепление взаимодействия между федеральным уполномоченным и его коллегами в регионах.

Одним из средств защиты права на равный доступ к государственной службе в Российской Федерации является защита нарушенного права в суде. По мнению М.С. Матейковича, судебная защита – это «гарантированный каждому индивиду конституционный механизм охраны его прав и свобод, который выражается деятельностью органов судебной власти по предотвращению нарушений прав и свобод, устранению препятствий для их реализации либо восстановлению нарушенного права посредством установленных законом форм судопроизводства» [4].

Особое место среди гарантий занимает Конституционный Суд РФ, в том числе, по вопросам реализации права на равный доступ к государственной службе.

На практике при реализации права на равный доступ к государственной службе граждане сталкиваются с низкой эффек-

тивностью правосудия, недоверием народа к судам, пренебрежительным отношением. Граждане обращаются в суды крайне редко, так как боятся продолжительных судебных тяжб, предвзятого рассмотрения дела, обращаются за судебной защитой в самых крайних случаях, о чем свидетельствует судебная практика.

Все ветви власти – законодательная, исполнительная, судебная, все структуры власти как на федеральном, так и на региональном уровне должны быть задействованы в деятельности по обеспечению права на равный доступ граждан к государственной службе в Российской Федерации. Органы государственной власти, органы местного самоуправления и их должностные лица обязаны создавать необходимые экономические, политические, организационные, социальные и правовые условия для реализации данного права, своевременно выявлять и пресекать его нарушения, при возможности восстанавливать нарушенное право и привлекать к ответственности виновных в его нарушении.

Кроме того, эффективной реализации права на равный доступ к государственной службе в Российской Федерации способствовало бы качественное и плодотворное сотрудничество органов власти с неправительственными правозащитными организациями. Оптимальным вариантом функционирования правозащитных организаций в демократическом государстве является их органическое включение в продолжение государственной политики, ко-

торое поможет устранить существующие недостатки в деятельности государства по обеспечению и защите прав и свобод человека [5]. Общественные правозащитные организации в Российской Федерации осуществляют обеспечение гарантий защиты прав и свобод граждан, их соблюдение, деятельность таких организаций представляется значимой для современной правозащитной системы.

Тесное сотрудничество публичной власти с общественными правозащитными организациями также позитивно сказалось бы, в том числе, и на реализации права на равный доступ к государственной службе. Помощь с их стороны по вопросам мониторинга состояния прав человека, правового просвещения, совершенствования законодательства о правах человека, анализа правоприменительной практики является неocenимой.

Для реализации и защиты права граждан на осуществление государственной службы также предлагается совершенствовать законодательство, регулирующее поступление на службу, прохождение испытательного срока, заключение контракта. Ряд изменений и редакций положения Федерального закона № 79-ФЗ, делают более прозрачной систему найма служащих, обязывают представителя нанимателя более строго соблюдать положения закона и в целом создают правовые основы для реализации права граждан на осуществление государственной службы.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ (ред. от 23.05.2016) «О системе государственной службы Российской Федерации» // «Парламентская газета». № 98. 31.05.2003.
2. Афанасьева С.А. Реализация политических прав и свобод человека и гражданина (На примере города Москвы). – М.: Экон-информ, 2019. – С. 94.
3. Резер, Т. М. Правовое обеспечение государственной гражданской службы // М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 184 с.
4. Матейкович М.С. Защита избирательных прав граждан в Российской Федерации: проблемы теории и практики. – М.: МГУ, 2018. – 304 с.
5. Матвеева Т.Д. Неправительственные организации в механизме защиты прав человека. – М.: Изд-во РАГС, 2017. – 227 с.

**ORGANIZATIONAL AND LEGAL METHODS OF ENSURING AND PROTECTING
EQUAL ACCESS OF CITIZENS TO PUBLIC SERVICE
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

A.N. Voronin, *Graduate Student*

R.R. Nadirova, *Graduate Student*

Novosibirsk State University

(Russia, Novosibirsk)

***Abstract.** The passage of public service includes certain stages from the appointment to the position of a civil servant to the termination or termination of the service contract. At each stage, depending on the circumstances, the violation or restriction of the rights of a civil servant may be considered as a violation of his right to equal access to public service. In this article, the authors consider judicial and non-judicial mechanisms for protecting the right to equal access of citizens to public service in the Russian Federation, as well as the activities of the institute of non-governmental human rights organizations.*

***Keywords:** public administration, civil servant, employer's representative, service contract, judicial and extrajudicial protection mechanisms.*

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ СТРАХОВАНИЯ ПРИ ОТГРАНИЧЕНИИ ОТ СМЕЖНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

А.Н. Воронин, магистрант

Р.Р. Надилова, магистрант

Новосибирский государственный университет
(Россия, г. Новосибирск)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-65-69

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема, связанная с квалификацией мошенничества в сфере страхования (статья 159.5 УК РФ) при отграничении от смежных составов преступлений (статьи 159, 159.2 УК РФ). Для правильной квалификации мошенничества в сфере страхования необходимо отграничивать данное преступление от признаков основного состава преступления мошенничества и специальных составов преступления мошенничества. Однако постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» не предусматривает отграничение признаков состава мошенничества в сфере страхования, предусмотренного статьей 159.5 УК РФ, от основного состава мошенничества (статья 159 УК РФ), специальных составов мошенничества (статья 159.2 УК РФ), других преступлений.

Ключевые слова: мошенничество, мошенничество в сфере страхования, смежные преступления, квалификация, страхование.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 48 разъясняет определенные вопросы, разграничивающие страховое мошенничество с другими составами. На ст. 159.5 УК РФ данные разъяснения в большинстве случаев распространяются с учетом характера однородности. Однако не приводятся полные разъяснения квалификации данного преступления, не учитывается специфика отношений по данному составу преступления, не приводятся отграничения специальной нормы 159.5 УК РФ с общей нормой ст. 159 УК РФ [1].

Необходимо рассмотреть разграничение общей нормы о мошенничестве (ст. 159 УК РФ) и специальной нормы о мошенничестве в сфере страхования (ст. 159.5 УК РФ).

Для наглядности при сравнении данных составов отобразим их признаки.

При квалификации данных составов необходимо обратить внимание на наличие таких признаков:

1. Субъектом страхового мошенничества выступает страхователь и выгодоприобретатель, что отличает его от субъекта статьи 159 УК РФ;

В связи с этим аргументируется квалификация, например, при продаже недействительных полюсов страховыми агентами по ст. 159 УК РФ.

2. При страховом мошенничестве обман относится к размеру страхового возмещения, подлежащему выплате, или наступлению страхового случая.

3. По ст. 159.5 УК РФ объектом является право собственности страховщиков на их имущество. Предметом преступления выступают денежные средства, выплачиваемые в качестве страхового возмещения, которые являются имуществом страховщика.

Приведем показательный пример из практики. В. осуждена по ч. 1 ст. 159 УК РФ – за 37 эпизодов, а по ч. 1 ст. 160 УК РФ – за 3 эпизода в соответствии с приговором мирового судьи судебного участка № 2 Ливенского района Орловской области. Совершены эти эпизоды при следующих обстоятельствах.

В., как индивидуальный предприниматель, осуществляла полномочия на основании агентского договора, который был заключен со страховой компанией «С». Тем самым В. имела полномочия по оказа-

нию услуг от имени страховщика: оформление договоров ОСАГО, своевременному перечислению денежных средств на расчетный счет страховщика, обеспечению их сохранности, а также ведению учета всех бланков отчетности.

Заклучив договор ОСАГО с Лицом 1, В. оформила страховой полис и получила страховую премию в размере 2268 рублей. Путем обмана и злоупотребления доверием Лицо 1, преследуя корыстные цели, с целью личного обогащения, получил денежные средства в размере 2268 рублей, которые были получены по квитанции. Страховщику не были предоставлены сведения для поставки на учет лица 1, который приобрел страховой полис ОСАГО, а также ему не были предоставлены денежные средства. Лицо 1 не оповестили, что он не был поставлен на учет в качестве зарегистрированного в базе страховщика. Также его полис ОСАГО не был действителен при наступлении страхового случая. Таким образом, В. похитила денежные средства (страховая премия в размере 2268 рублей), которые принадлежали Лицу 1, а после чего потратила их на собственные нужды. После этого В. совершила еще 36 аналогичных эпизодов [2].

Следующий состав, который следует отграничить от страхового мошенничества – мошенничество при получении выплат. Мошенничество при получении выплат (159.2 УК РФ) – это хищение денежных средств или иного имущества при получении пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат, установленных законами и иными нормативными правовыми актами, путем представления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, а равно путем умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат.

Предметом преступления выступают субсидии, компенсации, пособия и другие указанные социальные выплаты.

Предметом преступления, предусмотренного ст. 159.5 УК РФ, является имущество в виде денежных средств, которое по наступлению страхового случая необходимо выплатить страхователю или иному лицу. Тем не менее, сфера применения данной нормы не отграничивается. То есть

ее функционирование распространяется на:

1. разнообразные формы страхования;
2. различные виды обязательного страхования;
3. разные виды форм страхования;
4. разнообразные виды добровольного страхования.

Законодателем не предусматривается отграничения пределов действия норм 159.2 и 159.5 УК РФ [3].

В мошенничестве при получении выплат могут встречаться случаи, когда предметом выступают социальные выплаты из фондов, формирование которых имеет «страховой» характер. Система норм, предусмотренная доктриной уголовного права, предусматривает правила о компенсации вреда страховыми организациями и государством; она также направлена на гарантирование благоприятного существования гражданина при утрате его трудоспособности. Для лиц, находящихся на военной службе в органах государственной власти, и лиц, работающих по трудовому договору, различаются механизмы возмещения причиненного вреда.

Фонд социального страхования Российской Федерации является первым источником возмещения вреда гражданам. В такой ситуации мошеннические действия квалифицируются по ст. 159.2 УК РФ, так они посягают на отношения в сфере социального обеспечения. Однако, когда денежные средства возмещаются за военные травмы, то выплаты осуществляются из фондов страховых организаций. Для осуществления услуг для государственных нужд страховщик выбирается на конкурсной основе. Вследствие этого, лицо подлежит уголовной ответственности за мошенничество в сфере страхования, когда предметом выступает страховое возмещение, которое возмещается военнослужащим в порядке государственного социального страхования жизни и здоровья.

Подтверждая вышесказанное, дискуссионным вопросом выступает квалификация мошенничества, в случае, когда в качестве предмета выступают денежные средства, выплачиваемые страхователю из фондов страховой организации, с целью

субсидирования ему части затрат на страхование государству. Государство оказывает помощь в виде бюджетных субсидий с целью возмещения части затрат по страхованию, в том числе коммерческое страхование, с возмещением страхователю ущерба из средств фонда страховой организации.

Приведем показательный пример из практики. Я. была осуждена ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 159, ч. 1 ст. 159, ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 159 УК РФ. Преступление было совершено при следующих обстоятельствах.

Директор ООО Я. с использованием своего служебного положения и корыстной заинтересованности совершила хищение в размере 114702 рублей 91 копейки. На основании ФЗ от 29.12.2006 года № 255 «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности в связи с материнством» выплата пособий по беременности и родам застрахованному лицу осуществляется на всех местах работы. Обеспечение на выплату денежных средств осуществляется из средств бюджета Фонда социального страхования.

Осведомленная об этом Я., как единственный учредитель и директор ООО, являющаяся обязанной по социальному страхованию своих работников, решила совершить хищение денежных средств из фонда социального страхования, которые перечисляются работодателем на оплату пособий по беременности и родам. Я. предложила работу Х., зная о том, что она находилась на пятом месяце беременности, и не ставила последнюю в известность относительно своих противоправных намерений. После этого Х. подписала с Я. бланк трудового договора и передала последней все необходимые документы.

Я. внесла в трудовой договор ложные сведения о том, что Х. работала в ООО менеджером по закупу, а также в должностном окладе в размере 25000 тысяч рублей. Помимо этого Я. указала заведомо ложные сведения в расчете пособия по беременности и родам, что Х. отработала в ООО «А.» 59 день, получив денежные

средства в качестве заработной платы общей суммой 50 000 рублей.

В последующем Я. представила данные документы в региональный Фонд социального страхования РФ.

По итогу Фонд перечислил денежные средства в размере 229 405,82 рублей. Денежные средства в сумме 114 702,91 рублей были перечислены в качестве пособия по беременности и родам для Х.

Денежные средства в сумме 229 405,82 рубля были обналичены Я.; из них 20 000 рублей передала Х. в качестве пособия по беременности и родам, в результате чего хищение было совершено в пользу третьих лиц. Остальными денежными средствами она распорядилась по своему усмотрению [4].

Следующий состав, который следует отграничить от страхового мошенничества – причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения (ст. 165 УК РФ). Их отличие состоит в субъективной направленности обмана. По ст. 159.5 УК РФ обман – средство незаконного завладения имуществом, а по ст. 165 УК РФ обман выступает как средство незаконного удержания имущества от передачи его лицам, имеющим на него право. Вследствие этого, помимо имущественного вреда извлекается выгода для себя или для других лиц [5].

Приведем показательный пример из практики. По приговору О. осужден по ч. 1 ст. 165 УК РФ за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотреблением доверия при отсутствии признаков хищения. О. совершил преступление при следующих обстоятельствах.

О. работая водителем такси в ООО «А», из корыстных побуждений, при оформлении страхового полиса ОСАГО, сообщил страховой организации ложные сведения о том, что будет использовать данное транспортное средство как личный автомобиль. Он заплатил страховую премию в размере 1584 рублей вместо положенных 2372 рублей, которые подлежали уплате в случае страхования ОСАГО при эксплуатации транспортного средства в качестве такси. Вследствие этого О. причинил имуще-

ственный ущерб в виде упущенной выгоды [6].

Исходя из данного примера, также следует обратить внимание на следующие факторы: из сложившейся ситуации кажется, что преступное посягательство затрагивает страховые отношения, и квалификация будет по ч. 1 ст. 159.5 УК РФ. Однако отсутствует посягательство на имущество страховой компании, принадлежащей ей на праве собственности.

Таким образом, необходимо сделать следующие выводы:

С целью разграничения основной нормы мошенничества со специальной нормой мошенничества в сфере страхования были установлены признаки состава. На практике встречаются ситуации, при которых похищение чужого имущества физического лица, квалифицируется по ст. 159.5 УК РФ. Однако с учетом проведенного разграничения по объекту и предмету преступления, необходимо отметить, что если преступление совершается в сфе-

ре страхования, то оно квалифицируется по 159 УК РФ в случае, когда похищается имущество физического лица.

Дискуссионным вопросом выступает квалификация мошенничества, предметом которого являются денежные средства, которые выплачены страхователю из фондов страховой организации, при субсидировании государством страхователю части затрат на страхование. В случае, когда предметом преступления выступают денежные средства из Фонда социального страхования Российской Федерации, то возникают сложности при применении статьей 159, 159.2, 159.5 УК РФ. Вследствие этого необходимо дополнить постановление Пленума Верховного Суда критериями разграничения указанных составов. Сформулировано данное разграничение должно быть следующим образом: «В случае получения страховых выплат из Фонда социального страхования РФ, содеянное необходимо квалифицировать по ст. 159.2 УК РФ».

Библиографический список

1. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 г. N 48 // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.

2. Приговор мирового судьи судебного участка № 2 г. Ливны и Ливенского района от 29 февраля 2012 г. по делу № 1-11/2012 // РосПравосудие. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rospravjmnxylu3.onion.ws/court-sudebnij-uchastok-2-livenskogo-rajona-orlovskoj-oblasti-s/act-226167765/>.

3. Боровских, Р.Н. Мошенничество при получении выплат и в сфере страхования: проблемные вопросы квалификации // Журнал «Юридическая наука правоохранительная практика. – 2015. – №3 (33). – С. 50-52.

4. Приговор Кировского районного суда г. Астрахани от 18 августа 2011 г. по делу № 1-516/2011 // РосПравосудие. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://goo.su/I2zEH>.

5. Маслов В.А. Уголовная ответственность за мошенничество в сфере страхования: Дис... канд. юрид. наук. Специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. – Екатеринбург, 2015. – С. 116-119.

6. Приговор мирового судьи судебного участка № 3 Алексинского района Тульской области от 15 марта 2011 г. по делу № 1-475/11 // РосПравосудие. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rospravjmnxylu3.onion.ws/court-sudebnij-uchastok-3-g-aleksintulskoj-oblasti-s/act-207220105/>.

**PROBLEMS OF QUALIFICATION OF FRAUD IN THE FIELD OF INSURANCE
WHEN SEPARATING FROM RELATED CRIMES**

A.N. Voronin, *Graduate Student*

R.R. Nadirova, *Graduate Student*

Novosibirsk State University

(Russia, Novosibirsk)

***Abstract.** This article discusses the problem related to the qualification of fraud in the insurance industry (Article 159.5 of the Criminal Code of the Russian Federation) when separating from related crimes (Articles 159, 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation). For the correct qualification of fraud in the insurance sector, it is necessary to distinguish this crime from the signs of the main corpus delicti of fraud and special constituents of the crime of fraud. However, the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 30.11.2017 No. 48 "On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement" does not provide for the delineation of the signs of fraud in the insurance sector provided for in Article 159.5 of the Criminal Code of the Russian Federation from the main fraud composition (Article 159 of the Criminal Code), special fraud compositions (Article 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation), other crimes.*

***Keywords:** fraud, insurance fraud, related crimes, qualification, insurance.*

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ СТРАХОВАНИЯ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ПРИЗНАКОВ ОСНОВНОГО СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

А.Н. Воронин, магистрант

Р.Р. Надирова, магистрант

Новосибирский государственный университет
(Россия, г. Новосибирск)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-70-73

Аннотация. Федеральным законом от 29.11.2012 № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» были включены специальные составы, предусматривающие уголовную ответственность за мошенничество (в том числе статья 159.5 УК РФ). Мошенничество в сфере страхования имеет специальный состав, связанный со страховыми правоотношениями. Однако в теории и практике применения данной статьи в настоящее время отсутствует единое мнение относительно некоторых элементов состава данного преступления.

Ключевые слова: мошенничество, состав преступления, мошенничество в сфере страхования, квалификация, страхование.

В течение всего периода существования статьи 159.5 УК РФ накопился достаточный опыт применения ее судами. Однако многие вопросы квалификации остались неясными и неразработанными в доктрине и правоприменительной практике. Предполагалось, что Пленум Верховного Суда РФ постановлением № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» внесет конкретику по вопросам квалификации страхового мошенничества. Но постановление лишь подтвердило отсутствие изучения важных вопросов квалификации мошенничества в сфере страхования [1].

Первой проблемой основного состава страхового мошенничества является определение объекта преступления. Необходимо указать, что до введения статьи 159.5 УК РФ вопрос о непосредственном объекте страхового мошенничества оставался дискуссионным. На этой основе возникли разные подходы к пониманию непосредственного объекта данного преступления.

Согласно первому подходу, авторы считают, что правовые границы мошенничества в сфере страхования определяются группой посягательств на интересы страховых компаний, имущественного характера, а также других участников страхо-

вых отношений (например, страховые агенты).

В соответствии с первым подходом авторы выделяют многообразие субъектного состава страхового мошенничества. Однако, в свою очередь, имеется отрицательный момент, при котором авторы сосредоточились на том, что за совершение данного преступления ответственность направлена на обеспечение охраны интересов имущественного характера только страховых организаций [2].

Сторонники второго подхода указывают, что страховое мошенничество - мошенничество страхователей, выгодоприобретателей, застрахованных лиц, направленное в отношении имущественных интересов страховщиков.

Сторонники третьего подхода отмечают, что к данному преступлению относятся различные виды мошеннических посягательств, относящихся к страхователю, включая преступления, которые совершаются фиктивными страховыми организациями.

Существует точка зрения, согласно которой мошенничество в сфере страхования определяется как противоправное поведение субъектов страхового договора, заключающееся в получении денежных средств страхователем обманом или зло-

употреблением доверия страховщика; сокрытии важной информации при заключении договора страхования; отказе страховщика в выплате денежных средств без законных оснований. Таким образом, субъект присваивает имущество в свою пользу безвозмездно при отсутствии законных прав [3].

Вышесказанное не определяет правовой сущности мошенничества в сфере страхования. Правильной чертой данного преступления выступает обоюдность, так как преступление совершается страхователями и другими лицами в отношении страховых организаций, а также квалифицированными субъектами в страховой сфере.

По результатам интервьюирования правоприменителей можно прийти к выводу о неоднозначности применения статьи 159.5 УК РФ на практике относительно объекта страхования.

Среди опрошенных лиц наблюдается возникновение множества случаев тесной квалификации страхового мошенничества и смежных составов преступлений по признаку непосредственного объекта.

На основании вышеуказанного можно сделать вывод, что единое мнение относительно юридических границ такого понятия как «страховое мошенничество» отсутствует, вследствие чего не имеется представления о непосредственном объекте страхового мошенничества.

В основном составе дискуссионным вопросом выступает объективная сторона, а именно обман относительно размера страхового возмещения, подлежащего выплате страхователю или иному лицу.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 48 указывает на пример совершения страхового мошенничества представлением ложных сведений, которые завышают размер ущерба по страховому случаю. Однако не приводится возможной ситуации, когда оно совершается страховой организацией путем занижения размера выплат денежных средств по наступлению страхового случая.

Буквальное толкование правовой нормы позволяет сделать вывод, что нормой не предусмотрено, в какую сторону изменя-

ется размер страхового возмещения в данном случае (завышение или занижение).

Когда преступление посягает на имущественные интересы субъектов, то обман направлен на преднамеренное завышение размера страховых выплат. Этот субъект обязан выплатить страховое возмещение. Вследствие этого объектом преступления выступают отношения собственности государства, обществ взаимного страхования, страховых организаций. Ситуация изменится при искусственном занижении размера выплат денежных средств по наступлению страхового случая. Субъектом выступают лица, которые имеют интерес по сокращению размера страховых выплат. В качестве таких субъектов рассматриваются сотрудники и руководители страховых компаний. В таком случае потерпевшими являются бенефициары страховых выплат – выгодоприобретатели, страхователи, застрахованные лица [4].

Предположим, что мошенничество в сфере страхования заключается лишь в действиях со стороны страхователей и застрахованных лиц. В таком случае возникает вопрос: возможно ли разграничение обмана по критериям наступления страхового случая и размера страхового возмещения? Обусловлен данный вопрос тем, что страховая выплата зависит от характера страхового события и, что на каждый такой случай предусмотрен свой вид страховых выплат. Разграничивая данные понятия по критерию правовой конструкции, придается нехарактерная для них казуистика.

Является рациональным предположение расширения данного преступления деянием, совершаемым представителями страховой организации.

При такой точке зрения, правовая санкция направлена на каждого недобросовестного участника отношений в сфере страхования.

Однако при определении объективных признаков возникают неточности.

В данном преступлении не уменьшается объем имущества в пользу виновного или третьих лиц.

При выплате страхователю меньшего размера возмещения, потерпевшему при-

чиняется ущерб в качестве упущенной выгоды в виде невыплаченных страховых возмещений. Вследствие этого предмет хищения отсутствует, так как денежные средства в момент совершения преступления являются собственностью страховой организации.

Ситуации искусственного занижения страхового возмещения возможны, но в правоприменительной практике отсутствуют примеры таковых. Объясняется это тем, что не рассматриваются как преступления злоупотребления страховщиков. В качестве единственного примера – обман страхователей со стороны страховой компании «Россия», когда более 25 тысяч клиентов остались обманутыми. В данном случае присутствуют нарушения норм гражданского права.

Следующим вопросом, который требует уточнения, является момент окончания страхового мошенничества.

Мошенничество в сфере страхования, совершаемое путем обмана относительно наступления страхового случая, так и путем обмана относительно размера страховой выплаты, в данном случае подлежит такой выплате по закону или страховому договору и предполагает подачу документов страховщику, которые содержат заведомо недостоверные сведения. В момент подачи этих документов лицо выполняет все зависимые от него действия, которые направлены на получение страховых выплат. Страховщик при этом данные документы принимает. Будущее решение о выдаче страхового возмещения принимает только страховщик в соответствии с законом, который регулирует эту процедуру. Иначе должны разрешаться ситуации, при которых моментом окончания данного преступления является отказ страховщика в выплате. При таком положении преступление считается оконченным, когда выносится судебное решение, так как в данном случае принимается решение о выплате виновному лицу страхового возмещения, и умысел при этом реализован [5].

Момент окончания в таком случае переносится на более раннюю стадию по отношению к другим формам хищения, и данное преступление признается окончен-

ным с момента принятия страховщиком решения о выплате или возмещении, либо с момента вынесения судебного решения о необходимости такой выплаты.

Приведем показательный пример из практики. М. совершил покушение на мошенничество в сфере страхования путем обмана относительно размера страхового возмещения и наступления страхового случая, однако преступление не было доведено до конца по независящим от М. обстоятельствам. Преступление было совершено при следующих обстоятельствах.

М. приобрел транспортное средство, после чего инсценировал дорожно-транспортное происшествие так, чтобы виновником оказался водитель другого транспортного средства. После этого М. ввел в заблуждение сотрудников полиции относительно дорожно-транспортного происшествия. После этого страховая компания перечислила М. денежные средства в размере 149 636 рублей.

М. с данной суммой не согласился, и, обратившись к независимому эксперту А., лицо получило экспертное заключение на восстановление автомобиля в размере 412 508 рублей. После этого М. обратился в Центральный районный суд г. Волгограда с иском на 401 400 рублей. Иск частично был удовлетворен.

Таким образом, М. завладел денежными средствами в размере 236 846 рублей. Довести до конца преступный умысел на оставшуюся сумму в размере 314 190 рублей М. не смог, ввиду отказа судом в удовлетворении остальной части требований [6].

Таким образом, необходимо сделать следующие выводы:

Единое мнение относительно юридических границ такого понятия как «мошенничество в сфере страхования» отсутствует. Вследствие этого не имеется единого представления о непосредственном объекте страхового мошенничества.

Объективная сторона мошенничества в сфере страхования не предусматривает искусственного занижения страхового возмещения.

Момент окончания данного преступления переносится на более раннюю стадию:

с момента принятия страховщиком решения о выплате или возмещении, либо с момента вынесения судебного решения о необходимости такой выплаты.

Библиографический список

1. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 г. N 48 // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Боровских Р.Н., Зыков Д.А. Мошенничество в сфере страхования: некоторые проблемы ограничений правоприменения // Юридическая техника. – 2018. – №12. – С. 420.
3. Гасанов А.К. Определение объекта мошенничества в сфере страхования // Образование и право. – 2019. – №3. – С. 162-163.
4. Боровских Р.Н., Зыков Д.А. Мошенничество в сфере страхования: объективная сторона преступления // Вестник Владимирского юридического института. – 2016. – №3 (40). – С. 52-53.
5. Гасанов А.К. Момент окончания мошенничества в сфере страхования // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – 2016. – С. 73-80.
6. Приговор Центрального районного суда г. Волгограда от 17 октября 2017 г. по делу № 1-417/2017 // Sud-Praktika.ru. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sud-praktika.ru/precedent/468560.html>.

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF FRAUD IN THE FIELD OF INSURANCE WHEN ESTABLISHING THE SIGNS OF THE MAIN CORPUS DELICTI

A.N. Voronin, *Graduate Student*

R.R. Nadirova, *Graduate Student*

Novosibirsk State University

(Russia, Novosibirsk)

Abstract. *Federal Law №207-FL of 29.11.2012 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" included special compositions providing for criminal liability for fraud (including Article 159.5 of the Criminal Code of the Russian Federation). Insurance fraud has a special composition related to insurance legal relations. However, in the theory and practice of the application of this article, there is currently no consensus on some elements of the composition of this crime.*

Keywords: *fraud, corpus delicti, insurance fraud, qualification, insurance.*

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ СТРАХОВАНИЯ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ КВАЛИФИЦИРУЮЩИХ И ОСОБО КВАЛИФИЦИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ

А.Н. Воронин, магистрант

Р.Р. Надирова, магистрант

Новосибирский государственный университет
(Россия, г. Новосибирск)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-74-78

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема, связанная с квалификацией мошенничества в сфере страхования (статья 159.5 УК РФ) при определении квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков данного состава преступления. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» закрепляет общий характер установления квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков страхового мошенничества. Вследствие этого судами неоднозначно применяются части 2-4 статьи 159.5 УК РФ, закрепляющие квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки мошенничества в сфере страхования.

Ключевые слова: мошенничество в сфере страхования, квалификация, квалифицирующие признаки, особ квалифицирующие признаки, страхование, мошенничество.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» не содержится подробных разъяснений при установлении квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков мошенничества в сфере страхования. На основании проанализированной судебной практики суды по-разному применяют части 2-4 статьи 159.5 УК РФ, закрепляющие квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки мошенничества в сфере страхования.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» разъясняет в п. 27, что при рассмотрении уголовных дел данной категории, совершаемых двумя и более лицами, следует учитывать положения статей 32, 33, 35 УК РФ. Надлежит выяснить, какие конкретно действия, непосредственно направленные на исполнение объективной стороны этих преступлений, которые выполнял каждый из соучастников были совершены. Кроме того, требуется установить и указать в приговоре доказательства, которые подтверждают вину каждого из соучастников [1].

Для квалификации по данному квалифицирующему признаку необходимо установить, чтобы объективная сторона выполнялась каждым из соучастников.

Являясь одним из видов публичных правовых отношений, страховые отношения обладают особенными признаками, порождающимися из гражданско-правового характера. Одной из особенностей является их договорной характер. Необходимые условия – определение сторон договорных отношений. В случае, когда речь идет о договоре страхования, в качестве сторон выступают страховщик и страхователь [2].

Суть хищения состоит в завладении имуществом; в данном преступлении это может осуществить указанное в договоре страхования лицо. Вследствие этого объективная сторона выполняется страхователем, а в определенных случаях выгодоприобретателем.

Приведем показательный пример из практики. Х. совершил покушение на страховое мошенничество путем обмана относительно наступления страхового случая, совершенного группой лиц по предварительному сговору. Преступление

было совершено при следующих обстоятельствах.

Лицо 1, лицо 2, лицо 3 и Х. решили совершить хищение денежных средств, принадлежащих страховой организации. Х. и лицо 3 являются подысканными участниками, которые за вознаграждение согласились участвовать в умышленном ДТП.

При этом лицо 3 и Х., не осведомленные о том, что лица 1 и 2 действуют в составе организованной группы, дали согласие на участие в умышленном ДТП за вознаграждение.

Осуществляя преступный умысел, группа лиц по предварительному сговору совершила умышленное ДТП. Х. по указанию лица 3 позвонил в отдел ГИБДД УМВД России и сообщил о совершенном ДТП.

Введённые в заблуждение сотрудники ГИБДД составили документы о произошедшем ДТП, и участники группы, по предварительному сговору, составили объяснения, содержащие заведомо ложные сведения.

Продолжая реализацию преступного умысла, лицо 3 обратилось в отдел страховой компании, и ему были выплачены денежные средства в размере 169 890 рублей 99 копеек.

Х. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159.5 УК РФ [3].

На основании вышеуказанного примера необходимо отметить следующее:

- не является верным факт изменения общественной опасности совершения данного преступления группой лиц по предварительному сговору. Основывается это на том, что сумма, выплачиваемая в качестве страхового возмещения, точно определена, вследствие чего размер ущерба не зависит от количества лиц, участвующих в совершении преступления;

- усложняется выполнение объективной стороны кем-либо кроме страхователя или выгодоприобретателя ввиду установления обстоятельств, указанных в диспозиции ст. 159.5 УК РФ, вследствие которых совершается обман и специальный субъект данного состава.

На практике относительно ч. 3 ст. 159.5 УК РФ выделяется проблема по толкованию квалифицирующего признака, а именно по поводу понимания содержания понятия «использование своего служебного положения». Проявляется это в том, что при квалификации по этому составу данного квалифицирующего признака наблюдается разночтение и разное понимание в применении данного квалифицирующего признака.

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ закрепляется раскрытие содержания совершения мошенничества в сфере страхования, которое совершается лицом с использованием своего служебного положения. К таким лицам относятся: государственные и муниципальные служащие, которые не являются должностными лицами; иные лица, соответствующие критериям, которые зафиксированы в ст. 201, а именно к п. 1 примечаний данной статьи (например, лицо, наделенное хозяйственными, административными, распорядительными полномочиями, которое использует их для хищения; должностные лица, которые имеют критерии, зафиксированные в ст. 285, а именно отсылает к п. 1 примечаний данной статьи).

Выражаться использование лицом своих служебных полномочий может в подготовке необходимого перечня документов руководящим работником страховой компании для получения страховой выплаты по фиктивному страховому случаю.

Приведем пример из практики, когда не до конца понятна обоснованность применения данного квалифицирующего признака.

Так, необходимо привести уголовное дело в отношении В., из Республики Марий Эл, по которому не был выделен данный квалифицирующий признак указанного состава.

Демонстрируется данный квалифицирующий признак при следующих обстоятельствах: В. должен был принимать документы у страхователя для оформления страховой ситуации. Затем отправлять их в отдел урегулирования убытков страховой организации.

По должностной инструкции В. являлся начальником отдела страхования. В качестве сотрудника страхования он, во-первых, принимал необходимый перечень документов. Во-вторых, отправлял их в отдел организации, которая занималась основаниями для выдачи страхового возмещения. Однако проверка на полноту определённого перечня документов была обязанностью не В., а центра урегулирования убытков страховой организации, чьей обязанностью было изучение наличия оснований для предоставления страхового возмещения.

В итоге Звениговский районный суд исключил наличие этого квалифицирующего признака [4].

В тоже время другой пример – дело Л. в Республике Татарстан, которая была осуждена приговором Алексеевского районного суда по ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 159.5 УК РФ за покушение на данный квалифицирующий признак.

Л. занимала должность руководителя филиала страховой компании. Со страхователем Л. за вознаграждение материального характера вступила в сговор. Ее обязанность заключалась, во-первых, в подготовке обязательного перечня документов. А второй обязанностью являлось их направление в необходимый отдел по выплатам для получения страховой выплаты по фиктивному страховому случаю.

В оформлении необходимого пакета документов Л. и заключается пользование служебными полномочиями. Однако в чем выразилось это использование, в приговоре отсутствует [5].

Следующим дискуссионным вопросом выступает мошенничество в сфере страхования, совершенного организованной группой.

В правоприменительной практике часто встречаются ситуации, в которых организованная группа обнаруживается в составе юридического лица, которое совершает данные преступления.

Из судебных приговоров для вменения рассматриваемого квалифицированного признака недостаточно доказательств, которые указывают на стабильные социальные связи между участниками данной ор-

ганизованной группы, являющиеся сотрудниками организации. Для признания аргументов на установление данного особо квалифицирующего признака необходимо доказать, что данные социальные связи имели цель – активную деятельность и наличие преступных замыслов, сохранение организованной группы.

Юридическое лицо, под видом которого маскируется организованная группа должно иметь следующие признаки:

а) наличие единого руководителя;

б) осуществление определенных функций и, одновременная взаимосвязь между подразделениями. Кроме того они обязаны осуществлять требуемые условия:

1) совместное совершение преступлений выступает в качестве цели всех участников преступного сообщества;

2) они не предусматривают законных экономических целей, однако действуют в интересах организованной группы [6].

В качестве участников организованной группы выступают:

а) лица, которым выплачивают ежемесячную заработную плату;

б) лица, чьи доходы находятся в зависимости от мошенничества в сфере страхования, проинформированные о противозаконности совершаемых действий, реализующие общий план преступного сообщества.

Приведем показательный пример из практики. К. был осужден по ч. 4 ст. 159.5 УК РФ за мошенничество в сфере страхования, совершенного организованной группой. Преступление было совершено при следующих обстоятельствах.

По приговору К. являлся заместителем директора ООО, которое осуществляло ремонт поврежденных транспортных средств третьих лиц, с которыми заключил договоры добровольного страхования транспортных средств. Из корыстных побуждений у К. возник преступный умысел на хищение денежных средств, перечисленных в качестве оплаты выполнения работ и стоимости запасных частей по ремонту транспортных средств, путем обмана сотрудников ООО относительно наступления страхового случая и размера страхового возмещения, и оформления до-

кументов о фиктивных ДТП. Однако он определил, что завладение денежными средствами необходимо осуществлять организованной группой. После чего он решил создать ее и возглавить ее руководство.

С целью создания организованной группы К. по трудовому договору нанял на работу в ООО:

1. эксперта, который осуществлял осмотр транспортных средств с последующим составлением акта осмотра транспортных средств, на основании которого в дальнейшем составлялся акт согласования счета;

2. сотрудника ООО, для составления фиктивных документов относительно наступления страхового случая;

3. аварийного комиссара, который обладал знаниями по составлению документов о ДТП и имел бланки таких документов.

После этого К. инсценировал ДТП. На место дорожно-транспортного происшествия прибыл аварийный комиссар, который был введен в заблуждение К., и составил документы относительно наступившего ДТП. Обратившись в отдел ГИБДД, К.

также получил необходимые документы о наступлении страхового случая [7].

Таким образом, необходимо сделать следующие выводы:

Соучастие при совершении мошенничества в сфере страхования не изменяет общественной опасности совершения данного преступления.

Определен круг лиц, которые используют свои служебные полномочия при совершении страхового мошенничества. Однако на практике неясно, каким образом суды ссылаются на наличие или отсутствие данного признака. В данном случае необходимо внести дополнение в статью или разъяснение Пленума Верховного Суда относительно того, что служебные полномочия должны быть предусмотрены в трудовом договоре.

При квалификации мошенничества в сфере страхования, совершенного организованной группой были установлены признаки организованной группы: устойчивость, организованность, распределение ролей. Однако на практике встречаются случаи, когда эти признаки тяжело установить в отношении организованной группы, замаскированной под юридическое лицо.

Библиографический список

1. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11. 2017 г. N 48 // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.

2. Маслов В.А. Уголовная ответственность за мошенничество в сфере страхования: Дис... канд. юрид. наук. Специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно – исполнительное право. – Екатеринбург, 2015. – С. 90-91.

3. Приговор Орджоникидзевского районного суда г. Магнитогорска от 16 июля 2020 г. по делу № 1-601/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/Vf8jwIRTYNK/>.

4. Приговор Звениговского районного суда Республики Марий Эл от 26 февраля 2014 г. по делу № 1-198/2013, 1-17/2014 // РосПравосудие. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://goo.su/WLiRU8j>.

5. Приговор Алексеевского районного суда Республики Татарстан от 10 июня 2013 г. по делу № 1-38/2013 // РосПравосудие. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://goo.su/NP3HT>.

6. Сидоренко Э.Л. Мошенничество в сфере страхования: некоторые проблемы квалификации // «Экономика, налоги, право». – 2018. – № 5 (11). – С. 153-154.

7. Приговор Октябрьского районного суда г. Барнаула от 19 марта 2018 г. по делу № 1-132-18 // РосПравосудие. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://goo.su/hwmj0iA>.

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF FRAUD IN THE INSURANCE INDUSTRY IN THE ESTABLISHMENT OF QUALIFYING AND ESPECIALLY QUALIFYING SIGNS

A.N. Voronin, *Graduate Student*

R.R. Nadirova, *Graduate Student*

Novosibirsk State University

(Russia, Novosibirsk)

***Abstract.** This article discusses the problem associated with the qualification of fraud in the insurance industry (Article 159.5 of the Criminal Code of the Russian Federation) in determining the qualifying and especially qualifying features of this corpus delicti. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 48 dated 30.11.2017 "On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement" establishes the general nature of the establishment of qualifying and especially qualifying signs of insurance fraud. As a result, the courts ambiguously apply parts 2-4 of Article 159.5 of the Criminal Code of the Russian Federation, fixing qualifying and especially qualifying signs of fraud in the insurance sector.*

***Keywords:** insurance fraud, qualification, qualifying signs, special qualifying signs, insurance, fraud.*

РОЛЬ ШОС В МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Д.А. Галлямова, студент

И.Р. Аминов, канд. юрид. наук, доцент

Уфимский университет науки и технологий
(Россия, г. Уфа)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-79-81

***Аннотация.** Исследована роль Шанхайской организации сотрудничества в международной безопасности. Проведена оценка деятельности организации, РАТС. В ходе исследования обозначили, что сотрудничество в масштабах ШОС играет важную роль в обеспечении международной безопасности в Евразии. За все время работы в ШОС активно ведется борьба с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом, которые, в свою очередь, были определены целью самой организации. Было обозначено, что ежегодно в организацию присоединяются государства-участники, которые, в свою очередь, видят эффективность и прогресс организации в решении геополитических проблем международной безопасности.*

***Ключевые слова:** ШОС, экстремизм, терроризм, сепаратизм, безопасность, преступность, угрозы.*

Что представляет собой международная безопасность в XXI веке? Угроза и подрыв безопасности всего мира подразумевает не только войны и международные конфликты, но и особое внимание сейчас уделяется таким понятиям как проявление насилия, организованная преступность, терроризм, сепаратизм, и конечно же, оружия массового уничтожения. Теоретики привыкли разделять международную безопасность на глобальную и региональную, которые, в свою очередь, могут быть обеспечены лишь коллективными силами. То есть сплоченная сила государств идут в ногу друг с другом для того, чтобы воедино справиться с угрозами, которые подрывают международную безопасность.

Что касательно региональной безопасности, то она осуществляется в рамках какого-либо определенного региона. В мире есть достаточно много региональных организаций, соглашений, которые тем или иным образом направлены на борьбу с терроризмом, насилием, экстремизмом и т.д. И одним из ярких примеров подобной организации является Шанхайская Организация Сотрудничества.

Шанхайская организация сотрудничества является региональной организацией, основными целями которой считаются укрепление безопасности, борьба с терро-

ризмом, экстремизмом, сепаратизмом и наркотрафиком. Шанхайская Организация Сотрудничества, в составе которой на 2022 год насчитывается 9 государств, с самого своего образования ведет активную работу. Каждый год проводятся саммиты, на которых собираются главы государств-участников и обсуждаются важные актуальные вопросы. Составляются, своего рода, новые пакеты договоров и конвенций, в которых, так или иным образом, провозглашаются устойчивые цели и задачи, направленные на сохранение безопасности. Так, можем привести в пример подписания договора «Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов Шанхайской организации сотрудничества» в результате ташкентского саммита в 2007 году. Или также можно обратить внимание на то, как почти каждый год увеличивается количество участников организации, допустим, в 2005 году три мировых актора стали странами-наблюдателями, это Индия, Пакистан и Иран. Или в 2009 году на саммите в Екатеринбурге партнерами по диалогу стали Белоруссия и Шри-Ланка. Это говорит нам о том, что с каждым годом Шанхайская Организация Сотрудничества расширяет свои территории и становится только сильнее и

тем самым эффективнее борется с угрозами международной безопасности.

Шанхайская Организация Сотрудничества, являясь одним из центров формирующегося многополярного мира, выступает за соблюдение принципов и норм международного права. Создание ШОС стало важным событием в мире после окончания холодной войны, убедительно опровергающее теорию и практику однополярного мира [1]. Поскольку страны-участницы все время находятся под мировыми угрозами, ШОС предпринимает все возможные меры для того, чтобы поддержать региональную стабильность и безопасность. Следует отметить некоторые аспекты, которые ШОС уже предприняла, во-первых, разрабатывается и совершенствуется, по сегодняшний день, нормативно-правовая база, которая борется с международными угрозами и вызовами. Во-вторых, как уже отмечалось ранее, каждый год проводятся встречи, на которых страны-участники разрабатывают новые антитеррористические меры. И в-третьих, следует отметить об образовании РАТС, она же региональная антитеррористическая структура, являющаяся координирующим органом в борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом.

О повышенном внимании ШОС к вопросам безопасности свидетельствовала Стратегия развития ШОС до 2025 г., которая была принята на саммите в Уфе в июле 2015 г. [2]. В самой Стратегии подчеркивается необходимость реформирования Совета Безопасности ООН, с целью повышения эффективности ее деятельности. Ведь, в действительности, с каждым прошедшим годом, государства осознают, что ее роль в решении мировых угроз стала не такой эффективной. Также ведется активная работа с терроризмом, страны-участники ШОС стараются и будут обмениваться достоверной информацией о всевозможных террористических атаках. Борьба ведется и с нелегальным оборотом наркотиков, миграцией, торговлей людьми, которые на данный момент превышают максимум за прошлые года.

С каждым годом, в ряды имеющих документов ШОС, пополняются новые: во-

первых, была принята Программа сотрудничества государств-членов ШОС в противодействии терроризму, сепаратизму и экстремизму на 2019-2021 гг., во-вторых, была утверждена Антинаркотическая стратегия государств-членов ШОС на 2018-2023 гг. [3]. В Шанхайской Организации Сотрудничества все чаще проводятся учения, направленные на борьбу с терроризмом, которые, в свою очередь, стали одним из важнейших инструментов обеспечения безопасности. Также следует отметить важную роль ШОС в урегулировании конфликта в Афганистане. Война в Афганистане, проблемы с организованной преступностью, в том числе международный наркотрафик – все это часть современной повестки дня для ШОС. К тому же, в последние годы большое значение придается китайскому проекту «Шелковый путь». В виду географического положения, страны ШОС играют большую роль в его реализации: именно благодаря транзитным путям, которые будут проложены через данный регион, можно будет говорить про экономическое значение договоренностей в рамках ШОС [4].

В заключении, хотелось бы сказать, что Шанхайская Организация Сотрудничества не знает границ, она с каждым годом ставит перед участниками цели, которые те, в свою очередь, достигают их. Двери организации открыты новым государствам, открыты новым идеям и проектам каждого участника, она готова расширять территории и полномочия, а главное бороться с острыми проблемами, которые угрожают безопасности всего мира. Из опыта работы организации, можем заметить, что создаются и разрабатываются все больше договоров, конвенций и проектов, что говорит нам о плодотворности и эффективности работы организации. Перед ШОС стоят острые проблемы терроризма, нелегального оборота наркотрафика, незаконной миграции и много других вопросов, которые ей следует решить. Но за все время она ведет эффективную работу, которая, в конечном счете, не заставит долго нас ждать.

Библиографический список

1. Чуфрин Г. ШОС: Que vadis // Международная жизнь. – 2008. – №6. – С. 53-64.
2. Гарбузарова Е.Г. Роль ШОС в процессе нейтрализации региональных вызовов и угроз // Проблемы постсоветского пространства 2021. – Т. 8, №4. – С. 425-436.
3. Алимов Р. Саммит в Циндао стал для ШОС рубежным. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5280634>.
4. Рахимов К.Х. Деятельность Шанхайской организации сотрудничества по урегулированию афганского конфликта в контексте обеспечения безопасности в Евразии. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://orcid.org/0000-0003-2771-1817>.

THE SCO'S ROLE IN INTERNATIONAL SECURITY

D.A. Gallyamova, *Student*

I.R. Aminov, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*

Ufa University of Science and Technology

(Russia, Ufa)

***Abstract.** The role of the Shanghai Cooperation Organization in international security is investigated. An assessment of the activities of the organization, RATS was carried out. In the course of the study, it was indicated that Cooperation on the SCO scale plays an important role in ensuring international security in Eurasia. For all the time the SCO has been actively fighting terrorism, extremism and separatism, which, in turn, were determined by the purpose of the organization itself. It was noted that every year the participating States join the organization, which, in turn, see the effectiveness and progress of the organization in solving geopolitical problems of international security.*

***Keywords:** SCO, extremism, terrorism, separatism, security, crime, threats.*

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ ВЕЩНЫХ ПРАВ В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Г.И. Галяутдинова, магистрант

Башкирский государственный аграрный университет
(Россия, г. Уфа)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-82-84

Аннотация. Данная статья посвящена теоретическому анализу признаков, касательно вещных прав. Нами исследовано по вышеуказанному аспекту действующая законодательная база и точки зрения ученых, касательно определения признаков вещных прав в гражданском законодательстве. Проведен анализ исследований, которые посвящены проблемам определения признаков вещных прав. Данные, которые были получены в ходе исследовательской работы, подтверждают высокую значимость и актуальность исследования.

Ключевые слова: вещные права, закон, интерес, признаки, сделка, права и обязанности, характеристика, имущественная сфера, юридическая литература.

В современных реалиях одной из актуальных проблем является регулирование вещных прав в действующем гражданском законодательстве. Вышеуказанный аспект находится в постоянном исследовании учеными, так как содержательная специфика и правовая природа понятия и признаков вещных прав – это один из фундаментальных нерешенных вопросов для российского гражданского законодательства.

В соответствии с вышеизложенным, необходимо отметить, что вопросы, касающиеся вещных прав в гражданском законодательстве, имеют высокую актуальность, которая обусловлена тем фактом, что содержательная основа Гражданского кодекса Российской Федерации на перманентной основе терпит изменения.

Проблемный аспект данного исследования выражен перечнем пробелов, которые нарушают однозначность и приводят к размытости толкования статей действующего гражданского законодательства.

Перейдем к рассмотрению содержательной основы гражданско-правового интереса с точки зрения ученых. Как заявляет Емелькина И.А., содержательная конструкция гражданско-правового интереса выражается в том, что он представляет собой интерес отраслевого характера, который находится под охраной законодательства. Гражданско-правовой интерес имеет

ключевое отличие от субъективного права, сущность последнего выражается в том, успешная его реализация субъектом предоставляет охрану законом [4, с. 78].

Интересы правового характера субъекта в области вышеуказанных отношений в изменении его положения юридического характера как субъекта имущественных отношений входят в содержательную конструкцию формы гражданско-правового интереса.

Посредством реализации гражданско-правового интереса происходит заинтересованным субъектом приобретение субъективных гражданских прав или освобождения от обязанностей, а также позволяет ему достигать определенные последствия правового характера [7, с. 28].

Как отмечается учеными-правоведами, указанная сфера гражданского права имеет значительные проблемные аспекты. Как заявляет Голобородкина Е.В., ключевой проблемой темы исследования является отсутствие полноценного и объемного перечня регламентированных признаков вещных прав в российском гражданском законодательстве.

Выделим следующие основополагающие признаки, которые относятся к вещным правам:

1. вещное право всегда находится под законодательной охраной;

2. вещное право является неотделимым от вещи, и соответственно всегда следует за ней;

3. вещное право всегда обременяет;

4. вещное право не имеет срока действия, если иное не регламентировано гражданским законодательством;

5. вещное право – это абсолютное господство над вещью, которое предоставляется субъекту.

На данный момент законодательство в сфере регулирования вещественных прав и гарантий претерпевает внушительные преобразования. На данный момент конкретного определения вещественных прав, которое едино использовалась всеми авторами не существует. Такая же ситуация происходит и с основными признаками вещественных прав, характеризующих их как таковые. Это глобальная проблема для отечественного законодательства, т.к. сфера регулирования вещественных прав обширная и ее регулируют не только нормативно-правовые акты, а также такой незаменимый документ, как Концепция развития гражданского законодательства РФ. Данный документ служит для группировки по основным признакам схожих норм законодательства, регулирующих ту или иную сферу общественных отношений.

Большинство авторов склонны во мнении, что один из пунктов, регулирующий вещные права должен содержать основное определение вещных прав, которое будет характеризовать его как таковое и отличать от схожих прав по основным, ведущим признакам [3, с. 35].

Советский и российский правовед, специалист по международному частному и гражданскому праву. Заслуженный деятель науки Российской Федерации Маковский А.Л. утверждает, что вышеупомянутая Концепция излагает ключевые моменты, характеризующие вещные права как таковые отличным способом от действующей на данный момент доктрины, регулирующей ту же область. Стоит отметить,

что Александр Львович Маковский является одним из разработчиков ГК РФ и стоит у истоков гражданского законодательства нашей страны [5, с. 55].

На сегодняшний день фундаментальная проблема в гражданском законодательстве, касательно определения признаков вещных прав, выступает тот факт, что действующее гражданское законодательство не включает свою содержательную основу полный перечень признаков и объемную правовую характеристику вещного права. Соответственно, существует значительное количество различных подходов в отношении определения понятия вещного права и его основных признаков. На сегодняшний день не существует единого мнения ученых, которое было возможно регламентировать в качестве окончательного понятия вещного права и его признаков [6, с. 102].

В заключение следует сформировать выводы, которые выражаются в следующем: в современных реалиях не существует однозначного подхода к совокупности признаков вещных прав, ибо мнения ученых-цивилистов расходятся на данный счет. Также стоит отметить, что среди ученых существует дискуссия, касательно новых введений, которые были предложены в Раздел II Гражданского кодекса Российской Федерации. Таким образом, данный институт вызывает потребность в его перманентном научном исследовании.

Также является необходимым отметить, что вопрос, касательно закрепления перечня признаков вещных прав в современных реалиях не теряет своей высокой актуальности, так как данный аспект требует незамедлительного решения. Необходимость решения данного проблемного аспекта заключается в том, чтобы действующее гражданское законодательство в дальнейшем совершенствовалось в конструктивном русле, включая формирование системы вещного права.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301

2. Гражданское право: в 4 т. Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права / И.А. Зенин и др./; отв. ред. Е.А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – Т. 2. – 496 с.
3. Васильев В.В. Признаки вещных прав: проблемы и пути научного разрешения // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2017. – №5. – С. 43-49.
4. Емелькина И.А. Система ограниченных вещных прав. Автореферат диссертации канд. юрид. наук. – М.: Инфра-М, 2017. – 119 с.
5. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / Вступ. ст. А.Л. Маковского. – М.: Сфера, 2015. – 123 с.
6. Королева Д.В., Юхина Н.Н. Особенности пределов осуществления права собственности на предприятие и единый недвижимый комплекс // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – №1-3 (52). – С. 100-103.
7. Певницкий С.Г. Некоторые вопросы вещных прав на помещения в отечественном правопорядке // Нотариус. – 2018. – №5. – С. 25-29.

PROBLEMS OF DETERMINING THE SIGNS OF PROPERTY RIGHTS IN THE MODERN CIVIL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

G.I. Galyautdinova, *Graduate Student*
Bashkir State Agrarian University
(Russia, Ufa)

***Abstract.** This article is devoted to the theoretical analysis of signs concerning property rights. We have investigated the current legislative framework and the point of view of scientists regarding the definition of the signs of property rights in civil legislation on the above aspect. The analysis of studies devoted to the problems of determining the signs of property rights is carried out. The data that were obtained during the research work confirm the high significance and relevance of the study.*

***Keywords:** property rights, law, interest, signs, transaction, rights and obligations, characteristics, property sphere, legal literature.*

СТАТУС САМОЗАНЯТОГО В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

А.В. Ганеева, студент

Научный руководитель: М.С. Арутюнян, канд. юрид. наук, доцент

Башкирский государственный университет
(Россия, г. Уфа)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-85-88

Аннотация. Актуальность данной темы связана с появлением нового статуса у физических лиц. В связи с получением возможности осуществлять предпринимательскую деятельность, появляется проблема определения статуса самозанятых в арбитражном процессе. Целью выполненного исследования является выявление проблем, возникших в связи с участием в арбитражном судопроизводстве таких категорий, как самозанятые. Автор определяет особенности из процессуального статуса. Формулирует предложения и выводы направленные на совершенствование законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: самозанятые граждане, арбитражный процесс, налог на профессиональный доход, индивидуальные предприниматели, физические лица, юридические лица.

Самозанятые граждане – термин, появившийся в российском законодательстве с внедрением ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «налог на профессиональный доход»» [1]. Данный закон касается представителей сферы услуг, и согласно данному закону, малые предприниматели, граждане, занимающиеся репетиторством, няни, и курьеры получили возможность легализовать свою деятельность, и действовать законно, не переживая о том, что их деятельность может привлечь внимание федеральной налоговой службы.

Таким образом, поскольку это новое понятие в законодательстве Российской Федерации, оно не имеет устоявшейся практики. В связи с чем возникают вопросы о правовом статусе самозанятых. Анализируя положения специального налогового режима, и статуса самозанятых, принимая во внимание тот факт, что данные положения в российском праве новые, возникает вопрос. Чем статус самозанятого отличаются от статуса предпринимателя? И так же актуальным вопросом остается, статус самозанятых граждан в арбитражном процессе?

Налог на профессиональный доход

В целях обеспечения защиты и укрепления положений малого и среднего предпринимательства, Правительство Россий-

ской Федерации в 2016 году обозначила стратегию развития экономики, через поддержку предпринимателей.

В последующем в качестве эксперимента, был введен налог на профессиональный доход, который в своём роде является специальным налоговым режимом для самозанятых граждан, можно стать пользователем такого режима с 2019 года.

Специальным налоговым режимом могут пользоваться как физические лица, так и индивидуальные предприниматели. Самозанятые получают доход от самостоятельного ведения деятельности или пользованием имуществом. Так же, при ведении данной деятельности у самозанятых не имеется работодателя, с которыми заключен трудовой договор.

Термин «самозанятость» употребляется в широком и узком значениях. В широком к самозанятым относятся все самостоятельно занимающиеся приносящей доход деятельностью граждане, в том числе ИП, адвокаты, нотариусы, иные занимающиеся частной практикой лица (п. 2.2 Определения Конституционного Суда РФ от 29 мая 2014 г. № 1116-О, п. 3.18 ГОСТ 12.0.004-2015, письмо ФНС от 7 февраля 2013 г. № 218/06-06, письмо Минфина России от 9 февраля 2011 г. № 03-04-08/8-23). Однако принимаемые в последнее время законодательные акты свидетельствуют о сужении понятия «самозанятость». В узком значе-

нии оно относится к гражданам, которые осуществляют приносящую доход деятельность и при этом не зарегистрированы в качестве ИП. Зачастую такие лица оказывают услуги другим физическим лицам для личных, домашних и иных подобных нужд, например, занимаются репетиторством, осуществляют присмотр и уход за детьми, больными, стариками, оказывают помощь по уборке и ведению домашнего хозяйства. На наших глазах происходит оформление самозанятых в особую категорию участников гражданского оборота с особым режимом налогообложения [4].

Отличие физических лиц (самозанятых) от индивидуальных предпринимателей

В письме Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 3 марта 2020 г. №19-1/В-87 [3], раскрывается термин самозанятые, из которого следует, что сущность понятия «самозанятость» содержится в стратегии развития малого и среднего предпринимательства в РФ на период до 2030 г., утверждённой распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 июня 2016 года №1083-р. Из данного письма, следует, что, «самозанятый гражданин», как субъект, осуществляет приносящую доход деятельность, и не зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя. Можно сделать вывод что понятия "предпринимательство" и "самозанятость" по сути являются однокоренными понятиями, суть которых является деятельность, приносящая прибыль, но различаются они по признаку формальной легализации.

Государственная регистрация физического лица в качестве индивидуального предпринимателя осуществляется в специальном уполномоченном налоговом органе, по месту жительства гражданина, в то время как регистрация самозанятого гражданина осуществляется в упрощённой форме, через кабинет налогоплательщика на сайте ФНС России, через приложение «Мой налог», в уполномоченных банках, и через единый портал государственных услуг. Из этого следует что индивидуальные предприниматели имеют государ-

ственную регистрацию, а самозанятые граждане – не имеют.

Отличие индивидуальных предпринимателей и физических лиц, пользующихся данным налоговым режимом, заключается в размере налоговой ставки, так например, в статье 10 ФЗ от 27.11.2018 N 422-ФЗ «о проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "налог на профессиональный доход"», установлены налоговые ставки, в размерах, 4% для физических лиц, и 6% для индивидуальных предпринимателей. Так же стоит отметить, тот факт, что, лица, которые зарегистрированы в качестве индивидуальных предпринимателей пользующиеся налогом на профессиональный доход, в отличии от физических лиц, при превышении годового лимита в 2,4 млн рублей, могут сменить налоговый режим, пользуясь льготным переходом на упрощенную систему налогообложения. В случае же с физическим лицом, которое превысило годовой лимит, оно лишается статуса налога на профессиональную деятельность, и должно будет уплатить 13% НДФЛ, согласно ст.ст. 4-5 ФЗ от 27.11.2018 N 422-ФЗ «о проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «налог на профессиональный доход»».

Подсудность споров с самозанятыми

Согласно пункту 2 статье 27 АПК РФ, арбитражные суды разрешают экономические споры и рассматривают иные дела с участием организаций, являющихся юридическими лицами, граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица и имеющих статус индивидуального предпринимателя, приобретенный в установленном законом порядке, а в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом и иными федеральными законами, с участием Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц, образований, не имеющих статуса юридического лица, и граждан, не имеющих статуса индивидуального предпринимателя.

Поскольку самозанятые являются физическими лицами, не имеющие государственную регистрацию, то споры, возникающие с самозанятыми гражданами, будет подсуден суду общей юрисдикции. Так, согласно п. 1 ст. 2 гражданского кодекса Российской Федерации лица, осуществляющие деятельность без государственной регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей, субъектами предпринимательской деятельности не являются.

Так же, согласно 5 абзацу п.13 постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 01.07.1996 № 6/8 (ред. от 25.12.2018) «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», из которого следует, что, с момента прекращения действия государственной регистрации гражданина в качестве индивидуального предпринимателя, в частности, в связи с истечением срока действия свидетельства о государственной регистрации, аннулированием государственной регистрации и т.п., дела с участием указанных граждан, в том числе и связанные с осуществлявшейся ими ранее предпринимательской дея-

тельностью, подведомственны судам общей юрисдикции, за исключением случаев, когда такие дела были приняты к производству арбитражным судом с соблюдением правил о подведомственности до наступления указанных выше обстоятельств.

И так как законодатель не отождествляет понятия «предпринимательской деятельности» и «самозанятости», рассмотрение споров в арбитражном суде с участием самозанятых граждан исключается, в связи с отсутствием статуса ИП.

Вывод. Таким образом, можно сделать вывод что самозанятые граждане не могут быть субъектами споров в арбитражном процессе поскольку, самозанятые граждане, являются физическими лицами. Однако у них так же остается возможность участвовать в делах по неисковым видам судопроизводства, например в делах о признании несостоятельности (банкротстве).

Так как для Российской Федерации, данное налоговое положение является экспериментальным, оно в будущем будет дорабатываться, и вероятно самозанятые граждане получают совершенно новый правовой статус.

Библиографический список

1. Федеральный закон "О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход" от 27.11.2018 N 422-ФЗ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311977/.
2. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации письмо от 3 марта 2020 г. N 16-1/в-87. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=QUEST&n=194923#3C7BJMTcBbFgoV331>.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 07.10.2022) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/334eaef4a9ed4e58a07ae556a5e2364cbf2c7653/.
4. Макарова Л.А., Невзгодина Е.Л. Правовой статус самозанятых граждан // Вестник ОмГУ. Серия. Право. – 2021. – №4.
5. Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" от 26.10.2002 N 127-ФЗ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/.
6. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 июня 2016 года №1083-р. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199462/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2.

SELF-EMPLOYED STATUS IN THE ARBITRATION PROCESS

A.V. Ganeeva, *Student*

Supervisor: *M.S. Arutyunyan, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*

Bashkir State University

(Russia, Ufa)

***Abstract.** The relevance of this topic is associated with the emergence of a new status for individuals. In connection with obtaining the opportunity to carry out entrepreneurial activity, there is a problem of determining the status of the self-employed in the arbitration process. The purpose of the study is to identify problems that have arisen in connection with the participation in arbitration proceedings of such categories as the self-employed. The author defines the features of the procedural status. Formulates proposals and conclusions aimed at improving legislation in this area.*

***Keywords:** self-employed citizens, arbitration process, professional income tax, individual entrepreneurs, individuals, legal entities.*

ЭТИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОБЫСКА

Э.М. Гизатуллин, магистрант

Научный руководитель: А.Н. Халиков, д-р юрид. наук, профессор
Уфимский университет науки и технологий
(Россия, г. Уфа)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-89-92

Аннотация. В данной статье рассматриваются этические и психологические особенности производства такого следственного действия, как обыск. Обыск является наиболее эффективным средством обнаружения и изъятия предметов и документов, относящихся к совершенному преступлению, а также следов преступления. В этой связи, актуальным становится вопрос об эффективности его проведения, а также о сохранении морального облика обыскиваемого лица среди его близкого окружения. Автором исследованы этические и психологические особенности производства обыска. С целью эффективного производства данного следственного действия автором даны рекомендации по разработке методики производства обыска в части соблюдения этических и психологических особенностей.

Ключевые слова: следственные действия; обыск; особенности производства обыска; этика обыска; психология обыска.

Этика является философской наукой о нравственности, которая исследует конечную цель жизни человека и его поведение, а также направляет его на достижение поставленной им перед собой цели либо ведет к отклонению от нее [6].

В научный обиход термин «этика» введен Аристотелем и восходит к греческому слову «ethos» – обычай, характер, означающий способ бытия, единое уложение, порядок везде и всюду, в том числе в существовании человека, в его жизни, в его доме [5].

Полагаем, что под нравственностью необходимо понимать совокупность общественных принципов, привычек и норм, которые регулируют отношения между людьми в обществе, но оценивают их исключительно с точки зрения добра и зла.

В контексте данного исследования представляется целесообразным выявить этические и психологические особенности производства обыска и проанализировать их. Для начала необходимо дать определение обыска.

Так, обыск является неотъемлемым следственным действием при расследовании практически каждого уголовного дела. Сущность его заключается в поиске и об-

наружении предметов, имеющих отношение к совершенному преступлению, а также характеризующих личность преступника.

В свою очередь, М.Ю. Жирова и С.В. Кондратюк дают следующее определение обыска: «это комплекс познавательных и удостоверительных операций, осуществляемых в ходе принудительного обследования любых мест, а также физических лиц с целью обнаружения и изъятия орудий преступления, предметов, документов и ценностей, которые могут иметь значение для дела, а также для обнаружения разыскиваемых лиц и трупов» [4].

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что указанное следственное действие производится лицом, осуществляющим предварительное расследование, в принудительном порядке независимо от воли обыскиваемого лица.

Стоит отметить, что производство любого следственного или иного процессуального действия требует от следователя тщательной подготовки и особенного внимания. Также большое значение имеет соблюдение этических и психологических основ производства таких действий, так как от этого зависит и их эффективность.

В деятельности следователя важным фактором является не только знание и неукоснительное соблюдение законодательства, но и знание и соблюдение требований этики и этикета. Следователь должен быть образцом морали и нравственности. Без данных качеств выполнение поставленных перед ним задач не представляется возможным.

Из изложенного необходимо определить задачи этики при производстве обыска. Так, главными задачами являются следующие:

- законность при производстве обыска;
- соблюдение прав и свобод личности;
- недопущение унижения чести и достоинства обыскиваемого производством обыска.

Исходя из анализа данных задач, можно сделать вывод об имеющихся этических проблемах производства обыска. В качестве первой проблемы этики необходимо указать нарушение законности при производстве обыска.

Так, при производстве обыска следователем должны строго соблюдаться процессуальные нормы, установленные законом, так как они, в частности, являются гарантом соблюдения этических норм.

Из анализа правоприменительной практики следует, что лицами, производящими расследование, не всегда соблюдаются таковые. В частности, следователем Главного следственного управления Следственного комитета РФ было вынесено постановление о проведении обыска в жилище подозреваемого. По прибытии на место обыска, лицо, в жилище которого он должен был производиться, показало удостоверение адвоката и документы о праве собственности на жилище. Однако, следователь произвел обыск на основании своего постановления, а не судебного решения, при этом, не допустил к участию в следственном действии собственника жилого помещения [3].

Сущность второй проблемы заключается в соотношении задачи этики по соблюдению прав и свобод личности при производстве обыска и их фактическому законодательному нарушению.

Конституцией РФ гарантировано, что жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц (ст. 25) [1].

В то же время, статья 12 Уголовно-процессуального кодекса РФ предусматривает возможность ограничения права на неприкосновенность жилища путем производства обыска в жилище. Такое ограничение допустимо только на основании судебного решения, за исключением установленных законом случаев [2].

Таким образом, учитывая данные законодательные формулировки, стоит отметить, что нормы законодательства в некоторой части противоречат нормам этики, однако, следователь, действуя в рамках закона, должен предпринимать все меры, направленные на соблюдение иных прав и интересов обыскиваемого, помимо нарушенного.

Недопущение унижения чести и достоинства обыскиваемого как задача этики обыска также имеет ряд проблемных моментов. В большей степени это касается вопросов о том, что следователь не вправе при производстве обыска оглашать подробности личной жизни обыскиваемого, не относящиеся к материалам дела, а также привлекать в качестве понятых знакомых и соседей обыскиваемого, так как, вне зависимости от результатов обыска, само его производство оставляет отпечаток на его репутации.

Наука о психической жизни и деятельности человека, изучающая ощущение и восприятие, запоминание и мышление, чувства и волю, свойства личности с индивидуальными особенностями, темперамент, характер, возраст, склонности не может не иметь самого прямого отношения к раскрытию и расследованию преступлений.

В связи с этим психологическая культура следователя складывается из комплекса психологических знаний, включающего психологию личности и деятельности, психологию юридического труда и психологические характеристики отдельных юридических профессий, навыки и приемы использования этих знаний в профес-

сиональных ситуациях в процессе общения.

Психологическая направленность деятельности следователя при обыске состоит в поиске специально скрывааемых материальных объектов, имеющих доказательственное значение в условиях контактного взаимодействия противоборствующих сторон. При этом каждая сторона стремится лучше узнать стратегию поведения другой, избежать самой каких-либо демаскирующих проявлений и повлиять на ход деятельности другой стороны.

Отсюда следует, что задачами психологии при производстве обыска являются такие, как:

- своевременное выявление и пресечение манипуляции обыскиваемого лица;
- улавливание и реагирование на психологические реакции обыскиваемого в целях отыскания предметов, имеющих отношение к уголовному делу;
- контроль за направлением внимания участников следственной группы.

Из вышеуказанных задач также следуют некоторые проблемные аспекты.

Во-первых, своевременное выявление и пресечение манипуляций обыскиваемого лица в ходе обыска, а также улавливание и реагирование на психологические реакции обыскиваемого не всегда возможно. Данная проблематика обусловлена тем, что внимание следователя более сосредоточено на поиске интересующих следствие объектов.

Во-вторых, контроль за направлением внимания участников следственной группы также должен осуществляться следователем во время обыска, что, в свою очередь, осложняет его деятельность. Такой контроль осуществляется следователем, так как при непосредственном производстве поисковых мероприятий уровень внимания обыскивающих со временем снижается, вследствие чего они могут упустить места возможного сокрытия искомых предметов или же сами предметы, относящиеся к расследованию.

Кроме того, проблема здесь заключается в том, что у следователя и иных участников следственной группы, производящих обыск, должна быть выработана своя

тактика общения, которую бы не понимали окружающие – обыскиваемый, понятые. Так, следователь может незаметно для остальных сообщить или указать обыскиваемому место, оставленное неосмотренным, или на предмет, по мнению следователя, имеющий значение для дела.

Таким образом, при производстве такого следственного действия, как обыск, лицу, производящему предварительное расследование, необходимо соблюдать этические нормы, а также учитывать психологические особенности лица, в отношении которого производится обыск, и вовремя распознавать различные манипуляции с его стороны.

На основании проведенного исследования, необходимо сделать вывод о том, что в области этических и психологических особенностей производства обыска имеется ряд проблемных моментов, которые требуют разрешения.

Так, существуют проблемы соотношения норм этики с процессуальными нормами производства обыска. В частности, этические нормы с точки зрения «хорошо-плохо» не позволяют вторгаться в жилище без разрешения проживающих в нем лиц. В то же время, нормы права указывают, что неприкосновенность жилища может быть нарушена в случаях, предусмотренных законом.

В данном случае следователю надлежит руководствоваться и правовыми и этическими нормами. По нашему мнению, эти нормы должны компенсировать друг друга со стороны «большее и меньшее зло». Так, производство обыска хоть и нарушает право личности на неприкосновенность жилища, но без его проведения будет нарушено еще большее количество прав и интересов лица, потерпевшего от совершения преступления.

В этой связи, на наш взгляд, необходимо разработать определенные рекомендации для лиц, производящих предварительное расследование, в целях эффективного проведения такого следственного действия, как обыск, и соблюдения норм этики и морали при его проведении.

Кроме того, полагаем необходимым при производстве обыска прибегать к помощи

психолога, привлекая его к участию в процессуальном действии в качестве специалиста. Благодаря этому можно достичь снижения рисков совершения следователем ошибок при составлении процессу-

альных документов, а также увеличить эффективность обыска путем распознавания психологом реакции обыскиваемого на приближение к тем или иным предметам в помещении.

Библиографический список

1. Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 19.12.2022).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 5 декабря 2022 г. № 476-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 19.12.2022).

3. Постановление Бабушкинского районного суда г. Москвы от 13 августа 2020 г. по делу № 3/12-0460/2020 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mosgorsud.ru/rs/babushkinskij/services/cases/criminal-materials/details/e679> (дата обращения 19.12.2022).

4. Жирова М.Ю., Кондратюк С.В. Недостатки процессуальной регламентации производства обыска в свете обеспечения защиты прав и свобод человека // Гуманитарные Балканские исследования. – 2019. – Т. 3. №4 (6). – С. 94-97.

5. Никитина В.Ю. Большой словарь иностранных слов. Современная лексика. – М.: Интеллект-Книга, 2021. – 896 с.

6. Суденко В.Е., Абдулмеджидова Д.Х. Этические вопросы при производстве следственных действий // Транспортное право и безопасность. – 2018. – №1 (25). – С. 33-40.

ETHICAL AND PSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE SEARCH

E.M. Gizatullin, Graduate Student

Supervisor: A.N. Khalikov, Doctor of Legal Sciences, professor

Ufa University of Science and Technology

(Russia, Ufa)

Abstract. This article discusses the ethical and psychological features of the production of such an investigative action as a search. A search is the most effective means of detecting and seizing objects and documents related to the committed crime, as well as traces of the crime. In this regard, the question of the effectiveness of its conduct, as well as the preservation of the moral character of the searched person among his close circle, becomes relevant. The author investigated the ethical and psychological features of the search. In order to effectively carry out this investigative action, the author gives recommendations on the development of a search procedure in terms of compliance with ethical and psychological characteristics.

Keywords: investigative actions; search; features of the search; ethics of the search; psychology of the search.

КОРРУПЦИЯ КАК ФАКТОР, СНИЖАЮЩИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

А.М. Гилязетдинов, магистрант
Уфимский университет науки и технологий
(Россия, г. Уфа)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-93-95

***Аннотация.** Автор статьи рассматривает коррупцию как фактор снижения профессиональной эффективности государственных служащих, отмечает сложность отслеживания коррупционных составляющих в работе служащих среднего и высшего звена. В работе сформулированы способы борьбы с коррупцией в системе государственного и муниципального управления.*

***Ключевые слова:** государственная служба, государственный служащий, коррупция, профессиональная эффективность, мотивация.*

Федеральным законом от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» был закреплен принцип профессионализма и компетентности государственных служащих [1]. Еще в 2009 году в своем Указе Президент Российской Федерации отмечал, что разработка и внедрение механизмов, обеспечивающих результативность государственной службы, является приоритетной задачей государства [2].

Законодательство регламентирует достаточно широкое толкование термина «коррупция». Под коррупцией понимается злоупотребление служебными полномочиями, использование своего положения противозаконным способом в корыстных интересах [3].

Коррупция создает реальную проблему эффективности работы государственных служащих. Распространенность коррупции в работе служащих среднего и высшего звена наиболее опасна, ведь она приобретает системность. Сама по себе коррупция является весьма опасным фактором снижения эффективности государственной службы, т.к. она нарушает правопорядок в стране, снижает авторитет государственной власти в обществе, вызывает негативный настрой у граждан к государственным структурам.

Согласимся, что высокопрофессиональные и морально-этические качества служащего являются залогом его успешной

деятельности, фактором профессиональной эффективности. Необходимо поддерживать данные ценности. Необходимо создать мотивацию к карьерному росту, профессиональному развитию, в идеале повышение по должности должно быть раз в 4-5 лет. Ведь «засидевшийся» на месте сотрудник может просто начать пользоваться своим положением и зарабатывать на этом незаконные средства.

Государственные служащие, осуществляющие коррупционную деятельность, при выполнении своих должностных полномочий ленятся, не заинтересованы в результатах своей работы, ведь их основной доход заключается в коррупционных финансовых притоках. Профессиональная эффективность государственных служащих снижается также и из-за того, что коррумпированные лица уже не заинтересованы повышать свою квалификацию, не заинтересованы совершенствовать свои знания и умения для работы. Государственные служащие, занимающиеся коррупцией, также негативно влияют на своих подчиненных.

Стоит согласиться с Ю.А. Корниленко, что коррупция способствует необоснованному увеличению объема прав и свобод одних граждан перед другими и, таким образом, нарушается равенство каждого перед законом. Происходит несправедливое распределение материальных благ и ценностей. Блага сосредотачиваются в руках небольшой группы лиц. Такая дискрими-

нация вызывает недоверие граждан к государству, закону, к государственным и муниципальным служащим, ко всей политической системе» [4, с. 206].

В январе-сентябре 2022 года показатель коррупции госслужащими составлял 1,1%. За аналогичный период 2021 года этот показатель был 1% [5]. Причины коррупции различны:

- экономические (кризис, инфляция, нехватка денег);
- политические;
- социальные и т.д. [6, с. 137].

Одной из причин коррупции исследователи называют несовершенство законодательства, принятие норм, в которых существует коррупционный риск. Новые законы принимаются и недостаточно проверяются на наличие в них коррупционных факторов. Все осложняется тем, что в условиях развития современных информационных технологий, используются новые способы проведения коррупционных операций. Поэтому уже действующие законы должны проходить антикоррупционную экспертизу для снижения коррупционных рисков. А новые законы необходимо проверять более тщательно на коррупционную составляющую.

Нормы, устанавливающие для государственных служащих необоснованно широкие пределы рассмотрения тех или иных вопросов, а также возможность применения при решении вопросов исключений из общих правил создают условия для развития коррупции. Нормы, которые содержат трудновыполнимые и обременительные условия для граждан и организаций также создают условия для проведения коррупционных сделок.

Для эффективной борьбы с коррупцией необходимо установить и обратную связь

с представителями общественности. Ведь именно общественное мнение о качестве работы государственных служащих является основанием для объективной оценки их работы.

Достаточно часто коррупционные схемы используются при проведении госзакупок. Цена поставляемых материалов или товаров искусственно завышается. Именно поэтому следует усилить контроль и использовать новые методы контроля за расходованием бюджетных средств по государственным закупкам. Для этого следует чаще проверять рыночные цены, цены оптовых производителей при закупках в государственных/муниципальных учреждениях, чтобы исключить вероятность закупки по заведомо завышенным ценам у конкретных производителей за «вознаграждение/откат».

Согласимся, что следует законодательно снизить социальный статус коррупционеров [7, с. 93]. Так, например, виновные в коррупции лица должны утратить право на получение особого пенсионного обеспечения. А занимать некоторые должности, в которых может коррупция возобновиться, необходимо запретить таким лицам пожизненно.

Коррупция и ее безнаказанность опасны, т.к. это противоречит смыслу самой деятельности государственных служащих по поддержанию законности и правопорядка в стране. Поэтому нельзя рассматривать это явление как норму. Необходимо при обучении будущих государственных служащих в университете, наряду с формированием у них профессиональных компетенций, обращать внимание на формирование у них таких качеств как: гражданственность, патриотизм, служение своей стране [8, с. 410].

Библиографический список

1. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (с посл. изм. и доп. от 7 октября 2022 г. № 379-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.10.2022).

2. Указ Президента РФ от 10 марта 2009 г. № 261 (с посл. изм. и доп. от 10 августа 2012 г.) «О федеральной программе «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009-2013 годы)» // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.10.2022).

3. Федеральный закон от 5 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (с посл. изм. и доп. от 7 октября 2022 г. № 379-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.10.2022).

4. Корниленко, Ю.А. Коррупция в статистике современной России // Молодой ученый. 2017. № 46 (180). – С. 203-205.

5. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-сентябрь 2022 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/33388812/> (дата обращения: 5.11.2022).

6. Сидоркина, О.А. К вопросу о причинах коррупции в системе государственной гражданской службы // Молодой ученый. – 2019. – № 40 (278). – С. 137-139.

7. Бурда, М.А. Антикоррупционная политика современной России: особенности формирования новых подходов государственного управления / М.А. Бурда, М.М. Иванова // PolitBook. – 2019. – № 2. – С. 83-96.

8. Юлдашева, О.Н. Высшее образование для молодежи: проблемы и перспективы // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Жизненные ресурсы региона: социально-демографические проблемы современного общества» (Аитовские чтения). – 2015. – С. 409-411.

CORRUPTION AS A FACTOR AFFECTING THE PROFESSIONAL EFFICIENCY OF CIVIL SERVANTS

A.M. Gilyazetdinov, *Graduate Student*
Ufa University of Science and Technology
(Russia, Ufa)

***Abstract.** The author of the article considers corruption as a factor in reducing the professional efficiency of civil servants, notes the difficulty of tracking corruption components in the work of middle and senior level employees. The paper formulates ways to combat corruption in the system of state and municipal administration.*

***Keywords:** civil service, civil servant, corruption, professional efficiency, motivation.*

ЕВРЕЙСКАЯ АВТОНОМНАЯ ОБЛАСТЬ КАК СУБЪЕКТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИСТОРИЯ, ПРАВОВОЙ СТАТУС, БУДУЩЕЕ

И.М. Денисов, студент

М.И. Лещинский, студент

Е.А. Марченкова, студент

**Научный руководитель: Е.А. Магомедова, канд. юрид. наук, доцент
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
(Россия, г. Калуга)**

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-96-98

Аннотация. Автономная область – особый вид субъекта в составе Российской Федерации. В работе исследуется исторический вопрос создания такого вида административно-территориальной единицы, поднимается вопрос о необходимости сохранения такого вида субъектов и законодательных препятствиях гипотетического изменения их статуса.

Ключевые слова: автономная область, субъект Федерации, федерализм, Еврейская автономная область, конституционализм.

Российская Федерация, согласно ст. 1 её Конституции, является федеративным государством. И как любая федерация, она обладает множеством административно-территориальных образований (субъектов) в своём составе. Статья 5 Конституции провозглашает наличие 6 видов субъектов Российской Федерации – республик, краёв, областей, городов федерального значения, автономных округов и автономной области. Автономная область, на сегодняшний день сохранившаяся в единственном числе, представляет собой особый вид административно-территориального образования.

Исторически, их создание было обосновано необходимостью предоставления автономии народам, проживавшим (например, Чукотская АО) или переселявшимся (Еврейская АО) на определённые территории. Автономные области при этом, обладали гораздо меньшей автономией, чем республики. Шармоянц А.М. отмечает, что республики по советскому законодательству фактически являлись окологосударственными образованиями, то есть неким подобием государства внутри государства: «К органам власти автономной области Конституция относилась только съезд Советов, ЦИК и Президиум ЦИК, в то время как автономная республика, представляя собой квазигосударственное образование,

обладала высшими органами «государственной» власти, которые состояли из съезда Советов республики, ЦИКа, Президиума ЦИК, Совета народных комиссаров, народных комиссариатов...» [1]. Особого внимания требует необходимость обозначить то, что в советское время все создаваемые автономные области включались в состав краевых объединений. Это позволяет говорить об их особом статусе в составе государства, поскольку несмотря на то, что они являлись отдельной административно-территориальной единицей, они были включены в состав другой, более крупной единицы (так, например, Еврейская АО была включена в состав Хабаровского края, Адыгейская АО – в состав Краснодарского края, и так далее). В современной России аналогию данной структуре можно провести на примере автономных округов – некоторые из них включены в состав областей или краёв, как например входящие в состав Тюменской области Ханты-Мансийский автономный округ – Югра и Ямало-Ненецкий автономный округ, которые при этом являются равноправными субъектами Российской Федерации и отдельными административно-территориальными единицами [2].

Еврейская автономная область в составе Российской Федерации – последний субъект такого вида. Остальные автономные

области были преобразованы в другие виды субъектов Федерации, например Адыгейская АО – в Республику Адыгея, Карачаево-Черкесская АО – в Карачаево-Черкесскую Республику. При этом, сохранив своё название, Еврейская АО потеряла отличающий данный вид субъекта статус, поскольку была выведена из состава Хабаровского края, и стала полноценным, независимым от других регионов равноправным субъектом Российской Федерации.

Правовой статус данного региона вызывает полемику в научных и политических кругах. Споры обусловлены вопросом необходимости сохранения данной автономии. Сокращение и так небольшого еврейского населения (16,2% в 1939 году, 5,5% в 1979 году, 4,1% в 1989 году и всего 1% к 2010 году [3]), связанное с массовой репатриацией в государство Израиль и общей неудовлетворительной экономической ситуацией в регионе, приводит к появлению предложений о необходимости изменения правового статуса Еврейской АО. В разное время высказывались предложения о ее полной ликвидации (с включением в состав Хабаровского края или Амурской области [4]), либо изменением вида данного субъекта: преобразованием в область или край. При этом, местное население, СМИ региона, не видят необходимости изменения его правового статуса, отмечается, что Хабаровский край и Амурская область не имеют самостоятельного бюджета, и присоединение ЕАО к любой из них не позволит кардинально изменить, или каким-либо образом улучшить экономическую ситуацию в регионах, а еврейское население при этом потеряет часть преференций, которые на данный момент обусловлены автономией региона [5].

Однако, как отмечают А.А. Кондрашев [6, с. 102] и С.А. Авакьян [7, с. 31], изменение статуса автономной области в данный момент представля-

ется невозможным, поскольку существование данного региона закреплено в ст. 5 Конституции РФ, внесение изменений в которую возможно только путем принятия новой Конституции. Принятие новой Конституции государства и вызванные этим кардинальные изменения в состоянии правовой системы РФ, ради изменения статуса одного субъекта не представляется необходимым, учитывая ранее упомянутое отношение к данным изменениям в самом субъекте. Фактически, сохранение статуса данного региона, который не был преобразован в республику по примеру других автономных областей, привело к появлению серьёзной правовой коллизии, решение которой невозможно без совершения таких значительных действий правового характера как изменение Конституции. К тому же даже гипотетическое изменение статуса данного субъекта, например его включение в состав других субъектов, потребует значительных финансовых вложений со стороны федерального бюджета и бюджетов регионов, поскольку потребуется полное изменение системы государственной власти в присоединяющем субъекте.

Таким образом, сохранение автономной области в составе РФ вызвано как историко-культурными и территориальными аспектами, так и общей правовой неопределённостью данного вопроса. Поскольку его решение требует значительных усилий со стороны государства, финансовых вложений (что затруднительно в текущей кризисной экономической ситуации), обоснованным представляется сохранение данного субъекта с учетом особенностей его построения, существования и развития как социального и исторического феномена мирового (так как Еврейская АО является исторически первым еврейским административно-территориальным образованием с официальным юридическим статусом и одним из двух в мире, наряду с Израилем) масштаба.

Библиографический список

1. Шармоянц А.Н. Становление автономных областей как субъектов нормотворческой деятельности в советский период // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2015. – №3.

2. Устав Тюменской области от 30 июня 1995 года №6 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/802032260> (дата обращения: 30.11.2022).

3. Еврейская область без евреев. Как создавался «Израиль на Дальнем Востоке» // Аргументы и факты. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://aif.ru/society/history/evreyskaya_oblast_bez_evreev_kak_sozdavalsya_izrail_na_dalнем_vostoke (дата обращения: 30.11.2022).

4. Виктор Ишаев предлагает объединить Камчатку с Корякией и Приморьем, Якутию с Магаданской областью и Чукоткой // PrimaMedia.ru. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://primamedia.ru/news/13160/> (дата обращения: 30.11.2022).

5. "Анахронизм" или "уникальная и развивающаяся автономия"? // Агентство еврейских новостей. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://web.archive.org/web/20150216151617/http://www.aen.ru/?page=brief&article_id=72836 (дата обращения: 30.11.2022).

6. Кондрашев А.А. Правовые проблемы совершенствования государственно-территориального устройства России // Российский юридический журнал. – 2008. – №2 (59). – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/442209> (дата обращения: 30.11.2022).

7. Авакьян С.А. Изменение статуса субъекта РФ: проблемы и пути их решения // Вестник МГУ. Серия 11. Право. – 2003. – №1. – С. 31.

THE JEWISH AUTONOMOUS REGION AS A SUBJECT OF THE RUSSIAN FEDERATION: HISTORY, LEGAL STATUS, FUTURE

I.M. Denisov, *Student*

M.I. Leschinskiy, *Student*

E.A. Marchenkova, *Student*

Supervisor: *E.A. Magomedova, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*

**Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky
(Russia, Kaluga)**

Abstract. *An autonomous region is a special type of entity within the Russian Federation. The article examines the historical issue of the creation of this type of administrative-territorial unit, raises the question of the need to preserve this type of subjects and legislative obstacles to a hypothetical change in their status.*

Keywords: *autonomous region, federal subject, federalism, Jewish Autonomous Region, constitutionalism.*

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ СЕРИЙНОГО УБИЙЦЫ И ЕЕ ВЗАИМОСВЯЗЬ С ЛИЧНОСТЬЮ ЖЕРТВЫ

Д.Е. Дроздов, канд. юрид. наук, доцент

И.В. Грачева, студент

Е.А. Марченкова, студент

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
(Россия, г. Калуга)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-99-101

Аннотация. Личность лица, совершившего преступления, имеет важное криминалистическое значение. Личность серийного убийцы исследуется криминалистами с не меньшей заинтересованностью, так как серийные преступления отличаются повышенной степенью общественной опасности. Психологическая сторона серийных убийств включает в себя взаимосвязь личности убийцы с личностью жертвы. Авторы данной работы исследуют особенности личности серийного убийцы и обращают внимание на то, что исследование жертвы серийного преступления может быть основой для формирования личностного портрета самого убийцы.

Ключевые слова: преступность, криминалистика, личность преступника, серийные преступления, жертва преступления.

Серийные убийства характеризуются чрезмерной жестокостью совершения, поскольку применяемое преступником насилие, причинение страданий и мучений им рассматривается в качестве необходимого способа самоутверждения либо процесса, приносящего убийце удовольствие. Для того, чтобы успешно выявлять и раскрывать серийные убийства, важно понимать особенности личности серийного убийцы, поскольку ей обусловлены аспекты совершаемых деяний, начиная от выбора жертвы преступлений и вплоть до определения способа их совершения.

Анализируя криминалистические особенности преступлений данного вида, следует отметить значительную сложность при их выявлении и расследовании. Это объясняется во многом тем, что не во всех случаях у серийного убийцы совпадает почерк совершения преступления, а также в недостаточной подготовленности правоохранительных органов для расследования таких преступлений [1, с. 142]. Личность серийного убийцы можно охарактеризовать как совокупность негативных и социально-значимых качеств человека, которые в сочетании с внешними обстоятельствами (ситуацией) привели его к совершению преступления.

Для серийных преступников свойственна закрытость и незначительная ригидность мыслей и поведенческих реакций. Личность серийного убийцы формируется еще с раннего детства, и на практике большая часть таких преступников воспитывалась в неблагополучных семьях – они в большинстве случаев претерпевали насилие со стороны взрослых членов семьи [2, с. 214].

В теории криминалистики выделяются следующие характерные качества личности серийного убийцы:

- высокоразвитый интеллект;
- способность к самоконтролю в обществе;
- социопатия;
- способность производить благоприятное впечатление о своей личности.

Совершая преступления, серийные убийцы персонализируют жертв и выдерживают их внешний образ. Убийства планируются заранее, детали совершения тщательно продумываются – преступник заранее знает, как и где будет совершать деяние, каким образом скроет улики и как обеспечить себе алиби. Серийные убийцы не убивают своих жертв мгновенно, они воплощают в реальность свои фантазии, имея при этом различные мотивы. Иногда

жертвы погибают во время истязаний, в иных случаях преступники изначально преследуют цель лишить жертву жизни. Серийные убийцы почти во всех случаях эффективно устраняют улики, указывающие на их виновность в совершении преступления. Нередко трупы жертв расчленяются и части тела скрываются в определенных местах. Серийные убийцы могут возвращаться на место совершения преступления либо в целях освежения воспоминаний о содеянном, либо для применения насилия к останкам. Интересно отношение некоторых преступников такого типа к органам следствия: они испытывают уважение к интеллектуальному труду следователя, допросы становятся для них в своем роде игрой [3, с. 173].

Анализируя особенности криминалистической характеристики личности серийного убийцы, представляется важным проанализировать ее взаимосвязь с личностью жертвы, поскольку жертвой такого преступника не становятся случайно даже в тех случаях, если преступления изначально носило спонтанный характер и не было спланировано. Исследователи отмечают, что виктимность жертвы серийного убийства напрямую связана с особенностями личности самого серийного убийцы [4, с. 12].

Жертвами серийных убийств за всю мировую историю становились люди самого разного социального статуса, обоих полов, всех возрастов. Более того, жертвами одного и того же серийного убийцы могли быть самые разные люди; некоторые же убивали людей только одной определенной категории. В числе жертв серийных убийц встречаются как незнакомые преступнику люди, так и малознакомые и знакомые преступника, иногда потерпевшими могут оказаться родственники [5, с. 255].

Зачастую жертвами серийных убийц среди прочих становятся морально опустившиеся и деградировавшие личности, с

которыми преступнику наименее проблематично вступить в контакт. Иногда жертвы проявляют поведение, провоцирующее преступника, совершают неконтролируемые действия под воздействием каких-либо веществ. Важным обстоятельством, которое стимулирует серийного убийцу к совершению преступления, выступает то, что у таких лиц сильно ослаблены социальные связи. В результате исчезновение таких людей остается незамеченным, что используется преступником. В целом следует отметить, что в большинстве случаев жертвами серийных убийц становятся такие люди, которые не способны оказать какое-либо сопротивление – дети, молодые девушки, старики. Осуществляя выбор жертвы, серийный убийца мотивирован желанием ощутить власть над жертвой либо удовлетворить сексуальные потребности.

Характеризуя психологические особенности жертв, следует отметить, что их чаще всего отличает неуверенность в себе и низкая самооценка, блокирование собственных желаний и игнорирование своих потребностей в пользу интересов окружающих. В некоторых случаях такие черты проявляются в крайней степени, когда жертва даже не пытается противостоять преступнику, поскольку опасается причинить ему вред. Это приводит к тому, что жертва не может противодействовать убийце никаким образом, и потенциальный убийца заранее понимает это, что укрепляет его в преступных намерениях.

Сведения о жертве серийного убийства позволяют получить криминалистически значимую информацию о самом убийце, его морально-психологических характеристиках, образе жизни, возможном социальном статусе. При этом необходимо устанавливать связь между жертвой и преступником, и чем менее типичны способы и критерии выбора жертвы, тем больше выделяется личность преступника и круг подозреваемых лиц сужается.

Библиографический список

1. Полуянова, В.В. Личность серийного убийцы как элемент криминалистической характеристики преступлений // Научная дискуссия современной молодежи: актуальные вопросы, достижения и инновации: Сборник статей XII Международной научно-

практической конференции, Пенза, 23 декабря 2020 года. – Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2020. – С. 142-146.

2. Щукин, М. П. Криминалистическая характеристика серийного убийцы // Актуальные вопросы применения российского права: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Саранск, 28 июня 2021 года. – Саранск: Общество с ограниченной ответственностью «ЮрЭксПрактик», 2021. – С. 214-216.

3. Мирзоян, Г.А. Тактические особенности проведения допроса подозреваемого при расследовании преступлений, совершенных серийными убийцами / Г.А. Мирзоян, Е.А. Миронова // Уголовная ответственность и наказание – опыт России и зарубежных стран: сборник статей по материалам научно-практической конференции, г. Москва, 16 ноября 2018 года. Том 1. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2019. – С. 173-175.

4. Телешова, Л.В. Взаимосвязь особенностей личности серийного убийцы с выбором жертвы преступления // Виктимология. – 2016. – №2 (8). – С. 12-15.

5. Евсюткин, О.А. Криминологическая характеристика серийного убийцы и его жертвы // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. – 2015. – № 17. – С. 255-258.

CRIMINALISTIC CHARACTERIZATION OF THE SERIAL KILLER'S PERSONALITY AND ITS RELATIONSHIP WITH THE VICTIM'S PERSONALITY

D.E. Drozdov, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*

I.V. Gracheva, *Student*

E.A. Marchenkova, *Student*

**Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky
(Russia, Kaluga)**

***Abstract.** The identity of the person who committed the crimes is of great forensic importance. The identity of a serial killer is being investigated by criminologists with no less interest, since serial crimes are characterized by an increased degree of public danger. The psychological side of serial murders includes the relationship of the killer's personality with the victim's personality. The authors of this work investigate the personality characteristics of a serial killer and draw attention to the fact that the study of a victim of a serial crime can be the basis for the formation of a personal portrait of the killer himself.*

***Keywords:** crime, criminology, criminal identity, serial crimes, crime victim.*

ПРОЦЕДУРА МЕДИАЦИИ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ КОНФЛИКТОВ В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В.С. Дукач, студент

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина
(Россия, г. Краснодар)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-102-104

Аннотация. В статье рассматриваются основные черты примирительных процедур применяемых при регулировании споров. Исследуются особенности применения процедуры медиации в сфере интеллектуальной собственности. Выделяются основные преимущества применения процедуры в сравнении с разрешением споров в судебном порядке. Отражены основные причины низкого числа разрешенных споров путем обращения к процедуре медиации. Предложены пути решения данного вопроса.

Ключевые слова: процедура медиации, медиатор, стороны, интеллектуальная собственность, споры.

Статья 2 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) закрепляет задачи гражданского судопроизводства, среди которых можно выделить мирное урегулирование споров [1], под которым подразумевается применение примирительных процедур.

Примирительные процедуры обладают рядом особенных черт:

1) цель проведения примирительных процедур – самостоятельное и окончательное урегулирование спора сторонами, которое осуществляется под строгим контролем суда;

2) примирительных процедур основываются на принципах добровольности, сотрудничества, равноправия и конфиденциальности;

3) примирение сторон возможно на любой стадии судопроизводства, до вынесение судебного решения;

4) в рамках примирительной процедуры решаются вопросы, ставшие предметом исковых требований, а также судебные издержки;

5) результат примирительной процедуры рассматривается в судебном заседании и проверяется на соответствие закону;

6) результат примирения не должен нарушать права и свободы других лиц, заинтересованных в разрешении спора.

7) результатом примирительных процедур является достижение компромисса по

поводу возникшего спора, в отличии от судебного разбирательства [2].

Среди примирительных процедур следует выделить медиацию. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон) под медиацией понимает способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения [3].

Главной задачей медиатора является не только уговорить стороны разрешить спор во внесудебном порядке, но и оказать содействие в конструктивном разрешении их конфликта. Медиация является наиболее цивилизованным и выгодным путем, нежели разрешение спора в судебном порядке. Поскольку, разрешение конфликта в суде зачастую оканчивается тем, что судебное решение становится началом нового конфликта.

При рассмотрении данного института, следует выделить ряд преимуществ.

Во-первых, неоспоримым преимуществом медиации является широкая область применения. Практически все споры, за исключением уголовных, административных, ряда семейных (связанных с детьми), ряда трудовых (связанных с коллективными спорами) – можно разрешить с помощью медиации [4].

Во-вторых, можно выделить осознанное стремление сторон к компромиссу, поиску такого решения, которое устроит обе стороны конфликта, чего при разрешении спора в судебном порядке достичь действительно сложно.

В-третьих, медиатор выступая примирителем в устранении конфликта использует специальные техники, которые помогают снять стресс. При этом объясняет, что в достижении какого-то компромисса сторонам необходимо спокойно и трезво оценивать сложившуюся ситуацию. Данный подход экономит время и силы сторон и в то же время позволяет наладить партнерские отношения.

В-четвертых, процедура медиации позволяет решить конфликт быстрее, в отличие от рассмотрения спора в суде. Так, в соответствии со статьей 13 Закона медиатор и стороны должны принимать все возможные меры для того, чтобы указанная процедура была прекращена в срок не более чем в течение шестидесяти дней. Данный срок может быть продлен в исключительных случаях, но не должен превышать ста восьмидесяти дней. Таким образом, медиация может помочь сторонам договориться в более сжатые сроки.

В-пятых, процедура медиации экономит и денежные средства сторон, поскольку стоимость судебных издержек по многим спорам превышает расценки медиаторов.

И не менее важным преимуществом для сторон является конфиденциальность проводимой процедуры. Другими словами, информация, которая становится известна медиатору во время процедуры носит закрытый характер, за разглашение которой предусмотрена ответственность. Тогда как вынесенный судебный акт подлежит опу-

бликованию, что не может гарантировать конфиденциальность информации.

Однако, не смотря на ряд преимуществ, процедура медиации не отличается популярностью, в том числе при разрешении интеллектуальных споров.

Роль результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации в экономике и обществе постоянно растет, а вместе с этим растет оборот контрафактной продукции, объем и способы нарушений прав. Правообладатели отдают предпочтение суду, нежели примирительным процедурам по следующим причинам:

1. Отсутствие распространенной практики применения процедур медиации;
2. Высокая конфликтность и стремление лица, чье право нарушено, всеми способами привлечь к ответственности нарушителя;
3. Отсутствие желания лиц идти на компромисс;
4. Недоверие к институту медиации;
5. Недостаточный уровень квалификации медиаторов, для разрешения конфликта в сфере интеллектуальных собственности.

Таким образом, для увеличения количества обращений за помощью к медиаторам, и одновременно разгрузки судов, следует внести в статью 1248 Гражданского кодекса РФ пункт, который будет указывать на возможность урегулирования споров посредством применения процедуры медиации. А также закрепить в Федеральном законе «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» особые требования к медиаторам, которые разрешают споры в сфере интеллектуальной собственности, в том числе требования о повышении квалификации.

Библиографический список

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.
2. Саркисян, В.Г. К вопросу о понятии примирительных процедур в системе альтернативных способов разрешения споров // Аграрное и земельное право. – 2022. – №7 (211). – С. 149-152. – DOI 10.47643/1815-1329_2022_7_149. – EDN TVALSO.
3. Федеральный закон № 193-ФЗ от 27 июля 2010 г. «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. №31. ст. 4162.

4. Евсева, Т. Н. Разрешение конфликтов в сфере интеллектуальной собственности с использованием процедуры медиации / Т.Н. Евсева, Ю.А. Давыдова // Social Phenomena and Processes. – 2021. – №1. – С. 7-18.

THE PRINCIPLE OF TRUTH IN CIVIL AND ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

V.S. Dukach, *Student*

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin
(Russia, Krasnodar)

***Abstract.** The article discusses the main features of conciliation procedures. The features of the mediation procedure in the field of intellectual property are investigated. The main advantages of using the procedure in comparison with dispute resolution in court are highlighted. The main reasons for the low number of resolved disputes by resorting to mediation are reflected. The ways of solving this issue are proposed.*

***Keywords:** mediation procedure, mediator, parties, intellectual property, disputes.*

О САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ПРИНЦИПА АКТИВНОСТИ СУДА В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

О.В. Дулепина, бакалавр

А.И. Шумилов, бакалавр

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина
(Россия, г. Краснодар)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-105-109

***Аннотация.** Данная статья посвящена анализу правовой природы принципа активности суда в административном судопроизводстве Российской Федерации, причин и предпосылок образования вышеназванного принципа и проблематика его реализацию ввиду недостаточного законодательного закрепления. Состязательность и равноправие сторон административного судопроизводства при активной роли суда рассматриваются в контексте с родственным гражданско-процессуальным принципом состязательности сторон. Проведено изучение форм и видов проявления принципа активности суда в административном судопроизводстве. Производится оценка взаимозависимости и сочетания способности обеспечения принципа состязательности и равноправия сторон в административном судопроизводстве в совокупности с активной ролью суда при разрешении административного спора.*

***Ключевые слова:** активная роль суда, административное судопроизводство, принцип активности суда, принципы административного судопроизводства, принцип состязательности и равноправия сторон.*

Принцип состязательности сторон декларируется Конституцией Российской Федерации как стержневой, первостепенный принцип для всех форм российского судопроизводства. Таким образом, отражение этого конституционного положения встречается во всех отраслевых процессуальных кодексах, придающих принципу состязательности институциональные черты относительно конкретного вида процесса, в котором он закрепляется.

Юридическая природа принципа состязательности представляет собой следующее: суду подлежит только пассивное участие в рамках оказания необходимого содействия сторонам процесса в реализации их процессуальных полномочий и контроля за соблюдением правил производства, тогда как сами инициативные полномочия возлагаются исключительно на участников процесса.

Принятие Кодекса административного судопроизводства привнесло новые черты в отраслевое закрепление принципа состязательности и равноправия сторон: п. 7 ст. 6 КАС РФ гласит, что принципом административного судопроизводства явля-

ется состязательность и равноправие сторон административного судопроизводства при активной роли суда. Данная статья – первая законодательная фиксация понятия «активности суда» наравне с конституционными принципами, но не в виде оформления его самого как принципа.

Предпосылкой закрепления данного понятия послужила необходимость в восстановлении равновесия между процессуальным положением сторон. Проблема заключается в том, что участниками административного судопроизводства, согласно ч. 3 ст. 38 КАС РФ, с одной стороны являются граждане, в том числе, иностранные граждане и лица без гражданства, юридические лица, общественные объединения и так далее, другую же сторону представляют органы публичной власти и должностные лица этих органов. Таким образом, создаётся риск наличием у одной стороны властных полномочий поставить в ненадежное или даже затруднительное положение возможность осуществления принципа состязательности и реализации сторон.

В юридической литературе принцип «активности суда» административного судопроизводства некоторые авторы возмещают «более сложным процессуальным положением властвующего субъекта» [12], «требованием определенного смещения целевой направленности судопроизводства с частного интереса заявителя в сторону обеспечения законности и правопорядка в соответствующей сфере общественной жизни» [7].

В ряде научных публикаций рассматривается проблематика выделения активности суда как самостоятельного принципа административного судопроизводства. О необходимости обособленности активности суда, как основополагающего начала административного судопроизводства, от принципов состязательности и равноправия сторон, основываясь на дисгармоничности их сочетания выражает свое мнение А.В. Глодина [6]. Об активности суда, как принципе административного судопроизводства, немало сказано и в работах Н.А. Бурашниковой, посвященных механизмам защиты избирательных прав [5], работах И.Д. Августининой [4] и др.

Основываясь на факте реализации во множестве специальных процессуальных норм активности суда, руководства судом всеми стадиями административного судопроизводства мы можем рассуждать о выведении КАС РФ данного правила на один ряд с принципами административного судопроизводства.

Более того, расчленение в КАС РФ наименования классического принципа российского процессуального права, принципа состязательности и равноправия сторон, позволяет судить о выведении активности суда за рамки «состязательности и равноправия сторон», о становлении самостоятельности данного принципа административного судопроизводства.

Принцип состязательности и равноправия сторон при активной роли суда, закреплённый КАС РФ, нашёл отклик во многих процессуальных положениях, определяющих правила административного судопроизводства, первую очередь это положения, регламентирующие правила доказывания, возможности назначения су-

дебных экспертиз по инициативе суда [10]. В качестве конкретного примера рассмотрим ч. 2 ст. 62 КАС РФ, которая содержит определённые исключения из общего правила распределения бремени доказывания в пользу стороны обвинения, тем самым, возлагая обязанность доказывания законности оспариваемых нормативных правовых актов на соответствующий орган, организацию или должностное лицо, что без сомнений противоречит с непосредственным представлением состязательности.

С целью подкрепления вышеизложенного положения КАС РФ, немного расширим выдвинутое нами мнение о необходимости уравнивания сторон административного судопроизводства в сторону предположения потенциального дефицита возможностей у граждан, организаций и объединений к снабжению своей правовой позиции при рассмотрении спора качественным и квалифицированным юридическим сопровождением [11].

Также стоит отметить следующее: множество правоведов в своих трудах обращает внимание на взаимосвязь административного и уголовного судопроизводства [9], в данном случае аналогия двух областей заключается в закреплённом Конституцией РФ правом на защиту в суде, предоставляемом субъекту уголовного преследования.

Принцип активности суда также прослеживается при рассмотрении административных споров об оспаривании нормативных правовых актов, решений, действий (бездействия), принятых или совершенных органами государственной власти и должностными лицами, а также по административным делам о защите избирательных прав. Он выражается в способности суда при разрешении данного рода споров выходить за требования административного иска и пределы заявленных сторонами возражений (ч. 3 ст. 62 КАС РФ). Такая возможность основывается наличием наряду с основной функцией суда в административном судопроизводстве, функцией разрешения дела по существу, также функцией нормоконтроля, которая заключается в проверке судом норм права на основаниях КАС РФ.

Правилами истребования доказательств по делу также закрепляется автономность суда от воли сторон в административном судопроизводстве: суду предоставлено право истребовать доказательства по своей инициативе, согласно ч. 1 ст. 63 КАС РФ, причем, действуя без каких-либо оговорок, вне зависимости от категории административного спора, данное полномочие суда выражается наиболее явно из все ранее приведённых.

Неоднозначность восприятия активности суда в роли граничащего с конституционным принципом состязательности и равноправия сторон принципа, также объясняется отсутствием его непосредственного упоминания в тексте Конституции РФ. Как отмечено рядом авторов, активная роль суда в административном судопроизводстве не представляет из себя узаконенного отступления от принципа состязательности и равноправия сторон ввиду лежащих в его основе и определенных характером публично-правовых отношений, объективных обстоятельств.

Исходя из того факта, что до образования самостоятельного нормативного источника административного судопроизводства в виде КАС РФ, закреплённый в ст. 12 ГПК РФ принцип состязательности распространялся и на административные процессуальные отношения, исключая упоминание активности суда, необходимой в силу особенностей публичных правоотношений.

Однако, множество авторов отрицает наличие лишения суда активной роли на основании вышесказанного. Приведём следующий пример: ч. 2 ст. 56 ГПК суду предписано право определения имеющих значение для дела обстоятельств, вынесения их на обсуждение и распределения бремени доказывания, даже при отсутствии сторонами отсылок на данные обстоятельства [8].

Более того, авторы приводят в качестве аргумента данной позиции разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации [3], предписывающие проявление активности и инициативы при разъяснении фактов, имеющих значение для рассмотрения дела по существу, отсутствие

скованности суда при избрании необходимого к руководству и применению закона вследствие указания его в исковом заявлении.

В действительности же с данными выводами согласиться непросто ввиду того, что гражданское процессуальное законодательство, и, в том числе, в действовавшем до принятия КАС РФ виде, минимизирует активность суда до уровня посредника в реализации состязательности и равноправия сторон, наделяя орган всего лишь полномочиями по разъяснению, руководству и предупреждению, тем самым оставляя итоговые процессуальные решения за сторонами – участниками административного судопроизводства, тогда как КАС РФ, в свою очередь, представляет суду полную автономность в данных полномочиях.

Более верным решением данной проблемы мы считаем приведение ст. 14 КАС РФ в положение, приближенное к п. 7 ст. 6 КАС РФ, так как в текущей редакции провозглашенный принцип состязательности и равноправия сторон при активной роли суда в достаточной мере не находит своего отражения в упомянутой ст. 14, более детализировано описывающей осуществление и реализацию принципа состязательности и равноправия сторон в административном процессе, притом, одновременно упоминающей об активности суда исключительно в качестве инициативы по истребованию доказательств и правильному применению закона и иных нормативных актов.

Рациональным выглядит дополнение нормы ст. 14 КАС РФ новой частью, устанавливающей границы автономного судебного поведения в ходе рассмотрения административных споров или даже определяющей иерархию и соподчинённость двух принципиальных положений: уже закреплённого конституционного принципа состязательности и равноправия с одной стороны, и активной роли суда с другой, что привело бы к единообразию толкования институциональных процессуальных норм КАС РФ, исключая тем самым нелегальные толкования данных законодательных норм.

С учетом того обстоятельства, что абсолютно состязательная или же инквизиционная модель судопроизводства не может являться конечной процессуальной формой, что все современные правовые системы представляют собой гармоничное сочетание двух представленных видов процесса, с некоторыми особенностями относительно их отраслевого уклона, следует наиболее детально отнестись к опре-

делению пределов активности суда при рассмотрении и разрешении административных дел. Также потенциально возможным является сведение активной роли суда к общему руководству процессом, с ограниченной самостоятельностью в принятии процессуальных решений об истребовании доказательств, вызове и допросе свидетеля по делу, об изменении предмета иска и т.д.

Библиографический список

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 №21-ФЗ (ред. от 11.06.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.06.2022).
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 №138-ФЗ (ред. от 07.10.2022).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 №11 (ред. от 09.02.2012) «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству».
4. Августина И.Д. Активная роль суда в административном судопроизводстве // Российский судья. – 2021. – №1. – С. 19-25.
5. Бурашникова Н.А. Механизм судебной защиты избирательных прав в российском административном судопроизводстве // Судья. – 2018. – №1. – С. 47-52.
6. Глодина А.В. Сочетание принципа активной роли суда с отдельными принципами административного судопроизводства // Административное право и процесс. – 2018. – №11. – С. 65-71.
7. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. Г.А. Жилин. – М., 2013. – 864 с.
8. Майборода В.А. Активная роль суда в административном судопроизводстве // Судья. – 2017. – №3. – С. 57-60.
9. Орлов А.В. Активная роль суда в административном судопроизводстве // Российский судья. – 2016. – №8. – С. 12-15.
10. Саркисян, В.Г. К вопросу о понятии и признаках судебной экспертизы в гражданском процессе // Право и государство: теория и практика. – 2022. – №9 (213). – С. 215-216. – DOI 10.47643/1815-1337_2022_9_215. – EDN SOKZZJ.
11. Саркисян, В.Г. Некоторые проблемы института представительства в административном судопроизводстве // Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений: Сборник научных статей по итогам работы седьмого круглого стола со Всероссийским и международным участием, Шахты, 30-31 июля 2020 года. – Шахты: Общество с ограниченной ответственностью "КОНВЕРТ", 2020. – С. 96-98. – EDN YUIARH.
12. Яковлева А.П. Состязательность административного судопроизводства и активная роль суда // Правовое регулирование в современной России. – 2015. – №6 (51). – С. 107-112.

**ON THE INDEPENDENCE OF THE PRINCIPLE OF COURT ACTIVITY
IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS**

O.V. Dulepina, *bachelor*

A.I. Shumilov, *bachelor*

**Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin
(Russia, Krasnodar)**

***Abstract.** This article is devoted to the analysis of the legal nature of the active court principle in the administrative proceedings of the Russian Federation, the reasons and prerequisites for the formation of the above-mentioned principle. The adversarial nature and equality of the parties to administrative proceedings with the active role of the court are considered in the context of the related civil procedural principle of adversarial nature. The forms and types of manifestation of the principle of court activity in administrative proceedings have been studied. An assessment is made of the interdependence of the ability to ensure the competitiveness and equality of the parties in administrative proceedings with the active role of the court in resolving an administrative dispute.*

***Keywords:** the active role of the court, administrative proceedings, the principle of the activity of the court, the principles of administrative proceedings, the principle of equality of the parties in administrative proceedings.*

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ ПСИХОЛОГА НА ЭТАПАХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Е.А. Егорышева, канд. юрид. наук, доцент

А.А. Исмагилов, студент

Уфимский университет науки и технологий
(Россия, г. Уфа)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-110-112

***Аннотация.** Статья посвящена проблеме участия психолога и педагога на этапах предварительного расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними. На сегодняшний день данная проблема встречается повсеместно, поскольку найти грамотного специалиста в этой области порой очень трудно. Поэтому, в данной работе мы бы хотели рассмотреть данный вопрос и предложить свои варианты решения данной проблемы, которые бы позволили улучшить качество оказываемой помощи как несовершеннолетним, так и сотрудникам правоохранительных органов.*

***Ключевые слова:** несовершеннолетний, психолог, следователь, дознаватель.*

В 2022 году, по данным руководителя Следственного Комитета Российской Федерации Александра Бастрыкина, рост преступлений, совершенных несовершеннолетними снизился, по сравнению с показателями предыдущего года. Однако, не стоит питать надежд о том, что преступность идет на спад и значит не существует никаких проблем. К примеру, в 2020 году, рост преступности увеличился в связи с пандемией и со всеми вытекающими последствиями. Все образовательные учреждения были переведены на дистанционный формат обучения, прекратили свою деятельность образовательные кружки и секции. Что привело к тому, что некоторым подросткам было попросту некуда девать свою энергию, а также многие пользовались тем, что подавляющее большинство времени, они находились дома без какого-либо присмотра родителей.

Несомненно, сотрудники правоохранительных органов ведут работу по раскрытию данных преступлений, однако, не стоит забывать о том, что в случае, если в деле принимает участие несовершеннолетний, то в данном случае, необходимо лицо, обладающее специальными знаниями, то есть психолог или педагог.

Для начала, необходимо определиться, что такое специальные знания.

Как писал Ф.Г. Аминев «Специальные знания – система знаний в определенной

области науки, техники, искусства, ремесла, полученных в результате соответствующего специального образования и профессионального опыта работы, необходимых для решения вопросов, возникших в ходе уголовного, гражданского, арбитражного и административного судопроизводства, а также при проверке сообщения о преступлении» [1, с. 100]. Соответственно, психолог, это лицо, обладающее специальными знаниями, которое необходимо привлечь в процессе расследования.

Несомненно, сотрудник правоохранительных органов, в данном случае, занимает главное место, так как именно он руководит процессом расследования, его ходом, определяет и устанавливает следственные действия. Однако, сотрудник правоохранительных органов, имеет юридическое образование, и он не владеет теми знаниями и компетенциями, которые бы позволили учесть должным образом психологические особенности личности несовершеннолетнего. В связи с этим, согласно ст. 191 УПК, при проведении следственных действий с участием несовершеннолетнего, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего, но страдающего психическим расстройством или отстающего в развитии, участие психолога или педагога обязательно [2].

Однако, как показывает практика, к привлечению такого специалиста относят-

ся формально и как правило, сами специалисты данной области зачастую просто присутствует, лишь потому что этого требует закон.

Также, в ходе изучения данной темы, нами была выявлена проблема того, что процент эффективности психологов на этапе расследования остается низким. В.А. Лазарева и М.С. Демкина в своих работах отмечали, что современный уголовно-процессуальный кодекс допускает взаимозаменяемость психолога и педагога, в то время как в научном мире имеет место быть мнение о том, что профессии психолога и педагога абсолютно разные, и в уголовном процессе не могут заменять друг друга [3, с. 237].

При всем при этом, ни одним нормативно-правовым актом не закреплено, какими качествами, уровнем знаний, должен обладать психолог или педагог, для того, что бы принять участие в следственном действии с участием несовершеннолетнего.

Переходя к функциям психолога или педагога, следует выделить несколько. Основной функцией выступает налаживание связи между участниками следственного действия. Так как, например, в ходе допроса, следователь или дознаватель может использовать какие-либо слова, которые кажутся для него простыми и понятными, но остаются неясными для несовершеннолетнего. Также, специалист в ходе проведения следственных мероприятий сможет указать следователю или дознавателю на то, что подросток утомлен, устал, необходимо сделать перерыв или же сменить обстановку. В то же время, грамот-

ный психолог или педагог, сможет вовремя распознать, где подросток лукавит, что-то скрывает или же произносит заученный текст.

Еще одной функцией хочется выделить то, что на этапе расследования и проведения следственных действий, психолог способен минимизировать психологические травмы, которые несовершеннолетний может получить в ходе работы следователя или дознавателя.

Как мы видим, работа психолога очень важна и востребована по делам, где имеется несовершеннолетний. Соответственно, нельзя подходить к выбору специалиста формально или же вызывать лицо лишь потому, что тот имеет психологическое или же педагогическое образование.

Исходя из данной проблемы, мы предлагаем следующее решение. Для того, чтобы психолог имел право участвовать в следственных действиях, ему необходимо иметь опыт и знания в судебной психологии [4, с. 58]. Также, мы предлагаем внедрить в правоохранительную систему штатных психологов, которые будут проходить специальную подготовку, с последующей аттестацией. А также, мы хотим предложить внедрить в программу обучения психологов отдельный курс, который посвящен именно участию несовершеннолетнего в следственных действиях.

В результате чего, мы считаем, что следователь или дознаватель также должен быть заинтересован в том, чтобы привлечь данного специалиста, так как помощь грамотного психолога явно поможет проведению расследования уголовного дела.

Библиографический список

1. Аминев Ф.Г. Судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации: современные проблемы и пути их решения: дис. ... д-ра юрид. наук. Уфа, 2016. – 482 с.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 7 октября 2022 г. № 384-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 07.12.2022).
3. Лазарева В.А. Проблемы развития правовой регламентации деятельности педагога (психолога) в следственных действиях / В.А. Лазарева, М.С. Демкина // Юридический вестник Самарского университета. – 2019. – Т. 5. №3. – С. 101-107.

**PROBLEMATIC ASPECTS OF THE PARTICIPATION OF A PSYCHOLOGIST AT
THE STAGES OF PRELIMINARY INVESTIGATION**

E.A. Egorysheva, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*

A.A. Ismagilov, *Student*

Ufa University of Science and Technology

(Russia, Ufa)

***Abstract.** The article is devoted to the problem of participation of a psychologist and a teacher at the stage of investigation of crimes committed by minors. Today, this problem is found everywhere. Since sometimes it is very difficult to find a competent specialist in this field. Therefore, in this paper we would like to consider this issue and offer our solutions to this problem, which would improve the quality of assistance provided to both minors and law enforcement officers.*

***Keywords:** minor, psychologist, investigator, inquirer.*

ПРОЦЕНТ ОТКЛОНЕНИЯ ЦЕНЫ СДЕЛКИ ОТ РЫНОЧНОЙ СТОИМОСТИ ПЕРЕДАВАЕМОГО ИМУЩЕСТВА: ФОРМАЛЬНЫЙ КРИТЕРИЙ ИЛИ ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ПРИЗНАНИЯ СДЕЛКИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ?

А.В. Жданович, студент

Балтийский федеральный университет им. И. Канта
(Россия, г. Калининград)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-113-116

Аннотация. В настоящей статье анализируется подход Арбитражных судов к квалификации неравноценного встречного исполнения при оспаривании сделок на основании п. 1 ст. 61.2 Закона о Банкротстве в свете позиций Верховного суда Российской Федерации, а именно состоятельность формального подхода судов к проценту отклонения цены сделки от рыночной стоимости, передаваемого по сделке имущества, как к основанию для установления недействительности сделки.

Ключевые слова: банкротство, юридическое лицо, должник, подозрительная сделка, отклонение стоимости, неравноценное встречное исполнение.

Основания и условия для оспаривания сделок в рамках процедуры банкротства регулируются главой III.1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее Закон о банкротстве) [1].

Пункт 1 статьи 61.2 Закона о банкротстве позволяет признать сделку Должника, совершенную в течение одного года до введения процедуры, недействительной в том случае, если будет установлена неравноценность встречного исполнения по сделке. Таким образом, в предмет доказывания по требованию об оспаривании сделки Должника по указанному основанию входит установление неравноценности встречного исполнения. Понятие такого исполнения дается в самой статье 61.2 Закона о банкротстве.

В частности, Законодатель указывает, что неравноценное встречное исполнение считается установленным при условии, что цена сделки, учитывая обстоятельства её совершения, существенно отличается от цены совершаемых при аналогичных обстоятельствах сделок в худшую для должника сторону.

В статье дополнительно указано, что исполнение признается неравноценным в том случае если, например, рыночная стоимость имущества существенно превышает стоимость встречного исполнения с

учетом условий и обстоятельств совершения сделки.

Верховный суд РФ в определении от 15.02.2019 г. дополнительно акцентировал внимание на том, что помимо цены сделки, судом первоочередно во внимание должны приниматься именно условия и обстоятельства совершения сделки. В обязательном порядке должны быть проанализированы отношения должника с контрагентом, чтобы вывод последнего о подозрительности сделки в силу ее обстоятельств, был обоснованным и убедительным [2].

Таким образом, анализ диспозиции п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве, а также позиции Верховного Суда РФ от 2019 года показывает, что сама по себе цена сделки не может свидетельствовать о ее недействительности. В этой связи суды должны исследовать условия сделки и обстоятельства, при которых она совершалась, а также субъективно-объективный контекст отношений сторон по сделке, который позволил бы определить, что исходя из сложившихся условий сделки, у Покупателя возникли убедительные выводы о подозрительности сделки в силу заниженности ее стоимости.

Таким образом, обращаясь к положениям Закона о банкротстве, можно сделать вывод о том, что неравноценным исполнением признается такое исполнение, кото-

рое, с учетом условий и обстоятельств совершения сделки, а также контекста отношений контрагентов, очевидно указывает на то, что цена сделки занижена относительно рыночной стоимости передаваемого имущества, что дополнительно подтверждается ценой аналогичных оспариваемых сделок, и вызывает у должника обоснованные выводы о подозрительности сделки.

Вместе с тем, анализируя практику Арбитражных судов РФ по рассмотрению споров о недействительности сделки на основании п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве, прослеживается более формальный подход к определению того, является ли сделка подозрительной, а встречное исполнение неравноценным.

Так, суды делают вывод о неравноценности встречного исполнения, в том случае если цена сделки более чем на 20% ниже рыночной стоимости передаваемого по такой сделке имущества. Такой подход в определённой степени игнорирует указания Верховного Суда РФ о том, что в первую очередь необходимо исследовать именно условия заключения сделки, которые бы позволили Должнику обоснованно усомниться в ней, сделать вывод о ее подозрительности.

Описанный выше формальный критерий отклонения цены сделки от рыночной стоимости имущества суды заимствуют из положений Налогового кодекса Российской Федерации, а именно пп. 4 п. 2 ст. 40 кодекса [3], которым установлен критерий 20% отклонения цены сделки от рыночной стоимости имущества при проверке правильности определения цен налоговыми органами в целях проведения контрольных мероприятий за полнотой исчисления налогов.

Таким образом, логика судов сводится к следующему: если цена сделки отклонена от рыночной стоимости передаваемого по сделке имущества в сторону снижения более чем на 20%, то встречное исполнение признается неравноценным, а сделка недействительной. Другие критерии неравноценности встречного исполнения, например, условия совершения сделки, а также характеристики передаваемого

имущества, судами продолжают игнорироваться.

Примером подтверждения использования судами такого подхода может являться Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 22.02.2022 №06АП-120/2022 по делу №А73-9036/2019 [4]. По указанному делу была признана недействительной сделка купли-продажи асфальтового завода по цене 12 000 000 рублей, поскольку в рамках экспертизы его стоимость была определена в размере 17 143 525 рублей. Поскольку разница между определенной в рамках экспертизы по делу цене имущества и цена его реализации по сделке составила 30%, судом был сделан однозначный вывод о неравноценности встречного исполнения, что и повлекло признание ее недействительной. При этом судом в рамках указанного спора не устанавливались иные обстоятельства сделки, в том числе тот факт, что сам завод 2008 года выпуска, был приобретен в неуплаченном состоянии при наличии повреждений.

Аналогичный подход был продемонстрирован судами трех инстанций по делу №А12-42/2019 [5]. В рамках указанного дела рассматривалось требование о признании договора купли-продажи недействительным. Такое требование было мотивировано тем, что процент отклонения цены сделки от рыночной стоимости имущества составил 22,8%, что превысило допустимую границу в размере 20%, установленную пп. 4 п. 2 ст. 40 Налогового кодекса РФ. Следует отметить, что Верховный суд РФ в определении от 05.05.2022 г. [6] с таким подходом не согласился, признал его ошибочным, позиции нижестоящих судов по делу несостоятельными, руководствуясь нижеследующим.

Так, в обоснование своей позиции Верховный суд РФ, полностью отменяя сложившийся в судебной практике формальный подход, указал, что при определении неравноценности встречного исполнения не могут использоваться заранее установленные формальные критерии, такие как определённый процент отклонения цены сделки от рыночной стоимости, установ-

ленный пп. 4 п. 2 ст. 40 Налогового кодекса РФ, поскольку понятие неравноценности по своей правовой природе является оценочным. Указанное решение свидетельствует о том, что при квалификации судом встречного исполнения как неравноценного, в каждом случае должны быть определены условия и обстоятельства сделки, а также конкретные характеристики отчуждаемого имущества, такие как количество, ликвидность, период экспозиции.

В свою очередь, встречное исполнение может быть признано неравноценным, только в том случае, если исходя из определённых судом условий сделки, для покупателя было очевидно существенное занижение цены сделки и невыгодность ее для продавца.

Руководствуясь изложенной позицией Верховного суда РФ, нижестоящие суды начали массово отменять судебные акты, в рамках которых признавались недействительными сделки на основании лишь несоответствия их цены стоимости имущества. В качестве примера указанного, можно рассмотреть следующую судебную практику, которая стала формироваться после высказанной Верховным судом правовой позиции. В постановлении Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.11.2022 №11АП-16642/2022 по делу №А65-14422/2020 [7], были признаны не соответствующими закону выводы нижестоящего суда о недействительности сделки. Было указано, что, определяя осуществление встречного исполнения как неравноценное лишь на основании рыночной стоимости имущества, судом был неправомерно проигнорирован подход изложенный в определении Верховного Суда РФ от 05.05.2022 №306-ЭС21-4742 в соответствии с которым, как указано выше, квалификация осуществленного предоставления как неравноценного определяется судом в каждом случае, исходя из конкретных характеристик сделки и отчуждаемого имущества.

Так, в рамках оспариваемой сделки имущество приобреталось через агента путем публичного предложения. Сам Ответчик указал, что исходя из состояния передаваемого имущества, для него не было очевидно значительное занижение цены его реализации по сравнению с рыночной стоимостью аналогичных имущественных объектов.

В ином деле Четырнадцатый арбитражный апелляционный суд [8] также признал незаконность выводов о недействительности оспариваемой по делу сделки, поскольку нижестоящий суд не учел условия заключения сделки и обстоятельства ей сопутствующие. В частности, судом не были учтены характеристики имущества, а именно то, что по сделке реализовывалось специфичное имущество в нерабочем состоянии, которое могло использоваться лишь на воздушных судах определённой модели. Поскольку доказательств того, что у Покупателя, с учётом описанных условий, должны были возникнуть или возникли обоснованные подозрения о выгоды сделки для Продавца, представлено не было, основания для признания сделки недействительной отсутствовали.

Таким образом, признание сделки недействительной на основании ч. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве, должно осуществляться с учетом правовой позицией Верховного суда от 05.05.2022 года №306-ЭС21-4742, в соответствии с которой при квалификации неравноценного встречного исполнения не могут использоваться заранее установленные формальные критерии, например, указанный в пп. 4 п. 2 ст. 40 Налогового кодекса РФ. Первостепенное значение имеют именно и исключительно установленные условия и обстоятельства совершения сделки, а также характеристики передаваемого имущества, которые позволили бы должнику обоснованно усомниться в выгоды сделки для Продавца, вызвать у него обоснованные подозрения.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 26.10.2002 №127-ФЗ (ред. от 21.11.2022) «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС КонсультантПлюс.

2. Определение Верховного Суда РФ от 15.02.2019 №305-ЭС18-8671 // СПС КонсультантПлюс.

3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 31.07.1998 №146-ФЗ (ред. от 21.11.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2022) // СПС КонсультантПлюс.

4. Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 22.02.2022 №06АП-120/2022 по делу №А73-9036/2019 // СПС КонсультантПлюс

5. Информационная система «Мой Арбитр». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/5a5cb80b-abd2-458c-853c-954d15eed539> __ (дата обращения – 13.12.2022).

6. Определение Верховного суда РФ от 05.05.2022 №306-ЭС21-4742 по делу №А12-42/2019// СПС КонсультантПлюс.

7. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.11.2022 №11АП-16642/2022 по делу №А65-14422/2020 // СПС КонсультантПлюс.

8. Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.11.2022 №14АП-8639/2022, 14АП-8640/2022, 14АП-8641/2022 по делу №А52-2534/2017 // СПС КонсультантПлюс.

PERCENTAGE OF DEVIATION OF THE TRANSACTION PRICE FROM THE MARKET PRICE OF THE TRANSFERRED PROPERTY: FORMAL CRITERIA OR BASIS FOR RECOGNIZING A TRANSACTION AS INVALID?

A.V. Zdanovich, *Student*

Immanuel Kant Baltic Federal University
(Russia, Kaliningrad)

***Abstract.** This article analyzes the approach of the Arbitration Courts to the qualification of unequal counter execution when challenging transactions on the basis of paragraph 1 of Art. 61.2 of the Bankruptcy Law in the light of the positions of the Supreme Court of the Russian Federation, namely the consistency of the formal approach of the courts to the percentage of deviation of the transaction price from the market value of the property transferred under the transaction, as a basis for establishing the invalidity of the transaction*

***Keywords:** insolvency (bankruptcy), legal entity, debtor, suspicious transaction, cost deviation, unequal counter performance.*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДЕТЕЙ В КОНТЕКСТЕ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ

Е.С. Жидяева, канд. социол. наук, доцент

Академия маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ
(Россия, г. Краснодар)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-117-120

Аннотация. В статье проводится правовой ракурс действующего законодательства в области обеспечения информационной безопасности детей. Автором подчеркивается, что информационная безопасность – комплексная проблема, которая, в первую очередь, опирается на обеспечении четкого соотношения государственных и личных интересов, установлении пределов в реализации информационных прав, а также пределов вмешательства государства в информационную сферу жизнедеятельности каждого человека. В свою очередь, одним из приоритетных направлений политики России становится прогнозирование и устранение тех рисков, с которыми дети могут столкнуться в информационной среде.

Ключевые слова: информационная безопасность, информационное законодательство, информационные права, ребенок, Интернет, вредная информация, защита детей.

В настоящее время этап развития общества охарактеризован возрастающей ролью информационной среды – она активно влияет на все составляющие системы безопасности Российской Федерации.

Информационная безопасность – комплексная проблема, которая, в первую очередь, опирается на обеспечении четкого соотношения государственных и личных интересов, установлении пределов в реализации информационных прав, а также пределов вмешательства государства в информационную сферу жизнедеятельности каждого человека. Учитывая темпы развития информационных технологий, можно сделать вывод, что каждому человеку в наше время обеспечен доступ к любой информации, которая так или иначе удовлетворяет его потребности. В первую очередь, сеть Интернет представляет собой множество людей, взаимодействующих между собой, создающих культуру виртуального общения, ценностей и особого языка.

Именно поэтому для современного общества характерно то, что Интернет стал мощным фактором, оказывающим влияние на формирование личности ребенка. Из года в год дети все больше времени проводят в Интернете. Важно отметить, что пандемия оказала существенное влияние

на эскалацию развития данного процесса. На сегодняшний день сеть Интернет стала основным каналом для образования, творчества и самовыражения нового поколения. Однако в развитии информационных технологий есть ряд отрицательных аспектов и рисков, которым дети подвержены гораздо сильнее, чем взрослые. Так, одним из приоритетных направлений политики России становится прогнозирование и устранение тех рисков, с которыми дети могут столкнуться в Интернете. Важно отметить, что особую опасность в обеспечении информационной безопасности несовершеннолетних представляет распространение информации, вредной для их здоровья и развития.

Обеспечение информационной безопасности детей в прямом смысле означает достижение правильного соотношения между обеспечением безопасности ребенка в сети и ограничением доступа на свободный поиск информации. Именно поэтому возникает вопрос о возможности такого вмешательства со стороны государства.

Что касается иностранных государств, то их политика в области обеспечения информационных прав ребенка направлена на глобальные ценности, а также на реализацию международных тенденций.

В соответствии с определением, которое содержится в статье 1 ООН «О правах ребенка», «ребенок означает каждое человеческое существо в возрасте до восемнадцати лет, если только в соответствии с законом, применимым к ребенку, совершеннолетие не достигается раньше» [1].

В Российской Федерации проблема информационной безопасности впервые была поднята в 1992 году в связи с принятием законов о правовой защите компьютерных программ. В ряде законов РФ содержится определение термина «информация» и «информационная безопасность». Согласно Федеральному закону от 27.07.2006 г. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», информация – это сообщения или данные, независимо от формы их представления [2]. В Доктрине информационной безопасности РФ понятие «информационная безопасность» трактуется как состояние защищенности национальных интересов в информационной сфере, определяемое совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства [3].

Стоит отметить, что существуют также отдельные нормативные акты, касающиеся информационной безопасности детей, в которых конкретизируется понятие информационной безопасности в отношении детей. Так, Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», определяет виды информации, причиняющей вред здоровью и развитию детей [4]. К такой информации относят:

- информацию, запрещенную для распространения среди детей;
- информацию, распространение которой ограничено среди детей определенных возрастных категорий.

Данный закон направлен на защиту детей от разрушительного, травмирующего их психику информационного воздействия, а также информации, способной развить порочные наклонности в ребенке. Также вводится запрет на информацию, которая вызывает у детей страх, панику и ужас, а также оправдывает насилие и противоправное поведение.

В целях ограничения доступа к сайтам в сети Интернет, которые содержат информацию, распространение которой в РФ запрещено, создана единая автоматизированная информационная система «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» [2]. Реестр был создан для предотвращения распространения через сайты детской порнографии, объявлений о привлечении несовершеннолетних в качестве исполнителей для участия в мероприятиях порнографического характера, информации о способах совершения суицида, а также пропаганды употребления наркотических веществ и алкоголя.

Помимо вышеуказанных нормативных правовых актов, основу законодательства в области информационной безопасности несовершеннолетнего составляют положения Федерального закона от 24 июля 1998 г. №124 «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации». Указанный нормативный акт установил обязанность со стороны органов государственной власти Российской Федерации, органов местного самоуправления, должностных лиц оказания ребенку содействия «в реализации и защите его прав и законных интересов с учетом возраста ребенка и в пределах установленного законодательством объема дееспособности ребенка посредством принятия соответствующих нормативных актов, проведения методической, информационной и иной работы с ребенком по разъяснению его прав и обязанностей, порядка защиты прав, установленных законодательством, а также посредством поощрения исполнения ребенком обязанностей поддержки практики правоприменения в области защиты его прав и законных интересов» [5].

Стоит отметить, что еще в «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы» одной из проблем было названо именно обеспечение информационной безопасности детей [6]. Разработчики данной стратегии предложили ряд

мер, которые должны были гарантировать информационную безопасность с детства.

Распоряжением Правительства России от 29 мая 2015 г. №996-р утверждена Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года, в соответствии с которой предполагается расширение воспитательных возможностей информационных ресурсов путем: создания условий, методов и технологий для использования возможностей информационных ресурсов, в первую очередь информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", в целях воспитания и социализации детей; информационного организационно-методического оснащения воспитательной деятельности в соответствии с современными требованиями; содействия популяризации в информационном пространстве традиционных российских культурных, в том числе эстетических, нравственных и семейных ценностей и норм поведения; воспитания в детях умения совершать правильный выбор в условиях возможного негативного воздействия информационных ресурсов; обеспечения условий защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и психическому развитию [7].

Однако, несмотря на, все перечисленные меры, не стоит исключать тот факт, что информационная среда достаточно быстро трансформируется и приспособиться к современным реалиям не всегда представляется возможным. Это значит, что отношения по обеспечению информационной безопасности населения меняются и становятся более сложными.

В России необходимо реализовать ряд задач, решение которых позволит рассуждать о том, что механизм информационной защиты детей действительно является эффективным. Несмотря на то, что существует большое количество правовых норм, регулирующих сферу информационной безопасности, все же возникают проблемы в области правового регулирования сети Интернет. Именно поэтому

требуется усовершенствование и создание новых мер по борьбе с негативным влиянием информационного поля. В первую очередь, необходимо внести изменения в образовательной и просветительской деятельности родителей и детей. Родители, в свою очередь, должны уделять внимание отклонениям и изменениям в поведении ребенка, таких, как: признаки беспокойства, отсутствие планов на жизнь, изоляция от семьи и друзей, смена интересов в худшую сторону и т.д. Также стоит отметить, что необходимо обеспечить детям доступ именно к «полезной» информации, «запрет на производство, выпуск и распространение информации, связанной с клеветой и посягательством на права людей, в том числе несовершеннолетних» [8, с. 40]. Кроме того, важно привить ребенку критическое восприятие к содержанию получаемой информации, чтобы он самостоятельно смог определить, какой контент является недопустимым и какие информационные каналы являются нежелательными.

Решение описанных проблем заключается в разработке эффективных государственных программ, в области образования, семейной и молодежной политики, целью которых стало бы обеспечение информационной безопасности детей. Родителям рекомендуется использовать интернет-фильтры в качестве программ, которые созданы для блокирования вредоносного контента в сети Интернет.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что современное нормативно-правовое обеспечение информационной безопасности является достаточно разнообразным, но при этом некоторые правовые лакуны в данной области имеют место. Однако практически обеспечить информационную защиту молодого поколения в условиях сегодняшней России возможно лишь при грамотном сочетании и координировании правовых и социальных регуляторов.

Библиографический список

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // СПС КонсультантПлюс.
2. Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 480-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (ред. от 05.12.2022) // СПС КонсультантПлюс.
3. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
4. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (ред. от 05.12.2022) // СПС КонсультантПлюс.
5. Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24.07.1998 N 124-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // СПС КонсультантПлюс.
6. Указ Президента РФ от 01.06.2012 N 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы» // СПС КонсультантПлюс
7. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 29 мая 2015 г. N 996-р) // СПС КонсультантПлюс.
8. Семухин С.Д. Нормативно-правовая база информационной безопасности детей, проблемы воздействия на ребёнка и пути решения // Правовое регулирование экономической деятельности. ПРЭД. – 2022. – №2. – С. 35-41.

LEGAL REGULATION OF INFORMATION SECURITY OF CHILDREN IN THE CONTEXT OF THE CURRENT LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

E.S. Zhidyayeva, *Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor*
Academy of Marketing and Social and Information Technologies – IMSIT
(Russia, Krasnodar)

***Abstract.** The article provides a legal perspective of the current legislation in the field of information security of children. The author emphasizes that information security is a complex problem, which, first of all, is based on ensuring a clear correlation of state and personal interests, setting limits in the implementation of information rights, as well as limits of state intervention in the information sphere of every person's life. In turn, one of the priorities of Russia's policy is forecasting and eliminating the risks that children may face in the information environment.*

***Keywords:** information security, information legislation, information rights, child, Internet, harmful information, child protection.*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ ЗАЩИТЫ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПЕРИОД ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

И.В. Зайцева, студент

И.Р. Аминов, канд. юрид. наук, доцент

Уфимский университет науки и технологий
(Россия, г. Уфа)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-121-123

Аннотация. Вооруженные конфликты влияют не только на настоящую жизнь людей, но и на их культурное наследие, которое является неотъемлемой частью каждого народа. Поэтому в настоящее время актуальными становятся проблемы защиты культурных ценностей. В данной статье были рассмотрены и проанализированы основные международные документы, которые касаются защиты культурных ценностей в период вооруженных конфликтов. Также охарактеризованы три режима защиты: общий, специальный, усиленный.

Ключевые слова: культурные ценности, защита культурных ценностей, вооруженные конфликты, гуманитарное право, режим защиты культурных ценностей.

Во все времена разрушительные последствия войн и конфликтов сказывались не только на государствах, народах и их собственности, но и на исторических и культурных памятниках и ценностях.

Рост числа межрелигиозных и межэтнических конфликтов приводит не только к нападениям на гражданское население, но и во многих случаях к уничтожению гражданских объектов и культурных ценностей. Акты вандализма против этих ценностей и их уничтожение стали частым явлением. В таких конфликтах культурные ценности могут рассматриваться как символы культурной самобытности и истории воюющей стороны.

Государства старались сохранить произведения искусства и культурное достояние. Но со временем эта задача усложнилась. Поэтому возникла необходимость создания правовых норм, регулирующих охрану и защиту культурных ценностей.

В современном международном гуманитарном праве реализованы некоторые механизмы, касающиеся защиты культурных ценностей в период вооруженных конфликтов.

Регулирование защиты культурных ценностей в настоящее время происходит благодаря таким документам как Гагская конвенция 1954 г., Конвенция ЮНЕСКО

1970 г., Конвенция УНИДРУА 1995 г., Статут Международного уголовного суда 1998 г.

Главным документом в сфере охраны культурных ценностей является Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта, которая была подписана 14 мая 1954 г. в Гааге. Её дополнили два протокола 1954 г. и 1999 г.

Подписанная после Второй мировой войны, нанесшей огромный урон историческим и культурным памятникам и объектам, Конвенция о защите культурных ценностей 1954 г. стала основой для формирования международного законодательства по защите культурных ценностей, независимо от их происхождения и принадлежности.

Согласно этой Конвенции, понятие «культурные ценности» включает в себя движимые и недвижимые ценности, имеющие большое значение для каждого народа, в том числе памятники архитектуры, истории, искусства и культуры, произведения искусства, рукописи, книги, музеи, библиотеки, архивы [1].

Документ способствует принятию мер по охране культурных ценностей государствами в мирное время. Также существует требование к государствам применять уголовное наказание в отношении тех, кто не-

подобающе обращается и наносит вред культурным ценностям во время вооруженного конфликта. Стоит упомянуть, что документ запрещает вывоз культурных ценностей с оккупированной территории и использование их в качестве возмещения ущерба.

Согласно Конвенции о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности 1970 г., государства берут на себя обязательства принимать необходимые меры на национальном и международном уровнях, а также сотрудничать в сфере защиты культурных ценностей [2]. Каждое государство должно охранять культурные ценности от краж, тайных раскопок и незаконного вывоза, так как они являются национальным достоянием.

Конвенция ЮНИДРУА по похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям 1995 г. своей главной целью указала вопросы об облегчении реституции и возврата культурных ценностей [3]. Документ особенно актуален после вооруженных конфликтов, так как, к сожалению, не редки случаи кражи, незаконного вывоза, перевозки, и торговли культурными ценностями. Данные действия зачастую происходят на территории нескольких государств, а преступники пересекают не одну государственную границу.

Военные преступления, в которые входят преступления, совершаемые против культурных ценностей, являются юрисдикцией Международного уголовного суда.

Римский статут Международного уголовного суда 1998 г. предусматривает уголовное наказание за умышленное причинение вреда объектам религии, культуры и искусства, при условии, что они не являются военными целями [4]. Государства на национальном уровне должны принять все

необходимые меры для поиска и привлечения к ответственности лиц, виновных в таких преступлениях.

Выделяют несколько режимов защиты культурных ценностей: общий, специальный, усиленный [5].

Общий режим основан на обязательстве уважения и охраны, которая включает в себя комплекс мер, принимаемых еще в мирное время с целью обеспечения защиты ценностей. При применении общего режима защиты ответственность возлагается на обе стороны конфликта, то есть на государство, которое регулирует надзор за культурными ценностями, и на сторону противника.

Специальный режим объекта наделяет его неприкосновенностью в случае конфликта, и любого его использования в военных целях, в том числе окрестностей рядом. Культурная ценность должна находиться на расстоянии от стратегически важных центров и военных объектов, не использоваться в военных целях. В случае необходимости государство имеет право реорганизовать культурную ценность, чаще всего это здания, музеи или библиотеки, в объект военных нужд.

Культурное наследие, представляющее огромное значение для человечества и будущих поколений обладает режимом усиленной защиты. Данные ценности ни в коем случае не должны использоваться в военных целях.

Все три режима объединяет общее главное условие. Культурные ценности не должны подвергаться риску, быть разоренными, украденными или уничтоженными в период и после окончания конфликта.

Рассмотренные документы не исключают положений друг друга, а дополняют и позволяют понять направления действий в данной сфере.

Библиографический список

1. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (Гаага, 14 мая 1954 г.) // Официальный сайт Международного комитета Красного Креста. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/treaties-cultural-properties-140554.htm>. (дата обращения: 24.11.2022).

2. Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности (Париж, 14 ноября 1970 г.) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических систем. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1900836> (дата обращения: 24.11.2022).

3. UNIDROIT Convention on Stolen or Illegally Exported Cultural Objects (Rome, 24 June 1995) // Официальный сайт ЮНИДРУА. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unidroit.org/instruments/cultural-property/1995-convention/> (дата обращения: 25.11.2022).

4. Римский статут Международного уголовного суда (Рим, 17 июля 1998 г.) // Официальный сайт ООН. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 26.11.2022).

5. Второй протокол к Гаагской Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 года (Гаага, 26 марта 1999 г.) // Официальный сайт ООН. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hague_conv_2nd_prot.shtml. (дата обращения: 28.11.2022).

THEORETICAL FOUNDATIONS AND INTERNATIONAL LEGAL REGIMES FOR THE PROTECTION OF CULTURAL PROPERTY DURING ARMED CONFLICTS

I.V. Zaitseva, *Student*

I.R. Aminov, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*

Ufa University of Science and Technology

(Russia, Ufa)

Abstract. *Armed conflicts affect not only the present life of people, but also their cultural values, which is an essential part of every nation. Therefore, the problems of protecting cultural values are becoming urgent at the moment. This article has reviewed and analyzed the main international documents that relate to the protection of cultural values during armed conflicts. Also, annotation characterized three ways of protection of cultural values: general, special and enhanced protection.*

Keywords: *cultural values, protection of cultural values, armed conflicts, humanitarian law, ways of protection of cultural values.*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБАХ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ

Е.Р. Иващенко, студент

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина
(Россия, г. Краснодар)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-124-126

***Аннотация.** Данная статья посвящена исследованию вопросов об альтернативных способах разрешения споров. Выбранная тема актуальна в современном мире, в настоящее время исследуется научная литература по заданной проблеме, а также практический отечественный опыт. Во всем мире активно развиваются и набирают все большую популярность альтернативные способы разрешения, рассматривая на примере России некоторые особенности данного института. Проанализированы сильные и слабые стороны альтернативных способов разрешения споров, определены специфические признаки действий сторон и иных лиц, участвующих в альтернативных способах разрешения (урегулирования) спора при рассмотрении и разрешении спора – они должны носить системный характер и быть взаимосвязанными.*

***Ключевые слова:** альтернативное разрешение споров, споры, арбитраж, процесс.*

В связи с развитием современного общества и, как следствие, усложнением гражданского оборота, законодатель стремится найти наиболее оптимальный способ защиты прав и законных интересов всех участников рассматриваемых правоотношений [2].

Как в России, так и в мире быстрыми темпами развиваются и набирают все большую популярность альтернативные способы разрешения споров, под которыми понимается совокупность процедур, способствующих внесудебному разрешению споров. К таким процедурам в разных странах относятся различные внесудебные формы разрешения дела, в том числе медиация (дает возможность изучить максимально возможное количество вариантов урегулирования споров и выбрать один наиболее приемлемый для всех ее участников [1]), арбитраж, переговоры, судебное примирение и т.д.

Способы разрешения споров без обращения в государственные суды традиционно группируются под термином «альтернативный». Значение слова «альтернативный» во фразе «альтернативные методы (способы) разрешения споров» может быть истолковано несколько шире, чем «отличный от обращения в государственные суды». Этим словом подчеркивается

гражданский характер этих методов. Альтернативой является проявление присущей гражданскому праву диспозитивности, то есть способности свободно осуществлять правосубъектность, приобретать гражданские права и обязанности, распоряжаться ими, определять их содержание в известных пределах.

При этом альтернатива предписанию диспозитивной нормы допускается только в отношении взаимного волеизъявления, соглашения сторон, а не в отношении одностороннего учреждения правоохранительного органа.

Поэтому правильно было бы утверждать, что все альтернативные способы разрешения споров объединяет их договорная природа и каждый из них является консенсуальным соглашением сторон. В последнее время в России все больше внимания уделяется разработке и применению альтернативных методов разрешения споров. Причиной этого является ряд факторов:

- во-первых, недостаточная эффективность судебной системы при рассмотрении отдельных категорий дел, что может заключаться в перегруженности судов, длительности судебного разбирательства, некомпетентности в рассмотрении дел, а также в ряде других характеристик, при-

сущих различным судебным системам, имеет большое влияние.

- во-вторых, стороны предпочитают поддерживать деловые и партнерские отношения, избегать огласки и мирно разрешать спор. Обычно не всегда возможно в ходе разбирательства в государственном суде. Есть и такие факторы, как стремительные социально-экономические изменения, глобализация, усиление миграции. Альтернативные способы разрешения споров являются ответом на вызовы современной социально-экономической эволюции. Неудивительно, что в последние годы аббревиатуру АРС все чаще расшифровывают как «адекватные способы разрешения споров».

Мировая практика является подтверждением эффективного использования альтернативных методов разрешения споров.

В России с незапамятных времен традиционно применялись такие формы разрешения споров, как третейский суд, с XIX века - мировые суды, в XX веке – претензионный порядок, различные согласительные и примирительные процедуры. Значение использования альтернативных методов разрешения споров в России особенно возросло в связи с принятием в 2002 году нового АПК РФ.

В этом нпа появилась Глава 15 АПК («Примирительные процедуры. Мировое соглашение»), которая предусматривает, что стороны вправе урегулировать спор мировым соглашением или иными примирительными процедурами, если это не противоречит федеральному закону. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации также содержит ряд других положений, поощряющих использование альтернативного разрешения споров и развитие партнерских отношений.

В настоящее время нормы российского законодательства об альтернативном разрешении споров носят фрагментарный и декларативный характер. До настоящего времени в российском законодательстве не раскрыто понятие «Альтернативный способ разрешения споров», не установлен полный перечень примирительных процедур, отсутствуют указания на принятые

или рекомендуемые способы. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации содержит только указание на возможность использования примирительных процедур и возможность использования посредника.

В научной литературе существует мнение С.С. Сулакшина, который отмечает следующее: «альтернативное разрешение споров – это способ внесудебного воздействия на конфликт, целью которого является устранение противоречия между сторонами конфликта или минимизация негативных последствий конфликта для его участников» [3].

Также большинство авторов используют термин «процедуры» следующим образом: «Под способами разрешения споров и урегулирования правовых конфликтов понимаются регулируемые законодательством и/или соглашением сторон государственные или негосударственные (частные) процедуры: государственное судопроизводство, третейское разбирательство, примирительные процедуры и др.» [4].

Таким образом, отличительной особенностью данного института является то, что в рамках альтернативных способов разрешения спора он не разрешается судом по существу, суд может выступать только как лицо, способствующее самой процедуре альтернативного разрешения спора. Например, суд в некоторых странах может рекомендовать сторонам использовать одну из форм альтернативного разрешения спора. Также суд может оказать помощь в исполнении решений.

В качестве специфического признака можно назвать то, что действия сторон и иных лиц, участвующих в альтернативных способах разрешения (урегулирования) спора при рассмотрении и разрешении спора, должны носить системный характер и быть взаимосвязанными.

Обязательной целью проведения альтернативных способов разрешения спора является достижение определенного результата - урегулирования или разрешения спора. Большинство альтернативных способов разрешения споров осуществляется при наличии добровольного волеизъявления сторон. Как правило, это означает

наличие определенного соглашения между спорящими сторонами. Однако бывают случаи, когда стороны обязаны использовать одну из альтернативных процедур разрешения споров. Также правоприменителю стоит закрепить в законодательстве

понятие «Альтернативный способ разрешения споров», а также полный перечень примирительных процедур, отсутствуют указания на принятые или рекомендуемые способы и т.д.

Библиографический список

1. Захарова, Е. И. Медиация как способ заключения мирового соглашения и прекращения судебного разбирательства // Эпомен. – 2022. – № 70. – С. 72-79. – EDN VBGSKA.
2. Захарова, Е.И. Отдельные вопросы, связанные с функционированием третейских судов // Эпомен. – 2022. – № 69. – С. 126-131. – EDN YZYRZR.
3. Сулакшин С.С. Альтернативные способы разрешения споров между субъектами предпринимательской деятельности: монография // Центр проблемного анализа и гос.-управленческого проектирования. – Москва: Научный эксперт, 2013. – С. 78.
4. Андреева Т.К. Примирительные процедуры в арбитражном процессе // Третейский суд. – 2016. – №1. – С. 14.

SOME QUESTIONS ABOUT ALTERNATIVE DISPUTE RESOLUTION METHODS

E.R. Ivashchenko, *Student*

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilina
(Russia, Krasnodar)

***Abstract.** This article is devoted to the study of questions about alternative methods of dispute resolution. The chosen topic is relevant in the modern world, currently the scientific literature on the given problem is being studied, as well as practical domestic experience. Alternative methods of resolution are actively developing and gaining popularity all over the world, considering some of the peculiarities of this institution on the example of Russia. The strengths and weaknesses of alternative dispute resolution methods are analyzed, specific signs of the actions of the parties and other persons participating in alternative dispute resolution (settlement) methods during the consideration and resolution of the dispute are identified – they should be systemic and interrelated.*

***Keywords:** alternative dispute resolution, disputes, arbitration, process.*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕДУРЫ ПОСРЕДНИЧЕСТВА

Е.Р. Иващенко, студент

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина
(Россия, г. Краснодар)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-127-129

Аннотация. Статья посвящена исследованию некоторых особенностей процедуры посредничества. Дается определение посредничества, анализируются положения ФЗ «О медиации». Раскрыты также формы посредничества, и в заключении автор предлагает совершенствовать законодательство в данной области. Автор выделяет некоторые особенности процедуры посредничества как альтернативного способа разрешения споров. Данная тема актуальна в современном мире, исследуется научная литература по данной проблеме, а также практический отечественный опыт.

Ключевые слова: посредничество, медиация, арбитражный процесс, арбитражный суд, суд, право, международная арена.

Процедура посредничества универсальна при разрешении экономических конфликтов. Посредничество доказало свою эффективность при разрешении внешне-экономических споров, в частности коммерческих споров, т.н. экономическое посредничество. Эта процедура в основном бывает трех основных форм. Первая форма – посредничество без посредников. Этот вид посредничества практически не используется на практике, так как представляет собой переговоры между сторонами. Вторая форма – посредничество с участием посредников. Это переговоры между сторонами с участием независимой третьей стороны – посредника. Во второй форме медиатор несет ответственность за организацию процедуры медиации. Последней формой посредничества является посредничество арбитра. Данное посредничество осуществляется путем обращения в Арбитражный суд при рассмотрении дела в третейском суде и носит судебный характер.

Необходимо выделить некоторые особенности процедуры посредничества как альтернативного способа разрешения споров. Во-первых, посредничество носит консенсуальный характер, то есть предполагает согласование сторонами условий. Посредничество характеризуется участием третьей стороны, которая способствует разрешению спора. В зависимости от вида посредничества это может быть: сотруд-

ник одной из сторон, непосредственно посредник или арбитр. Эти характеристики способствуют достижению цели процедуры, а именно разрешению спора.

Деятельность медиатора и судебного примирителя регулируется гл. 15 АПК РФ и Законом «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ.

Посредничество не может быть использовано для разрешения всех споров. Разрешение конфликта посредством привлечения посредника имеет две цели: «частную» и «публичную». В основе применяемой классификации целей лежит фактор интереса. Также обратиться же за урегулированием спора к судебному примирителю согласно ст. 138.5 АПК РФ можно лишь во время арбитражного процесса.

Общепризнанно, что существуют категории споров, в которых посредничество неприемлемо. В первую очередь, это относится к уголовным делам, где разрешение конфликта путем переговоров противоречит задачам уголовного права. Учитывая социальную значимость уголовного судопроизводства в обеспечении безопасности государства, общества и личности, с данным определением не сложно согласиться. Этот вывод позволяет с большей уверенностью констатировать, что данная процедура гармонично вписывается в систему мер по разрешению экономических споров

как на национальном, так и на международном уровне.

Поскольку административные, в частности налоговые споры, составляют основную нагрузку для арбитражных судов, необходимо было найти альтернативные способы эффективного разрешения этих споров и экономических. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации допускает возможность примирения сторон, заключения мировых соглашений по спорам между предпринимателями и государством. Сущность мирового соглашения при банкротстве можно рассматривать с разных позиций: с материально-правовой и процессуальной [2].

На практике языковой барьер часто усложняет процесс разрешения спора, который требует участия других людей [1]. Стороны также должны учитывать различные интересы в отношении предмета спора, необходимость сохранения конфиденциальности информации, непредсказуемое поведение контрагентов, разное понимание условий и недобросовестность партнеров.

Таким образом, под посредничеством понимается примирительная процедура, осуществляемая с конфликтующими сторонами на основе сотрудничества, с участием посредника, осуществляющего администрирование процесса разрешения конфликта, с целью достижения взаимоприемлемого результата и разрешения конфликта с учетом интересов сторон.

Процесс посредничества, инициированный при рассмотрении спора третейским судом, осуществляется только посредниками, которые осуществляют свою деятельность профессионально. Третейский суд – прежде всего не государственный орган, который создается по воле сторон [3].

Деятельность посредника не является предпринимательской и не имеет значения, является посредник профессиональным агентом в сфере разрешения споров или нет. Но все же Федеральный Закон «О медиации» устанавливает ряд требований к медиатору, одно из которых устанавливает запрет на осуществления посредничества лицом, замещающим государствен-

ные должности как Российской Федерации, так и её субъектов, гражданские и муниципальные служащие, если иное не предусмотрено законом.

Федеральный Закон «О медиации» вводит понятие «организация, осуществляющая деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации». Ею признаётся юридическое лицо, одним из основных видов деятельности которого является проведение процедуры медиации. Деятельность таких организаций осуществляется на платной основе.

Согласно действующему законодательству, такие организации создаются в форме ассоциаций. Ассоциация посредников регистрируется в государственном реестре саморегулируемых организаций посредников. Обязанность по ведению указанного реестра возложена на федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный Правительством Российской Федерации.

Медиатор вправе оказывать посреднические услуги только после вступления в объединение посредников. Каждая организация вправе проводить профессиональный отбор посредников для членов организации в соответствии с установленным положением об ассоциации. Организации могут предъявлять дополнительные требования, связанные со спецификой проведения отдельных видов посредничества, например, для проведения посредничества в досудебном или судебном порядке. Закон о медиации предусматривает возможность использования процедуры медиации, как во внесудебном порядке, так и в рамках судебного заседания, в любое время до рассмотрения дела судом.

Существует проблема непонимания сути посредничества. Поэтому практика его использования не распространена. Решить данную проблему можно путем проведения информационных бесед с потенциальными участниками процесса, а также путем закрепления и распространения данной процедуры в конкретных положениях, инструкциях и приказах органов власти различного уровня.

Таким образом, на основании вышеизложенного, процедура посредничества – примирительная процедура, осуществляе-

мая между сторонами конфликта на основе сотрудничества, с участием посредника, осуществляющего администрирование процесса разрешения конфликта, с целью достижения взаимоприемлемого результата и разрешения споров с учетом интере-

сов сторон. Данная процедура используется не только для разрешения экономических споров, она активно применяется при разрешении административных и гражданских конфликтов.

Библиографический список

1. Хесль, Г. Посредничество в разрешении конфликтов: Теория и технология (пер. с нем. Яковлевой Е.): моногр. – М.: Гостехиздат, 2018. – 144 с.
2. Гринь Е.А., Иванчик И.С. Мировое соглашение при процедуре банкротства // В сборнике: Государство, право и общество: вопросы теории и практики. Материалы второй Всероссийской научно-практической конференции. – 2020. – С. 91-99.
3. Гринь Е.А. Роль третейского суда при разрешении экономических споров в агропромышленном комплексе // В сборнике: Правовое обеспечение агропромышленного комплекса. Сборник трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции. – 2019. – С. 107-111.

SOME FEATURES OF THE MEDIATION PROCEDURE

E.R. Ivashchenko, Student

**Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilina
(Russia, Krasnodar)**

Abstract. *The article is devoted to the study of some features of the mediation procedure. The definition of mediation is given, the provisions of the Federal Law "On Mediation" are analyzed. The forms of mediation are also disclosed, and in conclusion, the author suggests improving legislation in this area. The author highlights some features of mediation procedure as an alternative way of dispute resolution. This topic is relevant in the modern world, the scientific literature on the given problem is being studied, as well as practical domestic experience.*

Keywords: *mediation, mediation, arbitration process, arbitration court, court, law, international arena.*

УНИФИКАЦИЯ В ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Е.Р. Иващенко, студент

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина
(Россия, г. Краснодар)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-130-133

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопросов о некоторых особенностях унификации международного частного права в торговых отношениях. Данная тема актуальна в современном мире, исследуется научная литература по заданной проблеме, а также практический отечественный опыт. Проанализированы сильные и слабые стороны данного вопроса, а также автором предложено изменить некоторые положения в данной сфере рассмотрения. Детально рассмотрена специфика и своеобразие международного частного права, которое заключается в том, что в нем сочетаются различные по характеру, структуре – национальные коллизионные нормы, унифицированные коллизионные нормы и унифицированные нормы материального права.

Ключевые слова: международное частное право, унификация права, международный договор, унификационные нормы, международное право, отечественное право, коллизия.

Унифицированные материально-правовые нормы начали появляться на рубеже XIX-XX веков и активно развиваются и по сей день. Стремление к созданию единообразной системы права международных контрактов возродило существовавшую в средневековой Европе идею единого режима, не зависящего от внутринационального права, в виде формирования современного *lex mercatoria*. В отечественной доктрине данный феномен подробно не исследован, особенно это касается современного периода глобализации экономики и стремления к созданию автономного правового порядка для оформления международных коммерческих отношений [3].

Если рассматривать конкретно международную унификацию и гармонизацию торгового права, то под этим феноменом понимается выработка для 2 и более стран общих, единых единообразных норм и правил регулирования прежде всего частных торговых отношений. Правовая унификация – означает согласование и обязательное введение в действие в 2 и более государствах идентично-одинаковых правовых норм; таким образом, унификация возможна только на межгосударственном уровне.

Проблема выражается при приведении отечественного регулирования «к единому

знаменателю». Это некоторого рода коллизия, но этот результат возможно получить благодаря совместными усилиями не только представителей гос. власти, но и научных исследователей, специалистов в сфере юриспруденции и т.д.

Возникновение и становление унификации права международной торговли обуславливалось несколькими факторами: во-первых, ускоренным развитием в течение второго периода унификации международных межгосударственных отношений и международных связей национальных хозяйствующих субъектов; во-вторых, осознанием необходимости единообразного правового регулирования таких международных коммерческих отношений; в-третьих, осознанием невозможности средствами только национального права обеспечить адекватное регулирование международных коммерческих отношений; в-четвертых, признанием недостаточности коллизионного метода регулирования отношений с иностранным элементом. Каждый этап развития правового регулирования международных коммерческих контрактов связан с эволюцией роли государства в мирохозяйственных экономических отношениях.

Также хочется отметить важность участия РФ конвенциях, т.к. согласованность действий не только означало бы достиже-

ние в региональной унификации коллизионных норм, но и способствовало бы тем самым сближению с правовым режимом, существующим на универсальном и региональном уровнях. Но, в свою очередь, следует не забывать о том, что нормы СНГ не достигли желаемого результата, поэтому в дальнейшем при разработке каких-либо подобных норм, следует учитывать прошлый опыт.

В первую очередь, стоит овладеть терминологией о унификации права, а уже потом делать акцент на рассмотрении проблем унификации международного частного права в настоящем исследовании. Поэтому отметим, что унификация права является специфичным процессом выработки законодателем однообразных, однородных норм законодательства в разных странах при заключении международных договоров и соглашений.

Законные обязанности стран-участников, которые имеют связующее звено с изменением своего законодательства таким образом, чтобы их право соответствовало с нормами международного договора.

Отметим основную отличительную черту унификации права. Она выражается в том, что проходит одновременно на двух уровнях, а именно в отечественном и международном праве. В международном праве – это выражается в связи с заключением международного договора., а в отечественном праве когда реализуются нормы заключенного договора во внутригосударственную правовую систему. Следовательно, унификация выражается в некотором сотрудничестве между странами в целях реализации механизма регулирования отношений в области общих интересов государств.

Возможно, стоит принять некоторые конвенции на международном уровне, которые реализовали и формировали бы вы унификацию права.

Факторы международного содержания в период глобализации довольно часто встречаются в области прав и законных интересов граждан или их коммерческой деятельности в сфере их защиты. Конвенции, которые были разработаны и приняты

различными странами-участниками или международными организациями, содержащие в себе частные правовые нормы, являются важными источниками права для государств.

Если государство участвует в таких документах, то оно берет на себя обязанность полностью реализовывать выполнение всех аспектов, которые прописаны в данном договоре, государство-участник должно исполнить основные положения договора с учётом коллизионных норм своего законодательства. Отметим, что в систему источников частного международного права входят нормы, которые провозглашены конкретной страной самостоятельно.

Международный договор в области международного частного права, как и любой другой международный договор, имеет прямое отношение к международному праву. Предметом договора международного частного права являются отношения между странами-участницами по выработке определенного единого правового регулирования частноправовых отношений.

В важнейших сферах международного общения можно отметить активное расширение связи межгосударственных и частноправовых отношений, например, в сфере экономического сотрудничества [1].

Это сотрудничество осуществляется с помощью ряда международных торговых соглашений и внешнеэкономических договоров частного правового характера, участниками которых являются юридические лица соответствующих государств. Необходимо проводить четкое разграничение межгосударственных и частноправовых отношений, не допускать стирания границ между ними, их смешения или отождествления.

Упомянутая особенность коллизионных норм, самостоятельно издаваемых государством, в еще большей степени присуща нормам международного частного права, заложенным в порядке унификации международных договоров. Они становятся составной частью отечественного правового порядка, их содержание определяется соглашением, волеизъявлением стран, участ-

вующих в государственном договоре. Расширению унификации способствовало активное развитие международного сотрудничества наряду с коллизионными нормами.

Установление материально-правовых норм на глобальном международном уровне позволяет решить определенные задачи:

1) Формируется унифицированное правовое регулирование, которое является общим для участников международного сотрудничества;

2) Унифицированные материально-правовые нормы создаются для упорядочения частных правовых отношений с участием «иностранный элемент»;

3) При непосредственном применении унифицированных материально-правовых норм не нужно оперировать коллизионными нормами с целью поиска применимого права. Принятие международных конвенций – это лишь одна из форм унификации международного права. Существуют и другие виды со своими аспектами. Зачастую имеются существенные различия в национальных правовых системах стран, усложняющие поиски унифицированных норм [2].

Под унифицированными нормами следует понимать единообразные правовые нормы, принятые отдельными странами, имеющими в этом заинтересованность, с целью устранения разнородных положений внутреннего законодательства. Унификация норм международного частного права позволяет решить некоторые проблемы, непосредственно связанные с коллизионными нормами, прежде всего, создание одинаковых норм во внутреннем (национальном) праве разных стран. Сотрудничество государств, оформленное международным договором, является надежным способом создания единых норм. Подписание и ратификация соответствующих международных конвенций зачастую занимает несколько лет.

Библиографический список

1. Канашевский В.А. Международное частное право. Учебник. – М.: Международные отношения, 2019. – 1064 с.
2. Петрова Г.В. Международное частное право. Учебник для академического бакалавриата. В 2-х томах. Том 1. – М.: Юрайт, 2019. – 396 с.

Достижение единообразия в регулировании частноправовых отношений в сфере международных коммерческих контрактов на региональном уровне странами ЕС осуществляется методами, которые можно охарактеризовать как общепринятые в мире, а также методами, которые свойственны только ЕС. При этом и на универсальном, и на региональном уровне используются методы международно-правовой и частноправовой унификации.

С помощью общепринятых методов международно-правовой унификации достигнуто единообразное регулирование коллизионных вопросов. Свойственные только ЕС методы региональной унификации частного права реализуются в рамках вторичного права ЕС следующим образом:

- через директивы, предписывающие принятие государствами национального законодательства;
- через регламенты;
- через прецедентное право;

Также хочется сделать акцент на том, что в ходе анализа Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 N 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» автор пришёл к выводу, что необходимо расширить применение принципа УНИДРУА не только коммерческими, но и государственными судами.

Таким образом, специфика и своеобразие международного частного права заключается в том, что в нем сочетаются различные по характеру, структуре, назначению и способу возникновения и функционирования нормы - национальные коллизионные нормы, унифицированные коллизионные нормы и унифицированные нормы материального права. На наш взгляд, стоит ускорить процесс подписания и ратификации международных конвенций, что ускорит процесс унификации права в целом.

3. Вилкова Н.Г. Договорное право в международном обороте. – М.: Статут, 2002. – 511 с.

UNIFICATION IN TRADE RELATIONS

E.R. Ivashchenko, *Student*

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilina
(Russia, Krasnodar)

***Abstract.** The article is devoted to the study of the issues of some of the peculiarities of the unification of private international law in trade relations. This topic is relevant in the modern world, the scientific literature on a given problem is being studied, as well as practical domestic experience. The strengths and weaknesses of this issue are analyzed, and the author also proposes to change some provisions in this area of consideration. The specifics and uniqueness of international private law are considered in detail, which consists in the fact that it combines different in nature, structure – national conflict of laws norms, unified conflict of laws norms and unified norms of substantive law.*

***Keywords:** private international law, unification of law, international treaty, unification norms, international law, domestic law, conflict.*

О НЕОБХОДИМОСТИ ВОЗВРАЩЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЯ ПРОКУРОРУ НА ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

И.И. Ишбулатов, магистрант

Научный руководитель: *Е.С. Папышева*, канд. юрид. наук, старший преподаватель
Уфимский университет науки и технологий
(Россия, г. Уфа)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-134-138

Аннотация. В данной научно-исследовательской работе рассматривается вопрос о возвращении прокурору права на возбуждение уголовного дела. Автор на основе изучения законодательства, судебной практики и статистики, а также научных работ приводит доводы в пользу наделения прокурора правом на возбуждение уголовного дела. Также в данной работе автор обосновал, что прокурор ограничен в правах по надзору за органами предварительного расследования, а именно, в части, касающейся незаконного отказа от возбуждения уголовного дела, в связи с чем прокурор не может в полной мере осуществлять защиту прав лиц, потерпевших от преступления, от незаконных действий органа предварительного расследования.

Ключевые слова: прокурор, прокурорский надзор, полномочия прокурора, возбуждение уголовного дела, дознание, органы предварительного расследования, нарушение прав граждан.

Актуальность данной исследовательской работы обусловлена отсутствием у прокурора полномочия возбуждать уголовные дела, в связи с чем на практике нередко проявляются нарушения прав потерпевших от преступления, а также на этой почве нередко затягиваются уголовно-процессуальные сроки, из-за чего становится невозможным правильно установить события преступления, эффективно и вовремя произвести предварительное расследования. В научной доктрине считается, что необходимо вернуть утраченные прокурором право возбуждать уголовные дела.

Еще с советского периода у прокурора были полномочия возбуждать уголовные дела. Федеральным законом от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ о внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» в 2007 году следственный орган при прокуратуре и надзорный орган были разделены. Тогда и возник Следственный комитет Российской Федерации. Однако несмотря на то обстоятельство, что до 2011 года Следственный комитет все еще работал в структуре прокуратуры, а не как

отдельное ведомство, прокуратура уже тогда была лишена права возбуждать уголовные дела.

Многие ученые и процессуалисты приходят к выводу, что Прокуратуру Российской Федерации необоснованно лишили прав, а именно права на возбуждение уголовного дела. Дискуссии по вопросу о возможности наделения прокурора правом возбуждать уголовные дела продолжаются и по сей день.

К примеру, А. Соловьев и М. Токарева, исследуя положения УПК РФ, пишут: «Оптимально было бы восстановить имевшиеся у прокурора ранее права по личному усмотрению выявленных им нарушений закона путем возбуждения им уголовного дела и отмене незаконного решения следователя об отказе в возбуждении уголовного дела» [5].

Также профессор В.В. Дорошков указывает: «прокурор ныне не наделен правом возбуждения дел подобной категории и вынужден выступать в роли простого статиста, переправляя такие материалы органам предварительного следствия. Закон также не позволяет прокурору возбудить уголовное дело в отношении следователей, руководителей следственных орга-

нов за иные преступления против правосудия» [6].

Заместитель Генерального Прокурора Российской Федерации приводя данные на основе статистики, связанные с нарушениями прав потерпевших от преступления в связи с необоснованными отказами в возбуждении уголовного дела, отмечал: «только предоставление прокурору права своим постановлением не просто отменить незаконное постановление следователя об отказе в возбуждении уголовного дела, но и возбудить уголовное дело станет серьезной гарантией соблюдения прав потерпевших на судебную защиту и доступ к правосудию, а также пресечения фактов превышения полномочий» [7].

Федеральный закон от 28.12.2010 N 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия» внес новое основание для возбуждения уголовного дела, а именно – п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ: «постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании».

Федеральный закон от 27.12.2019 N 499-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» дополнил п. 43 ст. 5 УПК РФ. Согласно этим нововведениям закона, вышеуказанное постановление является сообщением о преступлении.

Исходя из этого у меня возникает вопрос, почему в ч. 1 ст. 140 УПК РФ есть основание для возбуждения уголовного дела в виде «сообщения о преступлении», а также одновременно «постановление прокурора», хотя на основании п. 43 ст. 5 УПК РФ мы можем полагать, что это одно и то же.

Возможно, постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании должно было быть более сильным юридическим основанием для возбуждения уголовного дела, но так ли это

на практике, я, к сожалению, данными не обладаю.

Исходя из вышеприведенных положений мы видим, что прокурор на стадии выявления возможного преступления и решения о вопросе возбуждения уголовного дела оказывается в положении равнозначным с обычными гражданами, хотя прокурор должен осуществлять надзор за законностью проведения предварительного расследования.

Изучив судебную практику по статье 125 УПК РФ, а также обзор судебной практики кассационных судов общей юрисдикции по рассмотрению материалов в порядке ст. 125 УПК РФ я пришел к выводу, что на сегодняшний день сложилась такая отрицательная практика касательно органов дознания и органов предварительного расследования, особенно в системе органов внутренних дел, что зачастую такие органы бездействуют на факт произошедших преступлений и сообщений о преступлениях. Возможно, это связано с тем, что следователям и дознавателям хватает и своих активно ведомых производств, может быть и другие причины, но это не важно, поскольку в любом случае закон должен быть на стороне потерпевших от преступления лиц. На мой взгляд, граждане не должны страдать от бюрократии исполнительной власти.

По данным судебной статистики на сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации в 2021 г. из 113 147 жалоб на действия должностных лиц досудебного производства, поданная в порядке ст. 125 УПК РФ было удовлетворено только 4533, что составило всего 4% от общего числа поданных жалоб. В 2020 г. из 106 736 поданных жалоб удовлетворено только 4469, что составляло те же 4%. В 2019 г. из 119 775 жалоб удовлетворено 5301, то есть 4,42%. На основе анализа судебной статистики рассмотрения уголовных дел в апелляционных и кассационных инстанциях известно, что такие инстанции зачастую придерживаются позиции первой инстанции. Поэтому можно сказать, что потерпевшие от преступления лица, оказавшиеся жертвами бездействия следственных органов и органов дознания, не

могут найти поддержки со стороны судебной власти.

Адвокат Адвокатской палаты Вологодской области, адвокат Первой Вологодской коллегии адвокатов Порошин Василий на основе своей практики приводит проблемы обжалования действий следственных органов и органов дознания в судебном порядке в рамках ст. 125 УПК РФ. Он приводит три тезиса касательно проблемы правоприменения в таких случаях:

1. Суды не всегда находят нужным исправлять допущенные органами расследования ошибки.

2. Суды могут незаконно игнорировать обоснованные жалобы адвоката, приведенные в рамках 125 УПК РФ.

3. Также суды допускают грубое нарушение процессуальных сроков рассмотрения дел в рамках 125 УПК РФ. [8]

Если граждане не находят защиту своих законных конституционных прав, связанных с незаконными действиями (бездействием) со стороны следственных органов и органов дознания, они, конечно же, обратятся к прокурору. Однако, вследствие ограниченности своих процессуальных прав и полномочий, прокуроры зачастую оказываются не в состоянии помочь.

Приведу в пример определение Верховного Суда РФ по делу №36-УДП14-1. В рамках этого дела заместитель Генерального прокурора Российской Федерации Кехлеров С.Г. внес кассационное представление с требованием о признании незаконным постановление следователя о продлении срока расследования по уголовному делу до 41 месяца. Судебная коллегия представление заместителя Генерального прокурора удовлетворила, указала на допущенные ошибки судами нижестоящей инстанции. Представляется, что добиться отмены незаконного постановления следователя возможным стало только за счет того, что с кассационным представлением обратилась Генеральная прокуратура РФ [3].

Также хотелось бы обратить внимание на особенность отмены постановления об отказе в возбуждения дела прокурором. В случае, если имеются основания для отка-

за в возбуждении уголовного дела, предусмотренных ст. 24 УПК РФ, то руководитель следственного органа, следователь, орган дознания или дознаватель выносит постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в соответствии с ч. 1 ст. 148 УПК РФ. На основании ч. 4 данной же статьи копия постановления в течении 24 часов направляется прокурору и заявителю.

Если отмена данного постановления касается дознавателя или органа дознания, то все предельно просто – прокурор на основании ч. 6 ст. 148 УПК РФ вправе самостоятельно отменить такое постановление, если усматривает незаконность его вынесения путем вынесения мотивированного постановления начальнику органа дознания. Однако, если отмена постановления касается следователя или руководителя следственного органа, то все намного сложнее. В соответствии с той же самой ч. 6 ст. 148 УПК прокурор также направляет мотивированное постановление, в данном случае руководителю следственного органа. И, в силу ч. 4 ст. 39 УПК РФ руководитель следственного органа может не согласиться с требованиями прокурора, о чем выносит мотивированное постановление прокурору. Далее прокурор, руководствуясь положениями ч. 6 ст. 37 УПК РФ, вынужден будет обратиться к вышестоящему следственному органу, а если его требования не удовлетворят, то уже к Председателю Следственного комитета Российской Федерации или руководителю следственного органа федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти). Если даже в таком случае, его требования не найдут отклика, прокурор может обратиться к Генеральному прокурору РФ, чье решение будет окончательным. Как уже показала практика, нередки те случаи, когда сотрудники следственных органов допускают злоупотребление должностными полномочиями, а также недобросовестное или вообще неисполнение уголовно-процессуальных обязанностей.

На этом основании я прихожу к выводу, что прокуратура по действующему законодательству значительно утратила свою

значимость на стадии досудебного производства. Прокурор, который по смыслу закона должен осуществлять надзор за законностью проведения предварительного расследования потерял влияние и контроль за ходом проведения предварительного расследования, потеряла возможность в должной мере реагировать на факт необоснованного отказа в возбуждения уголовного дела. Что подводит статус прокурора до обычного заявителя, в случае обнаружения им незаконных действий в рамках предварительного расследования.

Подводя итог, хотелось бы сказать, что я склоняюсь к позиции ученых и процессуалистов, которые считают, что прокурорам необходимо вернуть право возбуждения уголовного дела. Поскольку это существенно усилило бы процессуальную роль прокурора в досудебной стадии, и тем самым не только решило бы вышеописанные проблемы, а именно: прокурор получил бы возможность самостоятельно реагировать

на факт обнаруженных составов преступлений, тем самым минуя бюрократические стадии возбуждения уголовного дела, когда материалы пришлось бы отсылать из одного органа в другой, тем самым, на мой взгляд, данное заметно ускорилось бы процессуальные сроки принятия решений по выявленным преступлениям, что в свою очередь, повысило бы качество проведения предварительного расследования; также уменьшились бы случаи незаконного отказа дознавателя или следователя от возбуждения уголовного дела, поскольку, как я уже приводил выше, на практике нередко встречаются ситуации, при которых дознаватели и следователи в силу некомпетентности не усматривают состава преступления и отказываются в возбуждении уголовного дела, а отменить такое решение, если такое касается следователей и органов предварительного расследования, прокурору на практике представляется сложным.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 21.12.2022).
2. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 05.12.2022) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 21.12.2022).
3. Определение Верховного Суда РФ по делу №36-УДП14-1 от 01 октября 2014 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=607630.
4. Обзор судебной практики кассационных судов общей юрисдикции по рассмотрению материалов в порядке ст. 125 УПК РФ // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fparf.ru/practical-information/ugolovnoe-sudoproizvodstvo/obzor-sudebnoy-praktiki-kassatsionnykh-sudov-obshchey-yurisdiktzii-po-rassmotreniyu-materialov-v-por/>.
5. Соловьев, А. Б. Необходимо восстановить властно-распорядительные полномочия прокурора в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства / А. Б. Соловьев, М. Е. Токарева // Уголовное право. – 2011. – № 4. – С. 98-104. – EDN MOAYWN.
6. Дорошков, В. В. Общие и специальные полномочия прокурора в уголовном процессе // Мировой судья. – 2015. – № 11. – С. 13-19. – EDN UNNVFH.
7. Зайцев, С. П. Актуальные проблемы защиты прав граждан в уголовном судопроизводстве // Законность. – 2012. – № 8 (934). – С. 3-6. – EDN PBJDER.
8. Порошин В.Ю. Почему ст. 125 УПК зачастую «не работает». О необходимости дополнительных гарантий при рассмотрении судами жалоб // Адвокатская газета (периодическое печатное издание). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/pochemu-st-125-upk-zachastuyu-ne-rabotaet/>.

ON THE NEED TO RETURN THE POWERS OF THE PROSECUTOR TO INITIATE A CRIMINAL CASE**I.I. Ishbulatov**, *Graduate Student***Supervisor:** *E.S. Papyшева, Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer***Ufa University of Science and Technology****(Russia, Ufa)**

Abstract. *In this research paper, the issue of returning the right to initiate criminal proceedings to the prosecutor is considered. The author, based on the study of legislation, judicial practice and statistics, as well as scientific works, argues in favor of giving the prosecutor the right to initiate criminal proceedings. Also in this work, the author justified that the prosecutor is limited in the rights to supervise the preliminary investigation bodies, namely, in the part concerning the illegal refusal to initiate criminal proceedings, in connection with which the prosecutor cannot fully protect the rights of persons who have suffered from a crime from illegal actions of the preliminary investigation body.*

Keywords: *prosecutor, prosecutor's supervision, prosecutor's powers, initiation of criminal proceedings, inquiry, preliminary investigation bodies, violation of citizens' rights.*

АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ВОПРОСУ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

А.С. Карповец, студент

С.В. Старцева, старший преподаватель

Самарский государственный экономический университет
(Россия, г. Самара)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-139-142

Аннотация. В данной научной статье рассмотрена и проанализирована судебная практика, связанная со спорами о компенсации морального вреда в РФ в 2022 году, выявлены основные причины обращения в суд истцов. Были сделаны выводы по среднему размеру компенсации, подлежащей к взысканию с ответчиков, и по тому, насколько объективной является практика по определению размера компенсации.

Ключевые слова: анализ, судебная практика, гражданское право, моральный вред, компенсация.

В юридической науке достаточно неоднозначным является вопрос компенсации морального вреда. В ГК РФ под моральным вредом понимаются физические или нравственные страдания, причиненные гражданину нарушением его личных нематериальных прав или посягательством на его нематериальные блага (ст. 151) [1]. Сложность в изучении данного вопроса возникает в том, что законом не установлены конкретные размеры сумм, которые должны быть возмещены при установлении факта причинения морального вреда. Вследствие чего в каждом конкретном деле сумма устанавливается индивидуально соразмерно степени вины нарушителя, последствиям причиненного ущерба пострадавшему лицу и иным обстоятельствам.

Дел в данной категории значительное количество. В связи с этим для анализа гражданских дел, рассмотренных судами РФ в 2022 году по вопросу о компенсации морального вреда, были отобраны 7 показательных.

П-в обратился в Ш-кий районный суд с иском к Министерству внутренних дел РФ и УМВД России по Белгородской области о взыскании компенсации морального вреда в сумме 100000 руб., указав на то, что он был незаконно привлечен к административной ответственности, отбыл наказание в виде лишения права управления транспортным средством сроком на 4 месяца. Истец сослался на то, что ему бы-

ли причинены моральные и нравственные страдания. Суд частично удовлетворил требование о компенсации морального вреда в размере 16000 руб., так как очевидно, что лицо в результате лишения специального права и возбуждения против него дела об административном правонарушении испытывало нравственные страдания. Здесь можно заметить, что сумма возмещения гораздо меньше заявленной и желаемой истцом [2].

Т-в ФИО1, будучи сотрудником полиции, обратился в Ш-кий районный суд с требованием о взыскании компенсации морального вреда с Т-ва ФИО2 в связи с тем, что тот целенаправленно в присутствии посторонних лиц подверг ФИО1, лицо, находящееся при исполнении должностных обязанностей и заметившее признаки административного правонарушения, публичным оскорблением, нецензурной брани, унижающей честь и достоинство. Суд удовлетворил требование истца, и постановил взыскать с ФИО2 моральную компенсацию в сумме 10000 руб. [3].

Ш-кий районный суд справедливо отказал в удовлетворении иска ФИО1, отбывающему наказание в исправительной колонии 17, к ФКУ ИК-17 УФСИН России по Вологодской области, ФСИН России, Министерству финансов РФ о признании бездействия органа государственной власти незаконными, о возмещении морального вреда в связи с тем, что директор

ЦТАО ФИОЗ отказал ему в трудоустройстве на швейном производстве. Истец ссылаясь на то, что своим отказом администрация лишает ФИО1 права на пенсионный стаж, возможности приобрести вещи первой необходимости. В данном деле суд оставил исковые требования без удовлетворения, так как ФИО1 не имеет квалификации швеи, а согласно установленному распорядку исправительного учреждения, наличие специальности обязательно [4].

Ч-кой городской суд Пермского края удовлетворил иск ФИО2 к ФИО1 о возмещении морального вреда: истица была публично избита, впоследствии ей не хотелось выходить из дома из-за наличия синяков на лице, был нарушен её привычный образ жизни. Суд счёл справедливым возместить истице 10000 руб., так как нет сомнения в том, что ФИО2 были причинены нравственные страдания, чувство унижения и обиды [5].

ФИО3 обратился в Ш-кий районный суд Курганской области с исковым заявлением к ФИО2 о компенсации морального вреда в размере 150000, указав, что он проводил деловую встречу на территории кафе с коллегой-юристом, затем к ним подошел ФИО2 и начал фотографировать, на просьбу истца удалить незаконно сделанные фотографии ФИО2 начать его оскорблять и показал неприличный знак рукой. Всё это было совершенно в присутствии других людей, и истец, будучи публичной фигурой, испытал чувство подавленности. Суд назначил компенсацию морального вреда в размере 3000 руб. Это дело является показательным в плане определения размера компенсации: можно заметить, что по сравнению с предыдущими делами, здесь достаточно небольшое взыскание. Это связано с характером высказываний в сторону истца. Возможно, суду стоило бы принять во внимание тот факт, что истец является известным человеком, что этот инцидент мог сильно отразиться на его репутации [6].

ФИО1 обратилась в Ш-кий районный суд Республики Хакасия с заявлением к ПАО «Коммунарковский рудник» о взыскании компенсации морального вреда,

причиненного профессиональным заболеванием. В результате работы на предприятии истице был причинен вред здоровью, что причинило ей нравственные страдания, в частности из-за невозможности вести полноценный образ жизни. ФИО1 требует взыскать с ПАО «Коммунарковский рудник» 350000 руб. Суд удовлетворил исковые требования в виде компенсации морального вреда в размере 250000 руб. [7].

Прокурор Щ-го района Курганской области, действуя в интересах несовершеннолетней ФИО1, обратился в Щ-кий район Курганской области с иском к ГБУ «Санаторий «Озеро Горькое»» о возмещении компенсации морального вреда в связи с тем, что, находясь на территории санатория ФИО1, во время прогулки получила травму – закрытый перелом правых локтевых и лучевых костей. Так как в момент получения травмы ФИО1 находилась под надзором ГБУ «Санаторий «Озеро Горькое»», истец просит взыскать с ответчика компенсацию за моральные страдания в размере 80000 руб. Суд удовлетворил требования истца и постановил взыскать заявленную сумму с ответчика [8].

Из двух предыдущих дел видна закономерность: размер компенсации больше в тех случаях, где причинен сильный ущерб здоровью.

Среди 22 изученных нами дел 1 связано с возмещением морального вреда в связи с причинением ущерба здоровью в результате неосторожности (иск удовлетворен), 3 связано с причинением телесных повреждений средней тяжести (иски удовлетворены) и легких телесных повреждений, 6 дел связаны с нарушением прав истца как потребителя, один иск не удовлетворен, 1 дело связано с нарушением трудовых прав, иск удовлетворен, 2 дела связаны с компенсацией морального вреда в порядке защиты чести и достоинства, в удовлетворении отказано, 2 дела связано с получением травм и профессиональных заболеваний на рабочем месте, иски удовлетворены, 7 дел – иного характера [10]. Самые распространенные категории дел – иски по защите прав потребителей и иски, связанные с нанесением ущерба здоровью. По 3

из 22 двух дел было отказано в удовлетворении требований, что составляет 13,6% от рассмотренных дел. Можно сделать вывод о том, что вероятность того, что истцу будет выплачена компенсация морального вреда, велика.

Результаты проведенного анализа показывают, что в целом практика установления размера компенсации морального вреда устоявшаяся. В делах из одной категории размер компенсации варьируется не

сильно. Однако наблюдается тесная связь размера компенсации с причиненными истцу физическими страданиями. Так как моральный вред непосредственно не связан со здоровьем, стоит оценивать глубину причиненных нравственных страданий по другим критериям: например, в соответствии с личностными особенностями истца, с наличием факта оскорбления или унижения и другими обстоятельствами, имеющими вес.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994.
2. Решение № 2-138/2022 (2-1823/2021;)-М-1718/2021 2-1823/2021 М-1718/2021 от 2 февраля 2022 г. по делу № 2-138/2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/sq7KH7OZV1lw/>.
3. Решение № 2-1938/2021 2-248/2022(2-1938/2021;)-М-1897/2021 М-1897/2021 от 2 февраля 2022 г. по делу № 2-1938/2021. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/vhis9ru7Fllw/>.
4. Решение № 2-43/2022 2-43/2022(2-847/2021;)-М-1003/2021 2-847/2021 М-1003/2021 от 7 февраля 2022 г. по делу № 2-43/2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/rv0b4ZfMLKoU/>.
5. Решение № 2-1829/2021 2-29/2022 2-29/2022(2-1829/2021;)-М-1837/2021 М-1837/2021 от 8 февраля 2022 г. по делу № 2-1829/2021. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/979DMHJ87vbm/>.
6. Решение № 2-137/2022 2-137/2022(2-2008/2021;)-М-1973/2021 2-2008/2021 М-1973/2021 от 9 февраля 2022 г. по делу № 2-137/2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/Lmfa23ucij58/>.
7. Решение № 2-97/2022 2-97/2022-М-28/2022 М-28/2022 от 15 февраля 2022 г. по делу № 2-97/2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/NK61EbMPOHJP/>.
8. Решение № 2-101/2022 2-101/2022(2-807/2021;)-М-698/2021 2-807/2021 М-698/2021 от 9 февраля 2022 г. по делу № 2-101/2022 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uIsXcS19iGLY/>.
9. Обобщение судебной практики по делам, связанным с компенсацией морального вреда, рассмотренным судами Рязанской области в 2007-2008 годах // Информационно-правовой портал Гарант. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/36022051/>.

ANALYSIS OF JUDICIAL PRACTICE ON THE ISSUE OF COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE

A.S. Karpovets, *Student*

S.V. Startseva, *Senior Lecturer*

**Samara State University of Economics
(Russia, Samara)**

***Abstract.** In this scientific article, judicial practice related to disputes on compensation for moral damage in the Russian Federation in 2022 is considered and analyzed, the main reasons for the plaintiffs' appeal to the court are identified. Conclusions were drawn on the average amount of compensation to be recovered from the defendants, and on how objective the practice of determining the amount of compensation is.*

***Keywords:** analysis, judicial practice, civil law, moral damage, compensation.*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПРАВА СОВМЕСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ СУПРУГОВ

Е.В. Катаева, магистрант
Волгоградский государственный университет
(Россия, г. Волгоград)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-143-146

Аннотация. В настоящей статье исследуется категория «совместная собственность». Раскрывается понятие совместно нажитого имущества, объясняется состав и правовая природа исследуемой категории. Рассматриваются вопросы правовой регламентации, возникновения прав на имущество. Описываются различные подходы к определению понятия общей совместной собственности, его состава. Автор приходит к выводу о том, что законодатель абсолютно обоснованно приравнивает друг к другу понятия «общее имущество супругов» и «совместная собственность супругов», так как объектами права собственности могут являться как какие-либо объекты материального мира, так и различные имущественные права, в том числе ограниченные вещные права и права требования.

Ключевые слова: общая совместная собственность, объекты гражданских прав, возникновение права, правовое регламентирование института совместной собственности.

Категория «совместная собственность супругов», закрепленная в законодательстве Российской Федерации (в частности, в Семейном кодексе РФ), не всегда имела место быть в том виде, в котором она существует сейчас. На протяжении развития российского законодательства обозначение рассматриваемого института неоднократно претерпевало изменения. Немаловажным фактором здесь является и то, что Российская Федерация является правопреемником СССР, а потому можно говорить не только об одном обществе, территории, на которой формировались общественные отношения, но вместе с ними и о единой линии развития законодательных актов СССР и РФ. Именно это в конечном итоге привело к спорным вопросам, касающимся категории «совместная собственность супругов».

На данный момент в действующем Семейном кодексе Российской Федерации под совместной собственностью супругов понимается то же, что ранее понималось в КоБС СССР и Кодексе законов о браке, семье и опеке РСФСР: имущество, нажитое супругами во время брака [1]. Однако здесь стоит отметить, что при этом законодатель в статье 256 ГК РФ устанавливает возможность ограничения признания

имущества совместной собственностью: «имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью, если договором между ними не установлен иной режим этого имущества» [2].

Закрепление данного положения может послужить основанием к выводу о том, что несмотря на сохранение законодателем терминологии, а также содержания права совместной собственности супругов, законодатель все же пошел дальше и учел при регламентации данного института развитие договорных отношений, существующих в современном гражданском обществе.

На данный момент граждане Российской Федерации имеют возможность получать доходы не только от трудовой деятельности, но и от любой другой деятельности, не запрещенной российским законодательством. Так, например, граждане имеют право получать доходы также от предпринимательской и иной не запрещенной законом деятельности, в том числе от интеллектуальной [3]. Исходя из этого, мы имеем возможность говорить о реальном увеличении количества источников доходов граждан, что получило закрепление на законодательном уровне.

Этот факт вызывает интерес к качественному составу общего супружеского имущества, который, в свою очередь, имеет непосредственное влияние на содержание права совместной собственности супругов. А потому представляется необходимым проведение анализа состава такого имущества, а также выделение конкретных источников его формирования.

В первую очередь стоит обратиться к прямому указанию закона на источники формирования общего супружеского имущества. Так, Семейный кодекс Российской Федерации в ч.1 ст.34 относит к такому имуществу любое имущество, нажитое супругами во время брака. Из приведенных обстоятельств логично вытекает, что к источникам формирования имущества супругов могут быть отнесены доходы разных видов. Однако во второй части упомянутой статьи законодатель указывает конкретный перечень источников его формирования:

- доходы каждого из супругов от трудовой деятельности;
- доходы каждого из супругов от предпринимательской деятельности;
- доходы от результатов интеллектуальной деятельности;
- пенсии, пособия;
- иные денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения.

Помимо источников формирования общего имущества супругов, Семейный кодекс РФ также определяет его состав. Так, ст.34 Семейного кодекса к данному перечню относит:

- движимые и недвижимые вещи;
- ценные бумаги;
- паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или в иные коммерческие организации;
- любое другое имущество.

Анализируя состав общего имущества супругов, хотелось бы обратить внимание на последний пункт («любое другое имущество»), свидетельствующий об открытости перечня такого имущества. Это является очень важной его характеристикой, благодаря которой в состав имущества возможно включение имущественных прав, в том числе и ограниченных. Рас-

сматривая этот вопрос, в пример можно привести различные виды сервитутов.

Продолжая анализ ч.2 ст.34 СК РФ, необходимо также обратить внимание на следующие обстоятельства. Рассматриваемая статья указывает только на «актив» имущества супругов, который представляет собой наличные имущественные блага, но никак не освещает его «пассив», то есть супружеские долги.

Рассматривая указанную проблему, следует обратиться к положениям статьи 39 Семейного кодекса РФ. В указанной норме закрепляется правило: общие долги супругов при разделе общего имущества распределяются между супругами пропорционально присужденным им долям. Данное обстоятельство исследователи рассматривают в качестве признания законодателем существования общих долгов супругов, что может послужить основанием к теоретическому включению такого имущественного «пассива» в состав общего супружеского имущества.

Стоит отметить, что суды также придерживаются указанного мнения. Примером может послужить кассационное определение Тюменского областного суда, содержащее следующее положение: «под совместным имуществом супругов следует понимать не только вещи, но и имущественные права, а также обязательства (долги) супругов» [4].

Аналогичной точки зрения придерживаются и современные исследователи. Например, М.В. Антокольская, рассматривая данный вопрос в своем учебнике по семейному праву, указывает на необходимость включения в совместное имущество супругов их общих долгов [5].

Правильность данной позиции можно обосновать тем, что лица, состоящие в брачных отношениях, ведут совместную хозяйственную деятельность. В ходе нее супруги наживают вместе не только имущество, но также и долги (например, в случае открытия кредита на приобретение дорогостоящего имущества).

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что супружеское имущество – это не только благо, позволяющее одному супругу претендо-

вать на имущество, приобретенное другим супругом во время брака, но и бремя супругов, налагающее на них определенные обязательства.

Необходимо также указать на еще одну концепцию, получившую активное развитие в последнее время. Ее особенность заключается в присущей ей комплексности, благодаря которой она получила наименование «теория множественности объектов гражданских прав». Содержание данной концепции заключается в выделении двух уровней таких объектов: объект – поведение субъекта правоотношения; и объект – имущественные и неимущественные блага, на которые направлено поведение субъектов правоотношения [6].

Необходимо отметить, что различные российские и мировые ученые, и правове-ды, по-разному обосновывают свое понимание объектов права в теоретическом плане. Так, обосновывая свое понимание юридических концептов и категорий, Ж.-Л. Бертель справедливо отметил системообразующий характер общих правовых принципов и понятий [7].

Анализ приведенных выше концепций к пониманию объектов права собственности (в том числе и права совместной собственности супругов) позволяет сделать вывод о том, что вторая позиция, заключающаяся в отнесении к объектам права собственности любых объектов гражданских прав, является наиболее правильной и обоснованной. Кроме того, на это указывает и сам законодатель. Так, например, согласно статье 128 Гражданского кодекса в состав имущества включены имущественные права, а Федеральный Закон «О несостоятельности (банкротстве)» определяя объекты, не спо-

собные выступать в качестве предмета обеспечения исполнения должником обязательств, прямо указывает на принадлежность должнику имущественных прав на праве собственности и праве хозяйственного ведения [8].

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что к объектам права собственности могут быть отнесены блага как материального, так и нематериального характера.

Для наиболее правильного понимания вопроса о соотношении понятий «совместная собственность супругов» и «общее имущество супругов» необходимо также рассмотреть второе понятие, выяснить, что именно относится законодателем к его содержанию.

Так, исходя из содержания статьи 128 Гражданского кодекса РФ, можно сделать вывод о том, что законодатель относит к имуществу все материальные объекты, а также безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги и имущественные права.

При сопоставлении содержания понятий «собственность» и «имущество», мы можем увидеть их полное соответствие друг другу, тождественность. Исходя из чего, можно сделать вывод о том, что законодатель абсолютно обоснованно приравнивает друг к другу понятия «общее имущество супругов» и «совместная собственность супругов», так как объектами права собственности могут являться как какие-либо объекты материального мира, так и различные имущественные права, в том числе ограниченные вещные права и права требования.

Библиографический список

1. «Семейный кодекс Российской Федерации» от 01.01.1996 № 223-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // «Собрание законодательства РФ», 01.01.1996, N 1, ст. 16/ «Собрание законодательства РФ», 25.03.2019, №12, ст. 1225.
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 05.12.2017) // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, N 32, ст. 3301 / «Собрание законодательства РФ», 11.12.2017, N 50 (Часть III), ст. 7550.
3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с поправками от 21.07.2014 г.). – М.: Эксмо, 2015.
4. Кассационное определение Тюменского областного суда от 21 марта 2011 г. по делу № 33-1250/2011. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/5lcZFuaMGjHN/>.

5. Антокольская, М.В. Семейное право: учебник. – М.: изд-во Статут, 2013. – 219 с.
6. Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики: в 2 т. / Под ред. В.А. Белова. – М.: изд-во Юрайт – 2016. – Т. 1. – 484 с.
7. Казаченок, О.П. Объекты гражданских прав в общей теории права / О.П. Казаченок, С.С. Пономарев // Социально-экономические и правовые основы развития современного общества: сборник статей Международной научно-практической конференции, Пенза, 10 июня 2018 года. – Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2018. – С. 130-132.
8. Федеральный Закон от 26 октября 2002 г. №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 25.07.2017 г.) // «Собрание законодательства Российской Федерации», 12.01.1998 г., №2, ст. 222 / «Собрание законодательства РФ», 2017 г., N 31, ст. 4815 (часть I).

THEORETICAL ISSUES OF THE RIGHT OF JOINT PROPERTY OF SPOUSES

E.V. Kataeva, *Graduate Student*
Volgograd State University
(Russia, Volgograd)

***Abstract.** This article examines the category of "joint ownership. The concept of jointly acquired property is revealed, the composition and legal nature of the category under study are explained. The issues of legal regulation, the emergence of property rights are considered. Various approaches to the definition of the concept of common joint property and its composition are described. The author comes to the conclusion that the legislator absolutely justifiably equates the concepts of "common property of spouses" and "joint property of spouses" to each other, since the objects of property rights can be any objects of the material world, as well as various property rights, including limited property rights and claims.*

***Keywords:** common joint property, objects of civil rights, the emergence of law, legal regulation of the institution of joint property.*

ТЕХНОЛОГИЯ NFT КАК ИНСТРУМЕНТ ЗАЩИТЫ АВТОРСКИХ ПРАВ

Е.В. Катаева, магистрант

Волгоградский государственный университет
(Россия, г. Волгоград)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-147-150

Аннотация. В настоящей статье исследуется вопрос защиты авторских прав при помощи современных технологий NFT. Раскрывается понятие NFT, объясняется техническая и правовая природа исследуемого инструмента. Рассматриваются вопросы правовой регламентации использования NFT, передачи прав на результаты интеллектуальной деятельности, защищенные NFT. Описываются сферы возможного применения инструмента, выделяется проблема необходимости детализации правового регламентирования инструментария NFT. Автор приходит к выводу о том, что NFT является одним из эффективных способов защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности.

Ключевые слова: технологии NFT, результаты интеллектуальной деятельности, авторское право, правовое регламентирование, блокчейн, медиа-объекты.

Авторское право имеет своей целью защиту оригинальных произведений авторов, закрепленных на материальном носителе. В современном мире в результате технологического прогресса все чаще в телекоммуникационных сетях можно встретить с понятием NFT (non-fungible token – невзаимозаменяемый токен). Данное понятие обозначает виртуальную цифровую единицу в блокчейн-сети. Чаще всего данное обозначение можно встретить в виде медиа-объекта в сети интернет, NFT в данном случае является результатом токенизации медиа-объекта при помощи технологии блокчейн, как результат NFT становится удостоверением права собственности создателя либо обладателя медиа-объекта.

Блокчейн представляет собой децентрализованную технологию, используемую для защиты безопасности и конфиденциальности онлайн-транзакций. По своей сути блокчейн – это распределенная база данных, в которой хранится информация обо всех транзакциях участников системы в виде цепочки блоков. Новые записи в такую цепочку блоков могут вноситься только с согласия большинства участников системы, а информация, которая однажды уже была записана, не может быть изменена или удалена.

В настоящее время использование блокчейна позволяет отслеживать цифро-

вые активы (через токены), которые могут использоваться в качестве доказательства авторства и происхождения объектов интеллектуальной деятельности, а также в качестве доказательства права собственности на них. Стоит отметить, что токены могут кодировать информацию, а также предусматривать условия использования защищенного материала. Большая польза технологии блокчейн заключается в возможности создания реестра авторских прав и автоматического его ведения и обновления [1].

Исследователи указывают, что на сегодняшний день в Российской Федерации не выработан единый подход к определению обозначенного токена. По мнению исследователей данный факт препятствует нормативному регулированию использования такого вида объектов права собственности, защиты авторских прав на них [2].

Как мы уже отметили, NFT часто используется при создании медиа-объектов (изображения, анимации, видео), это связано с тем, что в сам блокчейн-код можно поместить изображения. В таком порядке создается автономный объект NFT, не зависящий от его материального носителя, доступ к которому может быть обеспечен с использованием телекоммуникационных сетей. Автор может создать NFT при помощи использования специальных технических платформ, после чего привязать его

к определенному объекту искусства. Ценность такого совмещенного объекта заключается в индивидуальном токене, который создал автор, поэтому приобретая NFT его владелец становится единственным обладателем такого цифрового объекта. Как мы уже отмечали, в коде (токене) такого объекта будет содержаться информация об авторе цифрового медиа-объекта, его правообладателе, а также история изменений цифрового объекта и смены правообладателей. Большую роль в данном случае играет правовая составляющая (право собственности на цифровой объект, право авторства). Право является основой развития цифровых технологий, включая блокчейн, и защиты субъективных прав [3].

Исследуя правовую природу NFT стоит в первую очередь обратить внимание на уже отмеченную нами автономность такого объекта, возможность удаленного доступа к нему с использованием телекоммуникационных сетей. С технической точки зрения результатом создания токена является NFT, который индивидуализирует содержащийся в нем объект авторских прав. Однако NFT может не породить у его обладателя права на результат интеллектуальной деятельности. Для порождения права на результат интеллектуальной деятельности в результате создания токена должно быть выполнено условие надлежащего правового основания. Примером в данном случае может послужить токенизация картины, принадлежащей музею. В случае, если фотографию такой картины будет токенизировать третье лицо, то несмотря на то, что возникнет новый токен, права собственности на РИД у создателя такого токена не возникнет, так как создатель токена нарушил права владельцев объекта.

Рассматривая создание NFT с точки зрения создаваемых прав, необходимо указать на то, что создатель NFT становится обладателем исключительного права и личных неимущественных прав на произведение. Приобретатель NFT в свою очередь не может обладать личными неимущественными правами на такое произведение. Авторство создателя остается неиз-

менно закрепленным в токене. Иными словами, приобретатель NFT получает лишь право обладания цифровым объектом и его дальнейшей продажи. Вместе с тем, передача объекта NFT возможна с использованием договорных конструкций, предусмотренных Гражданским кодексом РФ [4]. Во-первых, посредством заключения договора отчуждения исключительного права. Во-вторых, посредством заключения лицензионного договора в целях распоряжения исключительными правами. С принятием части четвертой Гражданского Кодекса Российской Федерации (ГК РФ) законодательство стало содержать достаточную регламентацию форм, видов, средств и способов защиты авторских и смежных прав [5].

Четвёртая часть гражданского кодекса России регулирует отношения, связанные с созданием и использованием результатов интеллектуальной деятельности и приравненными к ним средствами индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий. Некоторые предлагают называть четвёртую часть ГК РФ - Кодексом интеллектуальной собственности. Аргументом против такого решения выступает мировой опыт регулирования интеллектуальной собственности посредством специальных нормативно-правовых актов. Опыт показывает, что такое решение может привести к утрате мобильности существующей системы [6].

Сложность передачи прав на результаты интеллектуальной деятельности заключается в необходимости соблюдения письменной формы договоров при обороте NFT на специализированных площадках в блокчейн системе. Передача прав на NFT может осуществляться при помощи использования Смарт-контрактов. Такой вид соглашения предоставляет пользователям возможность самостоятельного принятия решения об исполнении обязательств по договору при наступлении определенных условий: например, автоматически списывать средства со счета контрагента. В целях регулирования отношений, возникающих при заключении смарт-контракта, в ст. 309 ГК РФ введено дополнение, согласно которому условиями соглашения

может быть предусмотрено исполнение сторонами обязательств при наступлении определенных сторонами обстоятельств без отдельно выраженного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями такого соглашения. После идентификации пользователей в системе дальнейшее их поведение подчиняется алгоритму компьютерной программы, а покупатель цифрового объекта (права на него), получит этот объект автоматически при наступлении указанных в пользовательском соглашении обстоятельств [7].

Таким образом, NFT является одним из эффективных способов защиты прав на результаты интеллектуальной деятельности. Он позволяет в любой момент увидеть, кто является автором цифрового объекта, а также его правообладателем. Посредством использования блокчейн техно-

логий пользователям предоставляется возможность создания единственного в своем роде объекта, не подлежащего копированию или незаконному завладению (невозмозаменяемого токена, содержащего в себе код цифрового объекта – результата интеллектуальной деятельности). Технология создания NFT может быть использована в различных сферах деятельности, включая искусство, игровые технологии, а также в иных сферах, пользующихся большим спросом пользователей на различных специализированных площадках. В этой связи нам представляется необходимым выработка законодателем мер, направленных на регулирование института NFT, его дальнейшую разработку и распространение его применения, т.к. NFT является эффективным инструментом защиты авторских прав на результаты интеллектуальной деятельности.

Библиографический список

1. Пономарченко, А.Е. Технология блокчейн в сфере авторского права // Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20. – № 4. – С. 148-152. – DOI 10.15688/lc.jvolsu.2021.4.20.
2. Борисов Ю.В., Победкин А.А. Правовой режим NFT в России: как работать в отсутствие специального законодательного регулирования? / Цифровое право. – 2022. – №3 (1). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.digitallawjournal.org/jour/article/view/93?locale=ru_RU (дата обращения 24.11.2022 г.)
3. Иншакова, А. О. Права как основа инфраструктурного обеспечения цифровой экономики и технологии интернета вещей // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 6-11. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.3.1>.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ / Собрание законодательства РФ от 2006 г., N 52, ст. 5496 (Часть I).
5. Осадченко, Э.О. Правовые проблемы защиты авторских и смежных прав в сети интернет / Э.О. Осадченко, М.А. Мартроси // Актуальные вопросы права, экономики и управления: сборник статей XVIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 15 марта 2019 года. – Пенза: "Наука и Просвещение" (ИП Гуляев Г.Ю.), 2019. – С. 156-159.
6. Копьёв А.В. Проблемы правовой охраны интеллектуальной собственности в сети Интернет. – Волгоград: Юрист-Практик, 2008. – 8 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.iprbookshop.ru/8255.html> (дата обращения: 30.11.2022).
7. Казаченок, О.П. Цифровые права в современном гражданском обороте: тенденции и перспективы развития // Хозяйство и право. – 2019. – №11 (514). – С. 39-44.

NFT TECHNOLOGY AS A COPYRIGHT PROTECTION TOOL

E.V. Kataeva, *Graduate Student*
Volgograd State University
(Russia, Volgograd)

Abstract. *This article examines the issue of copyright protection using modern NFT technologies. The concept of NFT is revealed, the technical and legal nature of the instrument under study is explained. The issues of legal regulation of the use of NFT, the transfer of rights to the results of intellectual activity protected by NFT are considered. The scope of possible application of the tool is described, the problem of the need to detail the legal regulation of the NFT toolkit is highlighted. The author comes to the conclusion that NFT is one of the effective ways to protect the rights to the results of intellectual activity.*

Keywords: *NFT technologies, results of intellectual activity, copyright, legal regulation, blockchain, media objects.*

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА МЕЖДУНАРОДНОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

В.Р. Кашапов, студент

Л.Ю. Галютдинова, старший преподаватель

Уфимский университет науки и технологий
(Россия, г. Уфа)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-151-154

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные концепции и теории о международном гражданском процессе, проводится системный анализ распространенных в научной полемики мнений по поводу природы данного права. Целью работы является выявление и развитие такого института как правовая природа международного гражданского процесса, в целях дальнейшего единообразного понимания его основных, главенствующих положений и норм. Это исследование позволило выявить многогранный характер природы данной частноправовой отрасли, несколько теорий о происхождении, а также дало толчок дальнейшего их детального изучения

Ключевые слова: правовая природа, международное частное право, международный гражданский процесс, кодификация, теории происхождения.

Международный гражданский процесс является неотъемлемой частью системы российского национального права в области регулирования действий субъектов гражданско-процессуальных отношений: судебного, процессуального и иного характера. Данная система правовых норм в современных общественно-правовых сферах имеет весомое значение, так как направлена на регламентацию правовых действий для различных субъектов, задействованных в данном правовом явлении международного регулирования, путем установления их прав и обязанностей, а также определенной процессуальной ответственности и их личного положения. Как и любое явление, международный гражданский процесс имеет множество теоретических и практических проблем, которые и определяют его правовую и другого рода проблематику, делая актуальным в области дальнейшего изучения и развития во всех правовых аспектах. Основной же актуальной проблематикой является его правовая природа и взаимосвязь с другими явлениями правовой, общественной жизни. Далее более подробно раскроем происхождение данной системы норм, определив тем самым его правовую специфику и природу.

В научной литературе данная отрасль права является предметом исследования

многих ученых и правоведов. Можно утверждать, что в правовой доктрине и в новеллах теории еще не сложилось единого окончательного осмысления данного отрасли частных правоотношений и не приостановилось его развитие под современные правовые реалии, делая его более практикуемым и применяемым по отношению к правовой современности и состоянию общества на сегодняшний день.

Так, в научной полемики по данному вопросу все мнения можно разделить на несколько групп.

1. Первая точка зрения исходит из того, что международный гражданский процесс относится к национальным отраслям в виду особых актов регулирования, в каждой стране, причем данная точка зрения подразделяется еще на две. Первая, как отрасль регулирующая отношения в рамках национальных гражданских отношений, только между гражданами на основе ГПК РФ и вторая теория относит к совместному регулированию гражданских и арбитражных отношений на основе АПК РФ и ГПК РФ.

2. Вторая группа ученых отстаивают позицию о том, что данную совокупность норм следует относить к межсистемному, «симбиозному» и комплексному регулированию и отраслевой принадлежности, то есть основываться на национальных и

международных нормах иных стран (например, взаимных договоров по исполнению решений судов).

3. Другие авторы отмечают, что международный гражданский процесс является составной частью международного частного права и рассматривается через призму отраслевой сущности международного частного права, как его под отрасли.

4. Остальная часть научной полемики уходит в сторону независимой правовой природы международного гражданского процесса и рассматривает его в качестве самостоятельной отрасли права [1, с. 1216].

Приведенные теории показывают обширный ориентир для научных обозревателей в данном актуальном направлении и наводят на вопрос о сущности возникновения данной отрасли и отнесения ее к одной из вышеперечисленных теорий. Согласно доктринальным основам, термин «международный гражданский процесс носит сугубо условный характер, поскольку речь не идет о каком-то международном рассмотрении определенного дела» [2, с. 229-237]. Данная мысль отражает национальную принадлежность, что говорит о отнесение данной отрасли к ведению каждого самостоятельного государства. И действительно, в АПК РФ и ГПК РФ не содержится определение международного гражданского процесса, только указывается сфера регулирования закона в общих положениях. Как отметила Н.И. Марышевой, «международный гражданский процесс является совокупностью норм и правил, которые регулируют рассмотрение судами, в том числе арбитражными, гражданских дел по правоотношениям с иностранным элементом, относится по существу к гражданскому и арбитражному процессу» [3, с. 455]. То есть, обращает внимание на двойственную природу международного гражданского процесса, который воплощается не только в системе регулирования гражданских отношений, но затрагивающий вопросы арбитражного национального права. В ее суждении можно отметить иностранный элемент, который прежде всего отделяет национальный

гражданских процесс и международный, хотя и косвенно.

В ГПК РФ сказано, что «если международным договором РФ установлены иные правила гражданского судопроизводства, чем те, которые предусмотрены законом, применяются правила международного договора. Не допускается применение правил международных договоров РФ в их истолковании, противоречащем Конституции РФ» [4]. В этом положении закона, можно заметить, регулирования иностранных отношений с помощью норм международного характера и их признания, что наводит на мысль о «симбиозном», комплексном регулировании процессуальных моментов, но с соблюдением национальных интересов и норм. Данного подхода придерживается и Т.Н. Нешатаева, которая отмечает, что «международный гражданский процесс – прежде всего комплекс международных и внутригосударственных норм, являющийся институтом международного частного права и регламентирующий взаимодействие национальных и международных органов правосудия, которые осуществляют судопроизводство по гражданским делам» [5, с. 28]. Например, заключенный не так давно, Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским или торговым делам от 2 июля 2019 года. По нашему мнению, такие договоры являются только связующими правовыми элементами двух национальных систем права разных государства, где иностранный интерес может не учитываться, если он противоречит, например, основам конституционного строя и публичному порядку, приоритет отдается национальным нормам.

Интересным представляется позиция, Т.М. Яблочкова, который указывал: «во избежание неточностей и противоречий мы должны здесь же указать на необходимость разграничения понятий процессуального и материального права. Смешение этих определений в науке может привести к заблуждениям, так как нормы коллизии, которые регулируют противоречия законов в международном процессуальном праве, отнюдь не совпадают с нормами

коллизии, которые регламентируют споры в праве материальном» [6]. Отсюда следует, что требуется разграничить международное частное право и международное гражданское право в сторону самостоятельности процессуальной отрасли права, что наталкивает на мысль о обособленной природе и началах международного гражданского процесса. Добавим, что «не следует включать международный гражданский процесс в состав национального гражданского процесса, а также нельзя игнорировать значения взаимодействия международного гражданского процесса и международного частного права» [7, с. 133-141]. Ведь, содержанием процессуальной отрасли выступают именно вопросы материального права и их правовое сотрудничество, которое является сущностным воплощением норм процессуального права, то есть основной целью их функционирования. И напоследок отметим, что нормы международного гражданского процесса имеют иной предмет регулирования, чем нормы международного частного права: они регулируют не сами частные отношения, осложненные иностранным элементом, а деятельность суда по разрешению гражданских дел» [8, с. 606]. То есть, принадлежность норм привязана к территории государства, где рассматривается спор и где находится суд, что говорит о национальной теории и некой самостоятельности рассматриваемого процессуального права. Добавим, что нормы международного гражданского процессуального права «распылены в национальной правовой системе и не имеют единого кодифицированного акта» [9, с. 125-130], как в других государствах, например, законе о международном частном праве Венгрии, где содержатся нормы процессуального и материального регулирования.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что в международном гражданском процессе на сегодняшний день наблюдается множество дискуссионных и спорных моментов, которые требу-

ют уточнения и дальнейшего развития в сторону исправления для единообразного понимания сущности и структурирования основных его базовых правовых институтов и самого процесса в целом. Современное научное сообщество в виду сложившейся научной базы, достаточно яро дискутируют насчет сущностных правовых ориентиров, приводят вышеприведенные мнения о природе данного правового явления.

По нашему мнению, международный гражданский процесс следует относить к национальной отрасли права ввиду того, что:

- Во-первых международные акты, направлены на реализацию норм именно национальных решений судов, которые находятся на территории определенного государства.

- Во-вторых, на сегодняшний день отсутствует единый международный орган или суд, рассматривающий гражданские споры и единый международный акт по вопросам международного процесса.

- В-третьих, следует его отграничивать от международного частного права, которое в большей степени относится в международной системе права направленно на прямое взаимодействие с иностранным элементом, а нормы процессуальные, имеют вторичное воздействие на отношениях, в том числе на иностранного элемента.

Также, по нашему мнению, следует создать национальный акт международного частного и процессуального кодекса, который в первой части содержал бы основы международного частного права, а во второй части основы международного гражданского права. А также закрепить сферу распространения данного акта и в статье «понятия» отразить такое определение как «международный гражданский процесс», в целях единообразного и устоявшегося понимания данной отрасли права в современных правовых условиях.

Библиографический список

1. Международное частное право: Учебник / Г.К. Дмитриева и др. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Проспект, 2022. – 1216 с.

2. Фатхуллина Л.В. Международный гражданский процесс: определения места в науке и системе права // Вестник гражданского процесса. – 2013. – №5. – С. 229-237.
3. Международное частное право / Под ред. Н.И. Марышевой. – М., 2000. – 455 с.
4. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ (с изм. и доп. от 07 ноября 2022 № 387-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 29.11.2022).
5. Нешатаева Т.Н. Международный гражданский процесс [Текст]: [учебное пособие] / Т.Н. Нешатаева; Акад. нар. хоз-ва при Правительстве Рос. Федерации. – М.: Дело, 2001. – 502 с. ISBN 5-7749-0212-9.
6. Яблочков, Т.М. Курс международного гражданского процессуального права. – Ярославль, 1909.
7. Федосеева Г.Ю. Риторика вопроса о месте международного гражданского процесса в системе права Российской Федерации // Lex Russica (русский закон). – 2005. – Т. 64. № 1. – С. 133-141.
8. Богуславский М.М. Международное частное право. Учебник // 5-е изд. Перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2005. – 606 с.
9. Абдрахманова Э.С. Место и роль международного гражданского процесса в системе законодательства // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2020. – №4 (62). – С. 125-130.

THE LEGAL NATURE OF THE INTERNATIONAL CIVIL PROCESS

V.R. Kashapov, *Student*

L.Yu. Galyautdinova, *Senior Lecturer*

Ufa University of Science and Technology
(Russia, Ufa)

Abstract. *This article examines the main concepts and theories about international civil procedure, conducts a systematic analysis of the opinions common in scientific polemics about the nature of this right. The aim of the work is to identify and develop such an institution as the legal nature of the international civil process, in order to further a uniform understanding of its main, dominant provisions and norms. This study revealed the multifaceted nature of the nature of this private law industry, several theories about the origin, and also gave impetus to their further detailed study.*

Keywords: *legal nature, private international law, international civil procedure, codification, theories of origin.*

ВИДЫ НАРУШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

М.Е. Козина, студент

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
(Россия, г. Абакан)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-155-159

Аннотация. Статья посвящена вопросам рассмотрения видов нарушений конституционных прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности. Автор приходит к выводу о том, что ОРМ могут проводиться только с целью защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств. ОРМ не могут преследовать никакие иные цели (политические, экономические, религиозные) – это будет являться нарушением закона.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, права и свободы человека и гражданина, неприкосновенность жилища, тайна переписки, телефонные переговоры.

Осуществление ОРД в силу ее специфического разведывательного характера невозможно без проникновения в сферу прав и свобод человека. В рамках ОРМ происходят некоторые ограничения конституционных прав граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, право на неприкосновенность жилища и др. В силу указанных особенностей ОРД постоянно балансирует между интересами борьбы с преступностью с одной стороны и интересами, правами и свободами личности с другой. Это в свою очередь обуславливает большое количество обращений граждан в суды различных уровней и компетенций, включая ВС РФ, КС РФ, ЕСПЧ, на предмет неправомερных действий сотрудников оперативных подразделений, несоответствия положений ФЗ об ОРД, гарантиям прав и свобод человека и гражданина установленным Конституцией РФ.

Понятие нарушений конституционных прав и свобод человека и гражданина при осуществлении ОРД тесно связано с термином ограничений при проведении ОРМ. Закон позволяет органам, осуществляющим ОРД, производить действия и принимать решения, ограничивающие конституционные права и свободы человека и гражданина при проведении ОРМ. Такая возможность основана на ч. 3 ст. 55 Кон-

ституции РФ и обусловлена необходимостью защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан, обеспечения обороны и безопасности страны. Наиболее часто ограничениям в рамках закона подвергается право на неприкосновенность частной жизни, право на личную и семейную тайну; право на неприкосновенность жилища; право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений.

Однако на практике в процессе проведения ОРМ оперативники нередко допускают нарушения рамок, установленных законом. Особенностью ОРД являются, что многие мероприятия, ограничивающие конституционные права граждан, проводятся негласно и конспиративно, что затрудняет контроль законности со стороны суда, прокуратуры.

Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина сконцентрированы в гл. 19 Особенной части УК РФ [1]. Необходимо отметить, что многие уголовные статьи коррелируют с аналогичными административными статьями из КоАП РФ [2]. Это касается нарушений равенства прав и свобод (ст. 136 УК РФ и ст. 5.62 КоАП РФ); неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ и ст.

13.11 КоАП РФ); тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений (ст. 138 УК РФ и ст. 13.14 КоАП РФ); правил оборота специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (ст. 138.1 УК РФ и ст. 20.23 КоАП РФ); неприкосновенности жилища (ст. 139 УК РФ); правил предоставления информации (ст. 140 УК РФ, ст. 5.39, 5.59 КоАП РФ); прав на свободу совести и вероисповеданий (ст. 148 УК РФ и ст. 5.26 КоАП РФ).

Многие нарушения конституционных прав связаны с трудностями толкования отдельных статей УК РФ. Рассмотрим подробнее уголовные данные нормы.

Так, проблемы правоприменения ст.137 УК РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни» отчасти связаны трудностями определения понятия частной жизни лица. В общих чертах к праву на частную жизнь можно отнести право человека на личную и семейную тайну, возможность находиться вне работы, вне общественного окружения в состоянии известной независимости от государства и общества, а также гарантии невмешательства в реализацию этого права.

К частной жизни относятся сведения, касающиеся семейной, интимной жизни личности, ее материального положения, состояния здоровья, характера, эти сведения, а также любую информацию, защищаемую от незаконного доступа и тем более разглашения не представляющие значимости для общества, но важные для самого индивида, т.к. позволяют ему самоидентифицироваться.

Нарушения закона будет иметь место, если для проведения данного мероприятия отсутствовали основания, перечисленные в ст. 7 Закона № 144-ФЗ.

Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений, закреплённое в ст. 138 УК РФ и нарушение неприкосновенности жилища (ст. 139 УК РФ) происходит, когда проведение ОРМ совершается без судебного решения, когда судебное решение принято при отсутствии предусмотренных законом оснований (ч. 2 ст. 8

Закона об ОРД), либо когда нарушены условия проведения соответствующих мероприятий.

Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений при проведении ОРД может произойти во время следующих ОРМ:

1. контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений (п. 9 ч. 1 ст. 6 Закона об ОРД);

2. прослушивание телефонных переговоров (п. 10 ч. 1 ст. 6 Закона № 144-ФЗ);

3. снятие информации с технических каналов связи (п. 11 ч. 1 ст. 6 Закона об ОРД).

Нарушение неприкосновенности жилища возможно при обследовании помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств (п. 8 ч. 1 ст. 6 Закона об ОРД).

Также в ч. 2 ст. 8 Закона об ОРД устанавливается, что мероприятия, ограничивающие конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища могут проводиться только на основании судебного решения и при наличии необходимой на то информации. Судья вправе истребовать материалы при принятии решения о прослушивании переговоров.

Прослушивание телефонных и иных переговоров возможно и без разрешения суда (с последующим его уведомлением), если возникли обстоятельства, которые могут привести к совершению тяжких или особо тяжких преступлений, либо создающих угрозу безопасности РФ.

Нарушение данных норм будет являться незаконным ограничением конституционных прав человека.

Срок проведения ОРМ, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электронной и почтовой связи, а также право на неприкосновенность

жилища не может превышать 6 месяцев со дня судебного постановления (если в самом постановлении не указано иной срок). Также судебным решением срок может быть продлён (ч. 6 ст. 9 Закона об ОРД).

Таким образом, в Законе об ОРД перечислены ОРМ, ограничивающие конституционные права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электронной и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, и названы общие основания и условия проведения этих ОРМ. Однако Закон не детализирует порядок проведения данных мероприятий, относя это к ведомственному уровню регламентации.

Обобщая сказанное выше, а также практику применения норм Закона об ОРД, УК РФ, УПК РФ, решений Конституционного Суда РФ позволяет выделить некоторые типичные нарушения при проведении ОРМ:

- проведение ОРМ без разрешения суда;
- проведение ОРМ до момента получения разрешения суда при отсутствии обстоятельств, указанных в ч. 3 ст. 8 Закона № 144-ФЗ;

- проведение ОРМ на основании судебного решения, но с превышением сроков, установленных в судебном решении (в том числе до момента получения нового судебного решения при необходимости продления осуществления соответствующего ОРМ);

- проведение ОРМ в отношении нескольких лиц или объектов на основании одного судебного решения;

- проведение ОРМ на основании судебного решения, полученного путем представления судье заведомо ложных материалов, обосновывающих необходимость проведения ОРМ;

- прослушивание телефонных переговоров с согласия или по заявлению одного из абонентов, при отсутствии обстоятельств или с нарушением порядка, указанных в ч. 6 ст. 8 Закона № 144-ФЗ.

Необходимо отметить, что наряду с оперативниками к уголовной ответственности могут быть также привлечены со-

трудники соответствующих учреждений связи. Перечисленные выше деяния, совершенные с использованием своего служебного положения, образуют квалифицированные составы соответствующих преступлений (ч. 2 ст. 137, ч. 2 ст. 138, ч. 3 ст. 139 УК РФ) [3, с. 45].

В соответствии с ч. 4 ст. 5 Закона об ОРД, в некоторых случаях лицо вправе потребовать от органа, осуществляющего ОРД, сведения о полученной о нем информации в пределах, допускаемых требованиями конспирации и исключающих возможность разглашения государственной тайны. Отказ оперативника в предоставлении такой информации является преступлением (ст. 140 УК РФ). Данная норма обеспечивает охрану конституционного права гражданина на ознакомление с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы (ч. 2 ст. 24 Конституции РФ).

Важно признать, что риски и потенциальные ошибки – это характерные для ОРД явления, обусловленные осуществлением данной деятельности в условиях информационной неопределенности. Их нужно прогнозировать, анализировать и минимизировать, но избежать вовсе – невозможно, а в ряде случаев и нецелесообразно.

В литературе данная проблема преимущественно остается без внимания, либо освещается фрагментарно. Среди единичных работ можем выделить монографию С.И. Захарцева, Ю.Ю. Игнащенко и В.П. Сальникова, в которой авторы, опираясь на богатый собственный опыт работы в правоохранительных органах и проведенные исследования, делятся ценными для науки и правоприменительной практики предостережениями.

Они отмечают, что при выявлении преступления оперативным путем ОРД становится своего рода подготовительным этапом уголовного судопроизводства. В таком случае еще до возбуждения уголовного дела в ходе ОРД устанавливаются преступники, оценивается будущая доказательственная база, отыскиваются способы получения доказательств, выявляются свидетели и т.д. И если на указанной ста-

дии в оценке события заложена ошибка относительно виновности лица, то исправить ее бывает непросто. Такая ошибка приводит к неверному направлению следствия, дает виновному лицу время для сокрытия и уничтожения следов преступления, одновременно подразумевая меры процессуального принуждения в отношении невиновного [4, с. 352].

Конституции РФ не допускает при осуществлении правосудия применение доказательств, полученных с нарушением закона. Поэтому при использовании результатов ОРД в доказывании необходимо установить соблюдены ли правила проведения ОРМ [5, с. 238].

Некоторые авторы ошибочно считают, что нарушение Закона об ОРД не означает нарушения предусмотренной уголовно-процессуальным законом процедуры формирования доказательств. Хотя вполне очевидно, что такие доказательства не могут быть признаны допустимыми. Как отмечено в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения

судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», доказательства считаются недопустимыми, если при их «собрании и закреплении были нарушены гарантированные Конституцией Российской Федерации права человека и гражданина или установленный уголовно-процессуальным законодательством порядок их собрания и закреплении» [6].

Таким образом, полученные с нарушением закона результаты ОРД не будут удовлетворять требованиям допустимости уголовно-процессуального законодательства, и поэтому согласно п. 3 ч. 2 ст. 75 и ст. 89 УПК РФ они не могут использоваться в уголовном судопроизводстве.

В заключении отметим, что ОРМ могут проводиться только с целью защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств. ОРМ не могут преследовать никакие иные цели (политические, экономические, религиозные) – это будет являться нарушением закона.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ. Принят Государственной Думой 24 мая 1996 г. Одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ: Принят Государственной Думой 20 декабря 2001 г. Одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 г. // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
3. Иванов С.И. Нарушение прав и свобод человека сотрудниками уголовного розыска в условиях раскрытия неочевидных преступлений // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. – 2015. – №3 (29). – С. 44-47.
4. Захарцев, С.И. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: монография / С.И. Захарцев, Ю.Ю. Игнащенко, В.П. Сальников. – М.: Норма, 2015. – 400 с.
5. Лупинская П.А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. – М.: Юрайт, 2013. – 668 с.
6. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 №8 (ред. от 03.03.2015). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8847/.

TYPES OF VIOLATIONS OF CONSTITUTIONAL RIGHTS AND FREEDOMS OF A HUMAN AND A CITIZEN IN THE IMPLEMENTATION OF OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES

M.E. Kozina, *Student*

Khakass State University named after N.F. Katanov
(Russia, Abakan)

***Abstract.** The article is devoted to the issues of consideration of types of violations of constitutional rights and freedoms of a person and a citizen in the implementation of operational-search activities. The author comes to the conclusion that ORM can only be carried out with the aim of protecting life, health, human and civil rights and freedoms, property, ensuring the security of society and the state from criminal encroachments. ORM cannot pursue any other goals (political, economic, religious) – this will be a violation of the law.*

***Keywords:** operational-search activity, operational-search activities, rights and freedoms of man and citizen inviolability of the home, secrecy of correspondence, telephone conversations.*

СУЩНОСТЬ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

М.Е. Козина, студент

Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова
(Россия, г. Абакан)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-160-163

***Аннотация.** Статья посвящена вопросам сущности обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности. Автор приходит к выводу о том, что проведение ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, является эффективной мерой борьбы с преступностью. Однако при их проведении зачастую возникают некоторые трудности, связанные с законностью их проведения, а также последующего эффективного использования в качестве доказательств по уголовному делу.*

***Ключевые слова:** оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, права и свободы человека и гражданина, меры защиты конституционных прав и свобод, обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина.*

В правовом государстве каждому человеку гарантируется широкий спектр прав и свобод, любое ущемление которых недопустимо. Права гражданина – это комплекс прав человека как члена политического сообщества, предоставляемых ему государством, которое может у него их также и изъять. Выделяют абсолютные права, которые не подлежат ограничению ни при каких обстоятельствах и относительные, которые при определённых обстоятельствах могут быть ограничены.

Главной целью ограничения личных прав и свобод является достижение баланса, компромисса между интересами обладателей этих прав и свобод. Существование предусмотренных законом оснований ограничения прав и свобод определяются необходимостью устранения угрозы основным ценностям – здоровью и нравственности населения, безопасности государства и общества, интересам других. Следовательно, ограничение прав и свобод человека и гражданина допустимо признать как юридически разрешенное временное уменьшение, содержательное или временное, пользование благом, являющимся сущностью субъективного права.

Одним из случаев ограничений конституционных прав и свобод граждан является борьба с преступностью, а именно –

проведение ОРМ. Обеспечение конституционных прав и свобод личности при проведении ОРМ зависит от правильности понимания всеми участниками процесса (оперативных работников, следователей, прокуроров и судей) сущности и содержания проводимых мероприятий, соответствие ОРМ закону.

В настоящее время Закон об ОРМ [1] достаточно подробно устанавливает процедуру проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права и свободы граждан: обязует оперативных работников запрашивать судебное решение, устанавливает сроки и условия проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права и свободы. Ст. 3 Закона об ОРМ говорит о том, что ОРД должна соблюдать принципы законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

Достаточно часто под ограничения прав при проведении ОРМ попадают лица, не являющиеся потенциальными преступниками, а, например, близкие подозреваемого или лица, находившиеся на месте преступления в момент его совершения. Также далеко не всегда действия правоохранителей укладываются в рамки закона. В таких случаях ст. 125 УПК РФ [2] предоставляет гражданам право обжаловать в судебном порядке действия сотрудников

органов, если, по мнению граждан, в процессе ОРМ были безосновательно нарушены их права и свободы.

Помимо суда гражданин также вправе обратиться с жалобой на действия оперативников непосредственно к руководителю органа, осуществлявшего (или осуществляющего) ОРМ; к прокурору, осуществляющему надзорные полномочия над органом. Однако, как показывает практика, граждане пока что редко обращаются к подобным мерам защиты своих прав, что связывают с не слишком высоким уровнем правовой грамотности населения [3, с. 19].

В случае успешного судебного обжалования действий оперативных сотрудников, и если будет установлена безусловная виновность оперативников в нарушении прав гражданина, ему может быть возмещен моральный и материальный вред. Причём, выплата компенсации происходит за счет средств бюджета РФ, а ответчиком в таких случаях выступает не конкретный сотрудник, причинивший своими действиями вред гражданину, а непосредственно орган, в котором работает оперативник (ст. 1069 ГК РФ) [4].

Однако полный запрет на проведение ОРМ, ограничивающих конституционные права и свободы граждан, не будет верным решением, т.к. эффективность подобных мероприятий в борьбе с преступностью доказана временем и не подвергается сомнению. Причиной нарушений обычно является низкая квалификация оперативных работников (слабое знание законодательства), ненадлежащий контроль со стороны руководства, а также нарушение порядка проведения ОРМ (неправильное оформление документов и пр.).

Говоря о необходимости реализации прав и свобод человека и гражданина при осуществлении ОРД, необходимо отметить, что, обладая в своем арсенале весьма широкими полномочиями и имея возможность объективно влиять на оперативную обстановку на закрепленном участке правоохранительной работы, оперативники не должны злоупотреблять ни законодательно обеспеченными возможностями, ни рычагами влияния на оперативную обстановку

все осуществляемые ими действия должны преследовать цель, указанную в ст. 1 Закона об ОРД, а именно – борьбу с преступностью. Собранная оперативным путем информация, касающаяся определенных граждан, зачастую носящая персональный или даже конфиденциальный характер, при недобросовестном, преступном отношении к осуществляемым должностным обязанностям может быть «монетизирована», что может составлять достаточно большой соблазн для сотрудника при наличии у него определенных изъянов в правовой культуре и правосознании [5, с. 25].

Ещё одной мерой защиты конституционных прав и свобод в ходе ОРМ, наряду с обжалованием, является предусмотренная законодательством возможность официального прекращения материалов оперативного учета в случае, если с высокой долей вероятности доказана непричастность гражданина к противоправной деятельности. Также установлены предельные сроки хранения для дел оперативного учета, бессрочность хранения подобных материалов недопустима.

К оперативно-розыскным мероприятиям, ограничивающим конституционные права граждан, при проведении которых необходима санкция суда, согласно Закона об ОРД, относятся: негласное обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи.

Согласно ч. 3 ст. 55 Конституции РФ в ОРД допускается только соразмерное ограничение прав. Соразмерность ограничения прав означает, что допустимость и законность ограничения зависят от тяжести совершения преступления. Соблюдение соразмерности - обязательное условие ограничения того или иного конституционного права.

Ст. 5 Закона об ОРД определяет порядок доступа гражданина к сведениям, полученным в отношении его в ходе ОРД. Такое право гарантировано Конституцией РФ, где закреплена обязанность органов

государственной власти и органов местного самоуправления, их должностных лиц обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом.

В соответствии с ч. 4 ст. 5 Закона об ОРД право на ознакомление с указанными сведениями возникает у лица, виновность которого в совершении преступления не доказана в установленном законом порядке, то есть в отношении которого в возбуждении уголовного дела отказано либо уголовное дело прекращено в связи с отсутствием события преступления или в связи с отсутствием в деянии состава преступления. В то же время такого права на ознакомление с оперативно-розыскными сведениями не возникает при частичном прекращении уголовного дела либо при оправдании подсудимого не по всем вмененным составам преступления.

Право потребовать от органа, осуществлявшего ОРД, сведения о полученной о нем информации не обязывают гражданина доказывать наличие у него подобных данных, тем более подтверждать свои внутренние (психологические) переживания, вызванные вторжением в его частную жизнь.

Закон не обязывает органы, осуществляющие ОРД, знакомить заявителя с опе-

ративно-служебными документами. Ими может быть представлена справка, содержащая ответы на претензии гражданина, поставленные в жалобе. Однако, при разбирательстве существа жалобы в суде, прокуратуре по надзору за ОРД, данные правоохранительные органы вправе запрашивать и знакомиться с содержанием дел оперативного учета.

Необходимо отметить, что сведения о лицах, внедренных в ОПГ, о штатных негласных сотрудниках и лицах, конфиденциально содействующих оперативно-розыскной деятельности, а также данные об организации и тактике ОРМ составляют государственную тайну, поэтому любые документы, содержащие данную информацию, не могут быть представлены гражданину, равно как прокурору и суду. Суд также не вправе рассматривать жалобу гражданина, если судья санкционировал проведение право ограничительного ОРМ.

Таким образом, проведение ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, является эффективной мерой борьбы с преступностью. Однако при их проведении зачастую возникают некоторые трудности, связанные с законностью их проведения, а также последующего эффективного использования в качестве доказательств по уголовному делу [6, с. 13].

Библиографический список

1. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Принят Государственной Думой 5 июля 1995 г. // СЗ РФ. – 1995. – №33. – Ст. 3349.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ. Принят Государственной Думой 22 ноября 2001 г. Одобрено Советом Федерации 5 декабря 2001 г. // СЗ РФ. – 2001. – №52 (ч. I). – Ст. 4921.
3. Давыдов, Я.В. Оперативно-розыскная деятельность. Конспект лекций. – М.: Приор, 2008. – 82 с.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая). от 26.01.1996 № 14-ФЗ. Принят Государственной Думой 22 декабря 1995 г. // СЗ РФ. – 1996. – №5. – Ст. 410.
5. Шатохин, И.Д. Решения Конституционного Суда Российской Федерации, связанные с нарушением прав граждан при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2015. – 47 с.
6. Авдеев, С.С. Актуальные вопросы оперативно-розыскной деятельности: конспект лекций. – Петрозаводск, 2009. – 182 с.

**THE ESSENCE OF ENSURING THE CONSTITUTIONAL RIGHTS AND FREEDOMS
OF A HUMAN AND A CITIZEN IN THE IMPLEMENTATION OF OPERATIONAL
SEARCH ACTIVITIES**

M.E. Kozina, *Student*

**Khakass State University named after N.F. Katanov
(Russia, Abakan)**

***Abstract.** The article is devoted to the issues of the essence of ensuring the constitutional rights and freedoms of man and citizen in the implementation of operational-search activities. The author comes to the conclusion that carrying out ORM, limiting the constitutional rights of citizens, is an effective measure to combat crime. However, during their implementation, some difficulties often arise related to the legality of their implementation, as well as the subsequent effective use as evidence in a criminal case.*

***Keywords:** operational-search activity, operational-search activities, rights and freedoms of man and citizen, measures to protect constitutional rights and freedoms, ensuring constitutional rights and freedoms of man and citizen.*

К ВОПРОСУ О ФОРМЕ ДОВЕРИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСВА

И.А. Колесникова, студент

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина
(Россия, г. Краснодар)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-164-166

Аннотация. В данной статье анализируются правовые формы, которые приобретают доверительные отношения между субъектами предпринимательской деятельности. Автор делает акцент на те виды трастов, которые сложились в зарубежной практике, и нашли своё место в рамках российской предпринимательской деятельности. В статье сделан вывод о необходимости продолжения развития системы отношений собственности и о необходимости продолжения процесса формирования различных институтов в данной области.

Ключевые слова: предпринимательство, доверительные отношения, траст, правовая форма, институты предпринимательства, виды трастов.

XXI век является веком развития информационных технологий, что приводит к развитию институтов рыночной экономики. Коммерческие отношения переходят в цифровой формат, появляются новые формы взаимодействия субъектов предпринимательской деятельности. Подобные процессы коснулись и тех аспектов экономического взаимодействия, которые являются основой предпринимательства. Одним из таких аспектов является доверительное отношение между субъектами предпринимательства. Особое внимание следует обращать внимание на то, какие формы доверительных отношений существуют в рамках стремительно меняющегося общества.

Для России данный вопрос особенно актуальный, так как отечественная правовая доктрина говорит о существенной ограниченности услуг доверительное управление. Это поднимает вопрос о необходимости изучения и внедрения зарубежного опыта. В первую очередь это необходимо для понимания приемлемости зарубежных форм и институтов для российской экономической системы и правовой системы. Также важен и аспект социальной ответственности бизнеса, проблема которой периодически освещается в научной литературе [1].

Зарубежными исследователями данная тема неоднократно рассматривалась, ведь

с 30-х годов особенно активно развивается сфера доверительных отношений. Проявляется это в популяризации трастов как ключевой формы доверительного управления. Причиной этого является возможность реализации траста с любой из форм собственности, характерным для большинства систем.

Для лучшего понимания того, как реализуется данная форма доверительных отношений, необходимо обратиться к способам классификации трастов в отечественном и зарубежном предпринимательском поле. Одна из таких классификаций ставит формы траста в зависимость от субъектов доверительных услуг. Трасты могут быть персональным (для частных клиентов), институциональными (для клиентов в лице организаций) и «мастер-трасты» [2].

Следующим основанием для классификации трастов служит момент вступления субъектов о доверительных отношениях. Первый из таких трастов в доктрине именуется как «между живущими». Данный траст является одним из самых распространённых, так как он создаётся лицом при жизни для того, чтобы упростить институт доверительного управления возможность управления имуществом. Его противоположность, «завещательный» траст, также начинается оформление ещё при жизни собственника, так как оно составляет завещание, на основе которого

уже после смерти собственника формируется траст.

Ещё одним основанием для расселения трастов по различным формам является степень вовлеченности учредителя траста на управление его имуществом доверенными лицами. Траст «безотзывной» представляет из себя форму, при которой договор о создании траста включает условие о невозможности доверителя в одностороннем порядке расторгнуть договор и изъять имущество обратно. Соответственно, «отзывным» является траст, учредитель которого может в любой момент расторгнуть договор без негативных правовых последствий для себя.

Представляется необходимым упомянуть и о классификации трастов в зависимости от объёма прав, которыми наделяется доверенное лицо. Первым из данной группы является фиксированный траст. При таком трасте доверителем делегируются строго императивные полномочия лица по управлению доверенное собственностью, без возможности осуществления иных имущественных операций. Особое распространение в зарубежной практике получил дискреционный траст, хотя в отечественной правоприменительной практике он не снискал большой популярности. В этом случае бенефициар не приобретает от учредителя никакого реального дохода от увеличения активов, а лишь право на то, что доверительный управляющий передаст ему часть активов. Такое право не может быть передано бенефициаром другому лицу, а также не может быть обременено кредиторами. Такие трасты используются для управления предприятиями посредством использования сотрудников доверительным управляющим, результаты работы которого положительно скажутся на стоимости компании и ее прибыли, а это будет выгодно бенефициарам [3].

Трасты также можно классифицировать по конкретным целям, для которых они были созданы, что четко указано даже в названии. Например, «краткосрочный траст для воспитания детей», созданный по договору о временной (на 5-10 лет) пе-

редаче в управление приносящих доход активов с использованием доходов на определенные цели. Доход от таких фидуциарных операций, как правило, не облагается налогом, поскольку он не используется для потребления. Это включает в себя траст страхования жизни – соглашение между страховщиком и застрахованным о создании траста по полису страхования жизни в интересах указанного бенефициара. В случае смерти застрахованного средства по полису будут выплачены в соответствии с процедурой, установленной в Договоре о доверительном управлении. А также Возвратный траст медицинских расходов – траст, созданный ответчиком для создания средств, которые могут быть использованы для оплаты будущих медицинских расходов истца. Фонды, остающиеся в трасте после смерти истца, возвращаются ответчику полностью или частично. В связи с тем, что трастовый фонд используется на оплату фактически понесенных медицинских расходов, его использование не позволяет истцу извлекать дополнительные доходы [4].

Как нами было показано, доверительные отношения не формируются стихийно. Несмотря на то, что Российская Федерация стала частью мировой рыночной системы относительно недавно, тенденции развития доверительных отношений предпринимательских отношений не обошли её стороной. Но необходимость улучшения законодательства в данной области сохраняется и сегодня. Развитие правовых механизмов распределения полномочий, наличие структуры юридического лица и условий использования по каждому виду доверительного управления позволит усовершенствовать главу 53 ГК РФ за счет гибкости, предлагаемой правовой структурой, основанной на классификации трастовых форм. Обеспечение правового климата, аналогичного фидуциарному регулированию доверительных правоотношений для различных классов доверенных лиц, позволит сократить отток капитала из Российской Федерации.

Библиографический список

1. Петров, И.В. Социально-правовая ответственность в предпринимательской деятельности / И.В. Петров, И.И. Дементеева // Национальные экономики в условиях глобальных и локальных трансформаций: Сборник статей международной научно-практической конференции, Москва, 23-28 октября 2018 года / Под ред. Г.Б. Клейнера, Х.А. Константиныди, В.В. Сорокожердьева. – М.: АНО «Научно-исследовательский институт истории, экономики и права», 2018. – С. 77-80. – EDN YSMHVDV.
2. Кудрявцева Е.С. Перспективы использования доверительного управления имуществом в особых экономических зонах Российской Федерации (на примере опыта оффшорных зон) / Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008.
3. Соколова Н.В. Правовая модель доверительной собственности (траста) и использование ее в наследственном праве Франции и Швейцарии / Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011.
4. Предпринимательское право / Н.Д. Эриашвили, Н.М. Коршунов, П.В. Алексей [и др.]. – 5-е издание, переработанное и дополненное. – М.: Изд-во «Юнити-Дана», 2010. – 719 с. – (Dura lex, sed lex). – ISBN 978-5-238-01908-6. – EDN VIDUNR.

ON THE QUESTION OF THE FORM OF TRUST RELATIONS IN THE FIELD OF ENTREPRENEURSHIP

I.A. Kolesnikova, Student

**Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin
(Russia, Krasnodar)**

***Abstract.** This article analyzes the legal forms that acquire trusting relationships between business entities. The author focuses on the types of trusts that have developed in foreign practice, and have found their place within the framework of Russian entrepreneurial activity. The article concludes that it is necessary to continue the development of the system of property relations and the need to continue the process of formation of various institutions in this area.*

***Keywords:** entrepreneurship, trust relations, trust, legal form, business institutions, types of trusts.*

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN LEGAL SPHERE

I.V. Kondrashova, *Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor*
N.P. Letyagina, *Graduate Student*
South Ural State University (NRU)
(Russia, Chelyabinsk)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-167-170

Abstract. *At the present stage of new technologies development much attention has recently been paid to the issues connected with artificial intelligence. This article is devoted to artificial intelligence and robotization: the history of artificial intelligence development is presented, it is concluded that nowadays there is no universal legislation in the field of artificial intelligence and the use of robots all over the world. The article emphasizes that the phenomenon of artificial intelligence has not yet been fully studied, therefore, the problem of developing legislation in this area remains relevant throughout the world.*

Keywords: *artificial intelligence; history; development; legal regulation; development projects.*

In the digital age, artificial intelligence (AI) occupies a special place. Throughout time, plans and programs have been developed more than once that use AI as the main working mechanism.

For example, in 2019, a new development was announced concerning application of artificial intelligence in combating fraud. These data were obtained during a joint study by SAS (Statistical Analysis System) and ACFE (Association of Certified Fraud Investigators).

Also, the use of AI as a workforce in various service areas has begun – the President of Russia suggested using AI more instead of people in places with harmful conditions, building such mechanisms to work, store data on a domestic cloud platform: «And we need to make sure that it was much safer and more secure than keeping information and paperwork in your own computer or on paper» [1].

But before discussing the useful functions of AI, it is necessary to consider what it really is.

In the technical sense artificial intelligence (AI) is “an automatic software control where algorithms are not set in advance by an operator, but are created independently within the system based on coded descriptions of various types of goals, ideas about actions and information base about the external environment” [2].

The history of artificial intelligence development can be divided into several stages.

1) The first mention (1943-52). The first stage is associated with writing scientific works on the "artificial neuron model" by Warren McCulloch and Walter Peets, Donald Hebb's improvement of these neurons, that were later called "Hebb's learning", and a test to check machine abilities for human-like intelligence [2].

2) Awakening period (1952-56). At this stage, the concept of "artificial intelligence" was introduced into the scientific environment and this phenomenon became part of science. At this time, the first mathematical AI was created. It proved not only half of the existing theorems, but also created new solutions.

3) Dawn of AI (1956-1974). This period of development is focused on the research and creation of many algorithms for solving problems, the use of artificial intelligence programs for communication, such as the ELIZA chatbot [3], as well as the creation of an intelligent robot WABOT-1 [4]. However, the interest in this area was gradually decreasing due to the limited finances, which later led to stagnation.

4) The first period of stagnation (1974-80). In 1973, the Lighthill Report was published, an assessment of the academic research on AI. Up to this point, he has been very critical of research in this area, stating that AI research has essentially fallen short of its grandiose goals. This report forced the end of AI

funding. Subsequently, due to limited finances, the interest in this area decreased, which led to stagnation [5].

5) Rise of AI (1980-87). The situation changed in 1980 when AI returned with the so called "expert systems". Expert systems have been programmed to mimic the ability of a human expert to make decisions. But project funding dwindled again after seven years of development, which led to a new period of stagnation.

6) The second period of stagnation (1987-93). This period is associated with the emergence of the qualification problem that many AI systems faced at the time. This was due to the fact that AI programs could not predict all the negative consequences that hinder development, but at the same time, in theory, they should have been able to self-repair.

7) Emergence of intelligent agents (1993-2011). In 1997, IBM Deep Blue beat world chess champion Gary Kasparov to become the first computer to beat a world chess champion. Facebook, Twitter and Netflix also started using AI. The production of Roomba vacuum cleaners equipped with artificial intelligence has begun.

8) Globalization of AI (2011 – present day). The globalization of AI has been going on since 2011, when IBM Watson won a quiz that involved both hard questions and riddles. A year later, Google launched a program that predicted the forecast at the request of users. Two years later, the Turing test was passed by one of the chatbots. In 2018, Google showed off an AI program called "Duplex" that was a virtual assistant and made an appointment with a hairdresser on call without the woman on the other side noticing she was talking to the machine [6].

With the spread of artificial intelligence in society, with the increase in the use of this technology, various violations of the law can occur. The higher the level of use of AI becomes, the more significant problems appear in the field of legislation. Therefore, the constantly evolving scope of artificial intelligence and its development requires changes in legal regulation.

In addition, there is a high probability that artificial intelligence will cause some kind of

damage. Cases where responsibility for certain actions passed to AI already take place.

That is why the issue of legal regulation of artificial intelligence technology requires a thorough review.

Researchers have not come to a consensus on what kind of legal regulation of artificial intelligence should be: 1) anticipatory universal-total, or 2) the one with the aim to regulate specific artificial intelligence systems being created and taking into account the fact that this area is steadily developing and it is impossible to know exactly what this development will lead to after some time.

M. Scherer suggests that the legal regulation of the use and development of artificial intelligence systems can be effective when the following mechanisms are applied:

- ensuring certification of artificial intelligence systems and a ban on the production and use of non-certified systems, which can be a serious incentive for developers to invest certain resources in ensuring the security of such systems;

- application of joint liability mechanisms for the use of non-certified artificial intelligence systems;

- the use of delicate liability mechanisms as a lever for external factors internalization associated with artificial intelligence systems;

- state funding of research in the field of artificial intelligence systems security with the simultaneous imposition of sanctions against developers who ignore the results of such research;

- establishing the need for approval of artificial intelligence systems by the relevant public authority, the process of which will include several stages of thorough testing for safety, by analogy with ensuring, for example, the safety of medicines [7].

The South Korean scientists were the first to speak about need for legal regulation of the relationship between humans and artificial intelligence. The South Korean legislators became pioneers in the normative consolidation of such doctrinal provisions ("Korean Law for the Development of Artificial Intelligence of Robots" (2005), "Ethical Charter of Robots" (2007) and "Legal regulation of autonomous systems in South Korea" (2012)). They stated the need for detailed regulation of

the activities of the creators of programs for the functioning of robots, as well as people involved in their development and production, use and destruction.

In the United States, the Roadmap for the Development of Robotics is being implemented (Roadmap for US Robotics, 2011, 2016) and the National Robotics Initiative (National Robotics Initiative, 2011, 2016).

Japan has developed and implemented the Guidelines aimed at ensuring the safety of the use of next-generation robots laid down in the Japanese Economic Revitalization Plan and the New Robot Strategy: Japan's Robot Strategy. Vision, Strategy, Action Plan (2015).

China has adopted Guidelines on Promoting the Production of Industrial Robots (2014) and the global state development program "Made in China – 2025" (2015).

The European Parliament adopted Resolution No. 2015/2103(INL) "Civil Law on Robotics", which was based on the 2014 report "Regulating Robotics: A Challenge to Europe", which in its turn has become a part of the large study "European Law Perspectives".

Russia did not stand aside either. Our country is successfully implementing the state program "Digital Economy of the Russian Federation", as well as the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030.

In addition, in 2019, President V. Putin issued a decree on a national strategy for the development of artificial intelligence, which describes the need to create conditions for effective interaction between the state, organ-

izations, including scientific ones, and citizens in the field of artificial intelligence development. It will allow Russian artificial intelligence technologies to take a significant share of the global market, as well as introduce workable AI mechanisms into the economic and social spheres, where AI programs will improve existing processes and improve the quality of services provided.

In pursuance of the presidential decree, Federal Law No. 123-FZ of April 24, 2020 "On conducting an experiment to establish special regulation in order to create the necessary conditions for the development and implementation of artificial intelligence technologies in a constituent entity of the Russian Federation – the federal city of Moscow" was created. This law is aimed at studying the provisions related to the introduction of AI in the social sphere and its successful implementation for the benefit of the inhabitants of a particular subject, while the law does not specify in any way where exactly artificial intelligence will develop, generalizing everything with the term "good".

Summing up, it must be said that at present the world is experiencing an accelerated introduction of technological solutions developed on the basis of artificial intelligence in various sectors of the economy and spheres of public relations. This phenomenon is quite new to the world and has not been fully studied, and therefore the problems in the field of legislation and regulation of the work of artificial intelligence in the state still remain relevant.

References

1. Digital Economy News Vladimir Putin: in the next 10 years it is necessary to ensure the mass introduction of AI in all spheres. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://data-economy.ru/news/tpost/6abk6y3z01-vladimir-putin-v-predstoyaschie-10-let-n>.
2. Coomber C., Horan P., Dew R. On Modeling Biological Neurons With Artificial Neural Networks. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/2290462_On_Modelling_Biological_Neurons_With_Artificial_Neural_Networks.
3. Salecha M. Story of ELIZA, the first chatbot developed in 1966. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://analyticsindiamag.com/story-eliza-first-chatbot-developed-1966/>.
4. Development of Waseda Robot // Waseda university Humamoid. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.humanoid.waseda.ac.jp/booklet/kato_2.html.
5. Lighthill, J. "Artificial intelligence: a general survey", Artificial intelligence: a paper symposium // Science Research Council. 1973. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rodsmith.nz/wp-content/uploads/Lighthill_1973_Report.pdf.

6. Leviathan Y., Engineer P., Matias Y. Google Duplex: An AI System for Accomplishing Real-World Tasks Over the Phone. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ai.googleblog.com/2018/05/duplex-ai-system-for-natural-conversation.html>.

7. Yastrebov O.A. Artificial intelligence in the legal space // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. – 2018. – V. 22. – №3.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПРАВОВОЙ СФЕРЕ

И.В. Кондрашова, канд. пед. наук, доцент

Н.П. Летягина, магистрант

**Южно-Уральский государственный университет (НИУ)
(Россия, г. Челябинск)**

***Аннотация.** В последнее время на современном этапе развития новых технологий большое внимание уделяется вопросам, связанным с искусственным интеллектом. Данная статья посвящена искусственному интеллекту и роботизации: представлена история развития искусственного интеллекта, делается вывод о том, что в настоящее время во всем мире не существует единого законодательства в области искусственного интеллекта и использования роботов. В статье подчеркивается, что феномен искусственного интеллекта еще не изучен до конца, следовательно, проблема разработки законодательства в данной области остается актуальной во всем мире.*

***Ключевые слова:** искусственный интеллект; история; разработка; правовое регулирование; проекты развития.*

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

С.М. Кононенко, магистрант

Научный руководитель: А.П. Алексеенко, канд. юрид. наук, доцент

Владивостокский государственный университет

(Россия, г. Владивосток)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-171-177

Аннотация. Одна из наиболее значимых технологических тенденций последних тридцати лет – алгоритмизация деятельности гражданского общества и государства, резко усилившаяся в связи с переходом подавляющего большинства информационных потоков в цифровую форму. Актуальным видится анализ опыта цифровизации правового регулирования в зарубежных государствах, в первую очередь – новейших достижений применения искусственного интеллекта к большим массивам юридической информации (Big Date). Был проведен анализ зарубежных аналитических правовых баз данных (COMPAS, прогнозирующих систем RAVEL LAW, ROSS (Watson/Ross), Context in Lexis Advance и Legal Analytics Platform, позволяющих свести к алгоритму принятие юридически значимого (правосудного) решения, основанного на машинном (электронном) анализе большого массива данных, выявлены сопутствующие полезные направления воздействия цифровизации на правовую систему.

Ключевые слова: цифровизация правового регулирования, цифровизация правореализационного процесса, цифровизация на стадии правоприменения, цифровизация правосудия, предсказанное правосудие, технологии прогнозирования судебных решений, правосудие на основе больших данных.

Первоначальная волна цифровизации была связана с распространением компьютерной техники и ростом объемов компьютерной обработки информации – как в бытовой сфере, так и в бизнесе, в управленческой деятельности. Ее сменила цифровизация в сфере электросвязи и распространение мобильной связи, затем – цифровизация в сфере логистики и перевозочных услуг. Именно в сфере транспорта впервые (с 2008 г.) проявилась цифровизация социального управления и правового регулирования в первую очередь: речь идет о появлении так называемых комплексов слежения, в функции которых входило не только автоматическое измерение скорости, но и формирование данных о владельце превысившего скорость транспортного средства, а также наложение, хотя и при посредстве должностного лица, административных санкций (ст. 2.6.1 КоАП РФ). В этой сфере юридическая деятельность государства впервые перешла от собирания цифровых данных – к принятию на их основе окончательных (правоприме-

нительных) решений. Дальнейшее развитие такого перехода – от цифровизации данных в цифровизацию принятия решений – предлагается в настоящее время на основе уже собранных метаданных. Однако такое развитие, как на этапе правоприменения, так и на более ранних этапах правового регулирования – сопряжено со значительными как техническими (включая некорректную работу информационных систем), так и социальными рисками, в первую очередь – с нарушением принципов справедливости и, что наиболее значимо, индивидуализации юридической ответственности. Поэтому наиболее широко развивается в настоящее время цифровизация на стадии правореализации: речь идет как о заключении сделок в цифровой форме, так и о цифровых формах обращения в государственные, в том числе в судебные органы.

Понимание потребности в развитии цифровизации на всех стадиях правового регулирования существует и на самом высоком официальном уровне. Так, среди

приоритетных национальных целей и стратегических задач в Указе Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 постоянно указывается на цифровую экономику, цифровые решения, цифровое образование и подготовку кадров, на «внедрение цифровых технологий и платформенных решений в сферах государственного управления и оказания государственных услуг, в том числе в интересах населения и субъектов малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей» [1].

Постановлением Правительства России от 29.12.2020 г. № 2351 было отмечено, что необходимо «скорейшее внедрение в судебную систему, систему принудительного исполнения судебных актов и судебно-экспертную деятельность современных информационно-коммуникационных технологий, позволяющих сформировать инновационный подход к их развитию, а также улучшить качество и сроки осуществления правосудия, качество и оперативность проводимых судебно-экспертными учреждениями экспертиз и обеспечить эффективное исполнение судебных решений» [2].

Аналогичные положения, с более развернутым содержанием, закреплены в национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации» [3]. В частности, в числе ее задач – «внедрение цифровых технологий и платформенных решений в сферах государственного управления и оказания государственных услуг, в том числе в интересах населения и субъектов малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей».

В этой связи целесообразным представляется исследование опыта цифровизации правового регулирования в зарубежных государствах: анализ как их ошибок в направлении развития цифровизации, так и уже имеющихся достижений. К числу последних, например, относится опыт КНР, где действует «мобильный суд, доступный через чат-бот в самом крупном менеджере страны» (очевидно, речь идет о WeChat) [3], рассмотревший, по данным на январь 2021 г., уже более 3 млн граждан-

ских дел. В Евросоюзе с 2018 г. действует Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях [4]. Наконец, в США на частном инвестиционном уровне разрабатываются такие алгоритмы, как COMPAS, а также прогнозирующие системы RAVEL LAW и ROSS (Watson/Ross) [5].

Однако все эти процессы, несмотря на очевидность перспективного значения для всей сферы правового регулирования, в российских исследованиях представлены крайне недостаточно: отечественная наука все еще решает проблемы применения цифровой информации в доказывании, идентификации электронных документов и до сих пор направлена лишь на уголовные аспекты их обращения [6; 7]. Исключения представляют собой лишь работы А.В. Аносова (2016 год [8]) и С.В. Васильковой (2018 год [9]), которые, однако, направлены на анализ развития электронного правового регулирования лишь в России. И хотя исследования развития цифровых технологий правового регулирования в зарубежных государствах также имели место, они уже существенно утратили актуальность в своей фактологической части (работы Н.А. Данилова (2013 г. [10]) и Е.Г. Иншаковой (2015 г. [11]), а также наиболее актуальная на данный момент, хотя и не связанная прямо с правовым регулированием работа А.С. Киселева 2018 года [12]). Таким образом, можно заключить, что, несмотря на назревшую в данный момент потребность в компаративных исследованиях цифровых технологий правового регулирования, данные исследования в нашей науке почти отсутствуют.

Для состояния отечественной науки в сфере цифровых технологий правового регулирования показательным, что даже в последних исследованиях продолжается смешение проблем электронного правосудия как алгоритма принятия юридически значимого (правосудного) решения, основанного на машинном (электронном) анализе большого массива данных – с одной стороны и проблем, связанных с электронной формой судебных обращений и судебных доказательств – с другой [9, с. 6], хотя

очевидно, что вопросы цифровой формы доказательств относятся не к правоприменительной, а к правореализационной деятельности. Эти исследовательские ошибки приводят к размыванию существа проблем, связанных с цифровизацией правоприменительной деятельности. Кроме того, полностью отсутствуют исследования, направленные на анализ перспектив развития цифрового правотворчества – первой и основной стадии правового регулирования.

В то же время, приоритет проблем цифровизации правоприменения вызван одновременно несколькими факторами: как нарастанием правоприменительного (судебного) материала, для систематизации которого уже недостаточно таких электронных баз, как «КонсультантПлюс» или «Гарант», так и развитием самих цифровых технологий, достигших уровня создания «самообучающихся» программ, т.е. программ, учитывающих вновь возникающие факты для оценки как ранее заложенных в нее, так и последующих фактов, или «искусственного интеллекта». Речь идет о новых возможностях поиска судебных актов и далее - прогнозирования правоприменительных решений - на основе юридического контента решений, уже состоявшихся. Именно юридический контент стал основой для исследований, проведенных в американской корпорации Ravel Law (ныне это корпорация «LexisNexis»). Так как поиск велся в рамках англо-американской правовой семьи, был взят юридический контент из текстов общего права. В них были выявлены цитаты, стандартные фразеологические обороты, профессиональные формулировки, в том числе сленговые (textual patterns), рассуждения судей Верховного Суда США и иных судей (judges opinions). Впоследствии система сама начала выявлять стандартные юридические формулировки, понятия, профессиональные обороты и иные textual patterns. Особенный упор делался на аргументацию, т.е. мотивационную часть судебных актов, что позволило выявить, какими наиболее типичными формулировками тот или иной судья обосновывает свои решения, а значит – какой язык (лек-

сика и фразеология) убедителен для того или иного судьи (отсюда и последнее из названий программы – «Context in Lexis Advance»), т.е. «контекст в правовом предвидении»). Для примера компания предлагает перечень дел из округа одного из тexasских судей – Нэнси Фридмен, причем читателю компанией (посредством применения искусственного интеллекта) предлагается «понять поведение правосудия и судебные тренды» (Contextualize your understanding of the judge or court with views of the underlying list of cases) [13], «заговорить языком судьи» в исковом заявлении и т.п.

Интересно, что создание этой системы в США оценивается не только с точки зрения лучших результатов в спорах, но и с точки зрения возможностей, которые предоставляются юристам для снижения их расценок (или, как выразился один из аналитиков, «для обеспечения прибыльности в период продлившегося снижения выручки» – «to also protect profit margins at a time of continued pressure on fees» [14]).

Еще одна – аналогичная система обработки данных представлена английской корпорацией Westlaw (охватывает массивы данных Великобритании, Ирландии и Шотландии), с полным правом называющей себя «лидирующей» компанией в юридическом поиске (The leading legal research service). В контент ее поисковой системы входят более полумиллиона документов из различных видов судебных споров, более 2 млн законов и почти 1 млн публикаций [15], охватывая при этом более, чем 200-летний период.

Как отмечают исследователи, «Now there is a new wave of legal data pioneers who see that by using better analytical technology, such as Natural Language Processing (NLP) and machine learning, they can provide legal researchers with a new approach that could hone in exactly on what they want to find. But, not only that, it could help to find nuances in legal opinions and judges' behaviours that before would have taken weeks to investigate, or simply would never have been found due to the complexity of doing that manually» [14]. Речь идет об обработке естественного языка (Natural Language

Processing – НЛП) и «программном само-обучении», позволяющем найти такие детали юридических суждений и поведения судей, которые раньше занимали бы недели.

Очевидно, что развитие технологий таких цифровых систем не находится в сфере ведения юриспруденции. Однако содействие юридической науки в развитии искусственного интеллекта для российской юриспруденции могло бы происходить в следующих направлениях:

- в дальнейшей универсализации юридического языка. В первую очередь, речь должна идти об уточнении лексики, применяемой в текстах нормативных и правоприменительных актов. Эта, когда-то сугубо теоретическая, задача – становится в настоящее время практически значимой – именно для точного общения правотворческой и правоприменительной практики посредством искусственного интеллекта. В этом направлении затруднения, как представляется, могут вызывать лишь отраслевые различия одних и тех же понятий. Так, понятия вины (или субъективной стороны правонарушения) в уголовном праве (ст. 24 Уголовного кодекса РФ) и в праве гражданском (п. 1 ст. 401 Гражданского кодекса РФ) – существенно отличаются, что исключает возможности сопоставления судебных актов, в которых разрешался вопрос о виновности уголовно-правовой, с судебными актами, в которых разрешался бы вопрос о виновности гражданско-правовой;

- в консолидации, уточнении научного мнения о тех или иных юридических понятиях, определениях, юридических конструкциях и иных правовых категориях. В частности, для развития правотворческого и правоприменительного языка ценными достижениями стали бы фиксация понятия и содержания таких юридических категорий, как правовой статус и правовой режим. В свою очередь, определение их структуры позволило бы предусмотреть в нормативных правовых актах последовательно и без упущений все элементы правового статуса того или иного субъекта права, а также сопоставить (сравнить) их с правовыми статусами иных субъектов

права. Например, в действующем законодательстве в структуре правового статуса депутата регионального парламента предусмотрена такая правовая гарантия, как неприкосновенность (пункт 2 статьи 13 Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [16], ч. 2 ст. 1.4 Кодекса РФ об административных правонарушениях, ч. 1 ст. 447 Уголовно-процессуального кодекса РФ), которая выражается, в частности, в особом порядке привлечения народного избранника к административной и уголовной ответственности. Однако для губернаторов, которых в настоящее время с полным правом также можно назвать народными избранниками (более того, консолидированными, в отличие от депутатов, народными избранниками) – такая правовая гарантия не предусмотрена (что и стало одним из катализаторов народного недовольства в Хабаровске). Очевидно, что в отношении губернатора, который избирается на равных с депутатами, необходима аналогичная правовая гарантия, что устранило бы конституционный дисбаланс их правовых статусов, а внедрение в правотворческую деятельность искусственного интеллекта сразу позволило бы выявить множество аналогичных статутных несоответствий, в первую очередь – в отношении правовых статусов государственных служащих;

- в дальнейшей кодификации законодательства, в частности, гражданского исполнительного права и права социального обеспечения. Применение искусственного интеллекта возможно в указанных отраслях не столько в целях создания новых кодексов (Исполнительного и Социального), сколько в целях достижения на основе этих кодексов федерального единообразия правоприменительной практики в отношении как социальной защиты граждан, так и гражданского исполнительного производства. Например, в настоящее время резко активизировалось развитие социального законодательства: появилось множество новых мер социальной поддержки,

направленных на поддержание детства, материнства, инвалидности, а также профессиональной деятельности в условиях повышенного риска заражения новой коронавирусной инфекцией. Такой подход привел к смешению многих форм, в результате чего одни семьи оказались получателями сразу нескольких пособий (в силу схожих оснований их назначения), другие – по-прежнему остаются без необходимой им социальной помощи, что также приводит к нарушению социальной справедливости. Поэтому представляется эффективным применение искусственного интеллекта в целях выявления категорий граждан, нуждающихся в расширении социальной защиты. Информационной основой такого применения должны стать данные, собранные в Едином регистре граждан Российской Федерации.

Еще одна аналитическая правовая система – «Legal Analytics Platform» (ныне принадлежит корпорации «Lex Machina»). В отличие от предшествующих аналитических правовых систем, эта система, как представляется, не несет полезной социальной функции (оптимизация труда юриста), а концентрируется лишь на «метаюридических» обстоятельствах спора и нацелена исключительно на поиск информации, позволяющей не столько разрешить дело по справедливости, сколько «выиграть» его в прямом смысле. Отсюда – характер предлагаемой информации по делу:

«Your opposing counsel’s experience before specific judges and courts,

Your opposing counsel’s client list

Which law firms have the most experience against opposing counsel» [17].

Библиографический список

1. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 // СПС «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_373440/c68afa1d5c7f37744d2dca2cb9f356d1f2911d10/#dst100010 (дата обращения: 30.12.2022).

2. О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406: Постановление Правительства РФ от 29.12.2020 № 2351 // СПС «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ (дата обращения: 10.12.2022).

3. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»»: утв. Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегиче-

Как видно, аналитической правовой системой исследуется взаимодействие юриста противоположной стороны с определенными судами (судьями), а также перечень клиентов юриста противоположной стороны и перечень юристов (юридических фирм), которые имеют опыт противостояния юристу противной стороны. Для сравнения предлагаются также скорость разрешения дел, ведущихся различными юристами (юридическими организациями), суммы споров, в которых участвовал процессуальный противник (что для российской информационной системы представляется сложным в связи с исключением этих данных из текстов судебных актов), иная тактическая информация. Однако представляется, что данное приложение – образец того, какой не должна быть основанная на искусственном интеллекте справочная правовая система, поскольку ее целью является анализ именно внеюридических, процедурных элементов тактики юриста по делу, а не вопросы права, и использование такой, лишенной правового смысла, информации может быть направлено в большей мере на процессуальные злоупотребления, нежели на справедливое разрешение дела.

Таким образом, можно сделать вывод, что западный опыт создания аналитических правовых систем являет собой частный случай общего для России правила о необходимости осторожного подхода к его заимствованию и объективной оценки целесообразности такого заимствования. Однако тот факт, что в определенных своих элементах такое заимствование российской юридической практике необходимо – остается бесспорным.

скому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7 // СПС «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_328854/#dst0 (дата обращения: 10.12.2022).

4. Стрелец И. Цифровое правосудие в России и мире. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vc.ru/legal/104178-cifrovoye-pravosudie-v-rossii-i-mire> (дата обращения: 10.12.2022).

5. Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях. Принята на 31-м пленарном заседании Европейской комиссией по эффективности правосудия 03.12.2018 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4> (дата обращения: 10.12.2022).

6. Зазулин А.И. Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовному делу: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – Екатеринбург, 2018. – 32 с.

7. Бегишев И.Р. Понятие и виды преступлений в сфере обращения цифровой информации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Бегишев Ильдар Рустамович. – Казань, 2017. – 204 с.

8. Аносов А.В. Информационно-правовые вопросы формирования электронного правосудия в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.13 / Аносов Александр Владимирович. – Москва, 2016. – 179 с.

9. Василькова С.В. Электронное правосудие в цивилистическом процессе: дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2018. – 251 с.

10. Данилова Н.А. Правовое регулирование электронного правительства в зарубежных странах: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Москва, 2013. – 158 с.

11. Иншакова Е.Г. «Электронное правительство» в публичном управлении: административно-правовые проблемы организации и функционирования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Иншакова Екатерина Геннадьевна. – Воронеж, 2015. – 212 с.

12. Киселев А.С. Формирование идеи электронного государства и особенности ее реализации: теоретико-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Киселев Александр Сергеевич. – Тамбов, 2018. – 212 с.

13. LexisNexis. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lexisnexis.com/en-us/products/lexis-plus/litigation-analytics.page> (дата обращения: 30.11.2022).

14. Cue Ravel. AL Interview: Ravel and the AI Revolution in Legal Research / Ravel Cue // *Artificiallawyer*. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.artificiallawyer.com/> (дата обращения: 30.11.2022).

15. Westlaw UK: The leading legal research service // Westlaw. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalsolutions.thomsonreuters.co.uk/en/products-services/westlaw-uk.html> (дата обращения: 30.11.2022).

16. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ (посл. ред. от 13.07.2020 № 194-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14058/ (дата обращения: 04.12.2022).

17. Litigation World Reviews Lex Machina's Legal Analytics Platform // *Legal Analytics Platform*. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lexmachina.com/legal-analytics/> (дата обращения: 30.11.2022).

**PROBLEMS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE DEVELOPMENT
IN LEGAL REGULATION**

S.M. Kononenko, *Graduate Student*

Supervisor: *A.P. Alekseenko, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*

Vladivostok State University

(Russia, Vladivostok)

Abstract. *One of the most significant technological trends of the last thirty years is the algorithmization of the activities of civil society and the state, which has sharply intensified due to the transition of the vast majority of information flows into digital form. It seems relevant to analyze the experience of digitalization of legal regulation in foreign countries, first of all, the latest achievements in the application of artificial intelligence to large arrays of legal information (Big Data). The analysis of foreign analytical legal databases (COMPAS, forecasting systems RAVEL LAW, ROSS (Watson/Ross), Context in Lexis Advance and Legal Analytics Platform was carried out, allowing to reduce to an algorithm the adoption of a legally significant (judicial) decision based on machine (electronic) analysis of a large array of data, the accompanying useful areas of influence were identified digitalization of the legal system.*

Keywords: *digitalization of legal regulation, digitalization of the legal process, digitalization at the stage of law enforcement, digitalization of justice, predicted justice, technologies for predicting court decisions, justice based on big data.*

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИИ

С.М. Кононенко, магистрант

А.П. Алексеенко, канд. юрид. наук, доцент

Владивостокский государственный университет
(Россия, г. Владивосток)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-178-183

***Аннотация.** Правовое регулирование традиционно рассматривалось как субъективная категория, т.е. как деятельность, которая ведется субъектом, обладающим властными полномочиями. До сих пор считалось бесспорным (и, как следствие, не обсуждалось основательно в юридической науке), что правовое регулирование осуществляется субъектом непосредственно, лично, а случаи трансляции регулятивных полномочий возможны были всегда от человека к человеку и никогда – к обезличенному «автоматизированному производству» правовых предписаний, компьютерной программе. Иная ситуация складывается в настоящее время, что обусловило актуальность работы. В работе выделены три основных этапа цифровизации механизма правового регулирования в России. Был сделан вывод, что современный третий этап цифровизации обусловлен потребностью в формировании искусственного интеллекта, развивающегося на основе больших данных (Big Data) посредством deep learning в правотворческой, правореализационной и правоприменительной сферах.*

***Ключевые слова:** цифровизация правового регулирования, цифровые субъективные права, утилитарные цифровые права, самообучающееся автоматизированное правоприменение.*

С точки зрения развития в правовом регулировании процесса цифровизации, можно выделить три этапа.

Первый этап – преобразование фактических данных в цифровую форму, возникновение особой формы фиксации фактических данных – цифровой информации и, что наиболее значимо – преодоление проблемы юридического значения цифровых данных (которая в доказательственном праве проявила себя как проблема их допустимости). На этом этапе появляются первые положения, правила, регулирующие восприятие человеком (субъектом права) фактических данных в цифровой форме. В частности, в России к элементам этого этапа относится появление сначала Федерального закона «Об электронной цифровой подписи» [1], который с совершенствованием технологий был заменен ныне действующим Федеральным законом от 06.04.2011 №63-ФЗ «Об электронной подписи» [2]. В 2010 г. в статье 2 Федерального закона от 27.07.2006 №149-ФЗ появляется пункт «11.1» [3], содержащий

понятие электронного документа. Дальнейшее развитие этого этапа можно наблюдать на примере процессуальных кодексов, в которых появляются нормы, статьи и даже главы о порядке использования в судопроизводстве электронных документов (такова, например, Глава 56 УПК РФ), что в систематическом виде произошло в 2016 г. [4].

В это же время цифровые данные начинают массово применять в качестве доказательств и государство: в частности, особо обсуждаемым стало допущение КоАП РФ видеокамер с цифровой фиксацией фактов нарушения Правил дорожного движения. Хотя статья 2.6.1 КоАП РФ была введена в 2007 г., принципиально значимое указание о фиксации правонарушения «в автоматическом режиме» (т.е. «без какого-либо непосредственного воздействия на него человека» – абзац второй пункта 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 №20 [5]) появилось в ней в 2011 году. Таким образом, именно 2011 год следует считать временем появления в

России соответствующего «цифрового» механизма признания цифровых данных достаточным основанием для применения административной ответственности.

Одновременно в России идет создание различных реестров с данными в электронной форме. В настоящее время насчитывается порядка двух десятков единых государственных реестров, или ЕГР (ЕГР автомобильных дорог, ЕГР прав на воздушные суда, ЕГР СРО оценщиков, ЕГР налогоплательщиков, ЕГРЮЛ и т.д.). Особо среди названных реестров следует выделить единый государственный реестр сертификатов ключей подписей удостоверяющих центров [6], деятельность которого создала технические предпосылки для формирования второго этапа цифровизации правового регулирования – появления цифровых прав.

С 2013 года действует Федеральная целевая программа (далее – ФЦП), которая была направлена на цифровизацию судопроизводства. Постановлением Правительства РФ от 29.12.2020 г. № 2351 (содержащем последнюю из редакций данной ФЦП) было выделено три основных области юридической деятельности, в которые государство планирует вводить информационно-коммуникационные технологии:

- судопроизводство, в том числе правосудие во всех судах судебной системы РФ. В частности, среди мероприятий Программы (начало ее реализации – 2013 год) – «создание комплекса сканирования и хранения электронных образов судебных документов, а также проведение работ по переводу судебных архивов в электронный вид», а также «создание условий для электронного судопроизводства, предусматривающего упрощение процедур подачи в суд исковых заявлений, жалоб в электронном виде, получения копий документов и ознакомления с материалами дела»;

- принудительное исполнение судебных актов. В частности, было предписано внедрение современных технологий в систему исполнения юрисдикционных актов, включая создание единой ЕАИС ФССП и электронного архива для хранения электронных документов с целью перехода на

принудительное исполнение в электронном виде;

- судебная экспертиза, т.е. экспертная деятельность, осуществляемая во всех видах судопроизводства.

В отличие от первого, второй этап характеризуется допущением в правовой системе России не просто фактических данных, признаваемых правосудием в цифровой форме, а субъективных прав, также выраженных исключительно в цифровой форме.

В частности, в 2019 г. [7] в Гражданском кодексе РФ (ст. 141.1) появляется понятие цифровых прав и определяются общие условия их приобретения, реализации и прекращения.

Наряду с общей статьей ГК РФ, в российском законодательстве появляется в этом же году Федеральный закон «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [8], основная идея которого состояла в том, чтобы легализовать и тем самым урегулировать рынки, действующие на основе технологии блокчейн. Согласно статье 1 данного ФЗ, этот закон урегулировал инвестиционные отношения с использованием «инвестиционных платформ», в том числе установил статус «оператора инвестиционных платформ» и порядок возникновения и оборота так называемых «утилитарных цифровых прав». Как видно, данный ФЗ также направлен на цифровизацию (цифровую фиксацию) материальных (гражданских) прав, в том числе – на регулирование «платформ», т.е. на создание правового режима их обращения в технологически новых цифровых средах с усложненным составом.

Спустя год был принят еще один закон – о цифровых финансовых активах и цифровой валюте. Если в первом случае речь шла о цифровых правах, то во втором – о двух их разновидностях, связанных с денежными требованиями и с корпоративными требованиями. Так, из определения понятия цифровых финансовых активов следует, что под ним понимаются те же цифровые права, но, во-первых, включа-

ющие денежные требования, во-вторых, включающие возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы. Очевидно, под «распределенным реестром» законодатель в пункте 2 статьи 3 ФЗ от 31.07.2020 № 259-ФЗ – и понимал технологию блокчейна.

В следующем пункте этой же статьи дается определение цифровой валюты – как совокупности электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей. Как видно из данного определения, революционным в нем является не столько легальное признание разного рода «биткойнов» и «эфирiums», сколько то, что они признаются эмитированными (и даже именуется «валютой») и признаваемыми только самим сообществом держателей этих электронных данных. Иначе говоря, если с самого становления государства деньги всегда рассматривались как государственные казначейские обязательства (статья 27 и 29 ФЗ 10.07.2002 № 86-ФЗ [9]), то есть их платежеспособность и оборотоспособность гарантировались эмитировавшим их государством, то так называемая цифровая валюта имеет от всех иных валют то принципиальное отличие, что она не обеспечивается реальными материальными активами ни одного государства, не гарантируется даже авторитетом какого-либо государства и вообще авторитетом какого-либо эмитента (на данное положение не влияет то, что некоторые государства объявили, например, биткойн своей национальной валютой, сделав его тем самым разновидностью публичных финансов [10], поскольку не они являются его эмитентами),

а основана лишь на молчаливом согласии держателей этих электронных данных, лиц, согласившихся принять эти электронные данные в качестве средства платежа и обязательствах организатора электронной платформы, в рамках которой находятся эти электронные данные.

Нельзя не отметить, что этот этап еще не в полной мере завершен: до сих пор не введен, например, институт цифрового рубля, который был заявлен Концепцией ЦБ РФ в 2021 году [11]. Отличие безналичного рубля от цифрового наилучшим образом выражена в суждении В. Кошкина: «есть российский рубль наличный – в монетах и банкнотах, есть безналичный – записи в электронных финансовых системах, а появится цифровой – код, хранящийся в специальном электронном кошельке» [12]. Интересно, что в рамках этой Концепции существует и так называемая «модель Е», из которой следует возможность «токенизации» безналичного рубля на уровне коммерческих банков Российской Федерации, который (по аналогии с биткойном) не будет признаваться обязательством ЦБ РФ, но который будет допущен им к обороту. Спустя год (с 15 мая 2022 года) было запущено тестирование цифрового рубля [13], при этом основными направлениями проверки должны стать его возможности при расчетах в маркетплейсах и агрегаторах, а основными направлениями защиты – конфиденциальность и возможности налогового администрирования. При этом его скорейшее введение обусловлено его преимуществами: «по мнению руководителя Федерального казначейства Романа Артюхина, это «панacea» для бюджетного процесса, так как он обеспечит «тотальный контроль» целевого использования бюджетных средств» [14]. Действительно, уникальность цифрового кода такого рубля означает, что его движение будет несложно отследить независимо от числа его транзакций в платежной системе.

Третий этап можно определить как «автоматизированное правоприменение». Если первые два этапа представляли собой, по существу, только перевод юридической информации в электронную форму (а за-

тем – в цифровой код), то особенность третьего этапа – самостоятельное принятие искусственным интеллектом правотворческих, правореализационных и, что самое сложное – правоприменительных решений.

Этот этап, как представляется, стал возможен на основе создания технологии блокчейн и электронных систем, способных к самостоятельной, на основе правил формальной логики, систематизации больших массивов фактических данных. В мире этот процесс развивается пока только в качестве рекомендательных, прогностических юридических систем, но очевидно, что направление этого развития – формирование электронного правосудия.

Следует отметить, что первые два этапа развития электронного правосудия в полной мере закрепились в отечественной правовой системе (п. 3.2.1 Приказа Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251 [15]).

В отличие от предшествующих двух этапов, на данном этапе предполагается использование информации, сгенерированной посредством самообучающейся программы – искусственного интеллекта. Например, для начала действия такой самообучающейся программы можно было бы передать ей некоторые функции по проверке названных выше электронных сообщений, освободив правоприменителя от таких функций, как изучение правильности определенных реквизитов искового заявления (адреса, телефона, фамилии, имени и отчества сторон и т.п.). Иначе говоря, при приеме исковых заявлений искусственный интеллект уже мог бы принять на себя проверку исполнения таких обязательных реквизитов искового заявления, которые закреплены в пунктах «1)» - «3)», «б)» части второй статьи 131 ГПК РФ.

Такого рода проверка, если бы она была встроена в функции программного обеспечения судов, значительно бы сократила время, необходимое судье для принятия решения о приеме искового заявления или об ином процессуальном решении по поступившему иску.

Однако в Постановлении Правительства РФ от 29.12.2020 г. № 2351 указано лишь на те области, в которых цифровизация будет поддерживаться государством. Между тем, объективная необходимость не только цифровизации юридической деятельности, но и введения в нее возможности основанных на объективном анализе данных юридических решений – существует не только для государственных органов. Значительный объем потребности в цифровой юриспруденции связан с поиском информации частными лицами, с ее цифровой обработкой на основании юридической логики, и если первая группа потребностей все больше удовлетворяется за счет различных «конструкторов» документов (подобных, например, Конструктору договоров в СПС «КонсультантПлюс»), консолидации сведений из публичных реестров, а также различного рода СПС (помимо «Консультант-Плюс», это «Гарант» и «Кодекс») и оптимизирующих юридическую работу программ (подобных бухгалтерским 1С, кадровым программам, BPM/ERP/ECM-комплексам и т.п.), то вторая группа потребностей – до сих пор остается полностью не реализованной.

Ни в названном Постановлении, ни в программном обеспечении, предлагаемом на уровне гражданского общества – до сих пор нет программных комплексов, направленных на самостоятельную, т.е. автоматизированную аналитику компьютерной программой собранного материала (введенных данных). Интеллектуальная обработка юридических данных по-прежнему остается для российского потребителя юридической информации недоступной, хотя на частном уровне ее продвижением занимается ряд организаций (например, TAG Consulting Russia). Таким образом, на данном третьем этапе можно выделить, сообразно предложенной выше классификации стадий правового регулирования, такие направления развития цифровизации правового регулирования, которые позволят сформировать искусственный интеллект (развивающийся на основе новых данных посредством deep learning) в правотворческой, правореализационной и правоприменительной сферах.

Показательно, что искусственный интеллект уже в полной мере применяется для инженерных изысканий, для оценки финансовых рисков и построении финансовых и иных бизнес-моделей, для лингвистических переводов, но до сих пор – не реализован для юридических задач. До сих пор не существует программ, которые позволяли бы на запрос юриста выдать

наиболее подходящие по смыслу решения (а не только набор судебных актов со схожими кванторами, как это возможно ныне в СПС). В то же время, наибольший задел в данном направлении был достигнут в англо-американской юриспруденции, исследование которой необходимо выделить специально.

Библиографический список

1. Об электронной цифровой подписи: Федеральный закон от 10.01.2002 № 1-ФЗ (утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34838/ (дата обращения: 25.10.2021).

2. Об электронной подписи: Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (посл. ред. от 19.12.2022 № 536-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/ (дата обращения: 22.12.2022).

3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (посл. ред. от 14.07.2022 № 325-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 14.10.2022).

4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти: Федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200008/ (дата обращения: 23.09.2021).

5. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 20 // СПС «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_327611/ (дата обращения: 23.09.2021).

6. Об утверждении Административного регламента предоставления Министерством связи и массовых коммуникаций Российской Федерации государственной услуги по организации ведения единого государственного реестра сертификатов ключей подписей удостоверяющих центров, обеспечению доступа к нему и к реестру сертификатов ключей подписей уполномоченных лиц федеральных органов государственной власти, физических лиц и организаций: Приказ Минкомсвязи РФ от 23.11.2011 N 321 (Зарегистрировано в Минюсте РФ 30.12.2011 N 22857) // СПС «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125356/02cf655a1e2fd795a3bc36ed49df936fd1ea7d6d/ (дата обращения: 23.09.2021).

7. О внесении изменений в первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 18.03.2019 N 34-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320398/ (дата обращения: 23.09.2021).

8. О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 02.08.2019 N 259-ФЗ (посл. ред. от 31.07.2020 № 259-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330652/ (дата обращения: 25.06.2022).

9. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (посл. ред. от 30.12.2021 № 484-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/ (дата обращения: 01.12.2022).

10. Теткин М. Сальвадор докупил объявленных валютой страны биткоинов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zen.yandex.ru/video/watch/6299ec75a32b3a29ac0f2dfb> (дата обращения: 01.12.2022).

11. Банк России представил Концепцию цифрового рубля: Информация Центрального Банка Российской Федерации от 08.04.2021 // СПС «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_381759/ (дата обращения: 01.12.2022).

12. Кошкин В. Экономист объяснил, зачем России нужен цифровой рубль // Российская газета. – 18 мая 2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2022/05/18/ekonomist-obiasnil-zachem-rossii-nuzhen-cifrovoj-rubl.html?ysclid=153ewy9qjg886880621> (дата обращения: 01.12.2022).

13. Шалимова А. ЦБ приступил к тестированию цифрового рубля. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10961123&ysclid=153a4gb0gl302386070> (дата обращения: 01.12.2022).

14. Волкова Е. На ПМЮФ обсудили введение цифрового рубля // Коммерсантъ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5445263?ysclid=153aaw3orp693093693> (дата обращения: 01.12.2022).

15. Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251 (в ред. от 17.11.2021) // СПС «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209690/?ysclid=153sadfua688563320 (дата обращения: 25.11.2022).

STAGES OF DEVELOPMENT OF DIGITALIZATION OF LEGAL REGULATION IN RUSSIA

S.M. Kononenko, Graduate Student

A.P. Alexeenko, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Vladivostok State University

(Russia, Vladivostok)

Abstract. *Legal regulation has traditionally been considered as a subjective category, i.e. as an activity conducted by a subject with authority. Formally and legally, it could be not only an individual, but also an organization. On the contrary, from a sociological point of view, it has been considered indisputable until now (and, as a result, has not been thoroughly discussed in legal science) that legal regulation is carried out by the subject directly, personally, and cases of the transfer of regulatory powers have always been reduced to their transfer from person to person. In other words, until now, legal regulation has never been reduced to an impersonal "automated production" of neither general norms nor individual prescriptions, i.e. it has never been reduced to the transfer of regulatory powers by a man-machine. The situation is different now. The paper highlights the main stages of the ongoing digitalization of the legal regulation mechanism in Russia.*

Keywords: *digitalization of legal regulation, digital subjective rights, utilitarian digital rights, self-learning automated law enforcement.*

ОБ УСЛОВИЯХ, ПРИ КОТОРЫХ ТРЕБОВАНИЯ К ПОДРЯДЧИКУ-БАНКРОТУ МОГУТ БЫТЬ ОТНЕСЕНЫ К КАТЕГОРИИ ГАРАНТИЙНОГО УДЕРЖАНИЯ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ САЛЬДИРОВАНИЯ

Д.В. Королева, канд. юрид. наук, доцент
Уфимский университет науки и технологий
(Россия, г. Уфа)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-184-186

Аннотация. В статье характеризуется правовая природа сальдирования в результате произведенного гарантийного удержания в подрядных отношениях. Ввиду отсутствия законодательного регулирования гарантийного удержания исследована судебно-арбитражная практика, закрепляющая требования к формулировкам, при наличии которых условие о гарантийном удержании считается согласованным сторонами. Разработка темы настоящей статьи представляется необходимой как с научно-теоретической точки зрения, так и в практических целях, поскольку сальдирование в результате гарантийного удержания не является зачетом, и следовательно, не подлежит оспариванию в рамках банкротных дел.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), сальдирование встречных требований, гарантийное удержание, принцип свободы договора, зачет.

Вопрос о возможности сальдирования гарантийного удержания и собственно отличие сальдирования от зачета имеет важное значение в случае банкротства подрядчика, поскольку в процедурах банкротства по общему правилу взаимозачет встречных требований не допускается, если при этом нарушается установленная законом очередность удовлетворения требований кредиторов – в наблюдении (абз. 6 п. 1 ст. 63 ФЗ «О банкротстве») либо при нарушении очередности и пропорциональности удовлетворения требований кредиторов – в конкурсном производстве (п. 8 ст. 142 ФЗ «О банкротстве»). Кроме того, совершенные незадолго до банкротства должником зачеты попадают под особое внимание при анализе сделок арбитражным управляющим, и нередко оспариваются как сделки, совершенные с оказанием предпочтения одному из кредиторов перед другими, или как подозрительные сделки.

Сальдирование на сумму гарантийного удержания в бытовом понимании может пониматься как зачет: например, в подрядных отношениях заказчик, который должен перечислить подрядчику определенную сумму в качестве оплаты по договору, обнаружив недостатки при принятии ра-

бот, выставляет встречные требования к подрядчику об уменьшении стоимости оплаты по договору на стоимость устранения недостатков выполненных работ.

Однако юридическая природа гарантийного удержания и соответственно обусловленного им сальдирования отличается от зачета.

Гарантийное удержание прямо не регулируется российским гражданским законодательством, но не противоречит ему, что соответствует закрепленному в ст. 421 Гражданского кодекса РФ принципу свободы договора.

Ученые, исследующие вопрос сальдирования на сумму гарантийного удержания, отмечают, что его следует относить к подвиду института договорного прекращения обязательств, восходящего к принципу свободы договора [1].

Высказывается и иное мнение, в частности, что сальдирование в отличие от зачета является не способом прекращения обязательств, а представляет собой «арифметическую операцию, направленную на подведение итогов и фиксацию состояния расчетов между сторонами обязательства» [2].

В судебной практике гарантийное удержание квалифицируется как особый

порядок оплаты (уменьшение стоимости оплаты на сумму устранения недостатков), и как способ обеспечения исполнения обязательства (в случае просрочки в сдаче работ), и в этой связи сальдирование суммы гарантийного удержания, согласно позиции Верховного суда Российской Федерации, не может расцениваться как зачет.

Так, в 2018 г. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ использовала подход к гарантийному удержанию как к порядку оплаты для того, чтобы обосновать неприменимость правил о зачете при уменьшении гарантийной суммы на стоимость устранения недостатков [3].

В то же время, уже через год в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 27.10.2020 г. [4] было указано, что закрепление при заключении договора более коротких сроков выполнения работ, как правило, предполагает их более высокую цену. Соответственно встречный характер указанных основных обязательств в совокупности с п.п. 1 и 2 ст. 328 и ст. 393 ГК РФ предполагает, что при ненадлежащем исполнении подрядчиком принятого на себя основного обязательства «им не может быть получена та сумма, на которую он мог рассчитывать, если бы исполнил это обязательство должным образом», то есть условие о гарантийном удержании в данном Определении понимается уже как способ обеспечения исполнения обязательств.

При этом, Верховный суд РФ однозначно указывает, что сальдирование на сумму гарантийного удержания не должно расцениваться в случае банкротства стороны договора подряда в качестве произведенного зачета, следовательно, не подлежит оспариванию по банкротным основаниям. Верховным судом РФ указывалось, в частности, что несмотря на то, что в переписке сторон произведенная операция была именована как зачет, в действительности произошло удержание суммы неустойки из средств, которые общество как заказчик должно было выплатить подрядчику за

выполненные работы, соответственно, суды должны были квалифицировать операцию в качестве сальдирования, а не зачета [5].

Важным представляется вывод Верховного суда РФ, что «в случае сальдирования отсутствует такой квалифицирующий признак, как получение заказчиком какого-либо предпочтения – причитающуюся подрядчику итоговую денежную сумму уменьшает он сам своим ненадлежащим исполнением, а не заказчик, констатирующий факт сальдирования» [6].

Поскольку гарантийное удержание используется в гражданском обороте без законодательной регламентации, следовательно, требования к формулировке его условий следует искать также в судебной практике.

Распространенным является вывод судов различного уровня, что стороны при включении данного условия в договор должны согласовать размер, порядок удержания при оплате работ, а также порядок и срок возврата гарантийного удержания [7].

Также подчеркивается, что в договоре подряда должен быть четко определен срок проведения окончания расчета и сроки для выявления недостатков [8, 9]. Соответственно, по данной категории споров суды исследуют вопрос о том, были ли соответствующие требования по выявленным недостаткам заявлены в сроки, оговоренные договором.

На основании проведенного анализа можно определить, что для признания согласованным сторонами условия о гарантийном удержании для целей последующего сальдирования согласно сложившейся судебной практике установлена необходимость следующего:

- возможность и размер гарантийного удержания согласованы в договоре;
- указан срок проведения окончания расчета и сроки для выявления недостатков;
- требования по выявленным недостаткам заявлены в сроки, оговоренные договором.

Библиографический список

1. Егоров А.В. Сальдирование и зачет: соотношение понятий для целей оспаривания при банкротстве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2019. – №7. – С. 36-65.
2. Бычков А. Когда можно применить сальдирование // Юридический справочник руководителя. – 2022. – №2. – С. 26-33.
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 12.03.2018 № 305-ЭС17-17564 по делу № А40-67546/2016 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29.08.2019 № 305-ЭС19-10075 по делу № А40-151644/2016 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23.06.2021 № 305-ЭС19-17221(2) по делу № А40-90454/2018 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 08.04.2021 № 308-ЭС19-24043(2,3) по делу № А32-1291/2018 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 20.10.2022 № Ф09-7012/22 по делу № А07-32064/2021 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.10.2022 № 13АП-27250/2022 по делу № А56-22107/2022 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.09.2022 № 15АП-12775/2022 по делу № А32-47198/2021 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ON THE CONDITIONS UNDER WHICH CLAIMS AGAINST A BANKRUPT CONTRACTOR MAY BE CLASSIFIED AS A GUARANTEE HOLD FOR NETTING PURPOSES

D.V. Koroleva, *Candidate of Law Sciences, Associate Professor*
Ufa University of Science and Technology
(Russia, Ufa)

***Abstract.** The article characterizes the legal nature of netting as a result of the guarantee retention in contractual relations. Due to the lack of legislative regulation of the guarantee hold, the arbitration practice has been developed, fixing the requirements for the wording, in the presence of which the condition on the guarantee hold is considered agreed by the parties. The research into the topic of following article seems necessary both from a theoretical point of view, and for practical purposes, since netting as a result of a guarantee hold is not considered as a set-off, and therefore, is not subject to challenge in bankruptcy cases.*

***Keywords:** insolvency (bankruptcy), balancing of counter claims, guarantee hold, the principle of freedom of contract, set-off.*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФОРМ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ

Я.А. Кулдыркаева, магистрант

Самарский государственный экономический университет
(Россия, г. Самара)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-187-192

Аннотация. Таможенный контроль является одним из важнейших институтов таможенного права, который обеспечивает внешнюю и внутреннюю национальную безопасность страны. В статье исследованы различные подходы к пониманию форм таможенного контроля, которые присутствуют в современной российской юридической литературе. Дано авторское понимание формы таможенного контроля, которое подтверждается судебной практикой и соответствует требованиям Конституции РФ 1993 г. Особое внимание уделено соответствию форм таможенного контроля международным и внутренним правовым принципам и выявлены недостатки и причины, их порождающие. Предложены меры, способствующие их устранению.

Ключевые слова: таможенный контроль, формы таможенного контроля, международные стандарты, международное право, государство, взятка.

Таможенный контроль реализуется в определенных формах, установленных таможенным законодательством. Реализация содержания таможенного контроля в соответствии со ст. 322 ТК ЕАЭС осуществляется в следующих формах: получение объяснений; проверка таможенных, иных документов и (или) сведений; таможенный осмотр; таможенный досмотр; личный таможенный досмотр; таможенный осмотр помещений и территорий; таможенная проверка [1]. Данный перечень является императивным и не подлежит какому-либо расширению. Тем не менее, мировые правовые стандарты заложили остов, каркас эффективного контроля, провозгласив принципы его проведения. Формы его реализации шлифуются, совершенствуются на уровне государств либо их интеграционных объединений с учетом правоприменительной практики таможенных органов [2]. При этом необходимо учитывать тот факт, что установление порядка реализации этих форм таможенного контроля осуществляется Федеральной таможенной службой путем традиционного издания приказов и методических рекомендаций, не редко находящегося в прямом противоречии с международными и общеправовыми принципами российской правовой системы, что находит подтверждение в судебной практике [3]. Но даже после отме-

ны правовых актов Федеральной таможенной службы, этим ведомством продолжается практика выпуска некачественных как со стороны международного, так и внутреннего законодательства практики, касающейся регулирования отдельных форм таможенного контроля и мер, обеспечивающих проведение таможенного контроля [4]. В ней нет учета международных принципов таможенного контроля в виде минимизации, открытости и учета интересов участников внешнеэкономической деятельности.

Кроме того, существует и активно развивается практика издания приказов под грифом «для служебного пользования», не предназначенных для публикации в средствах массовой информации и не подлежащей правовой экспертизе в Министерстве Юстиции РФ. Так, в частности, в литературе отмечается факт, что основная нормативно-правовая документация по организации и проведению деятельности таможенных органов в области управления рисками является максимально закрытой (для служебного пользования), что вызывает определенного рода недовольство и опасения участников ВТД [5]. Такой специфический характер правового регулирования реализации форм таможенного контроля принципиально не замечается российскими исследователями, отмечающих

некую позитивность «контроля качества нормативных правовых актов ФТС России» [6].

Кроме того, в научной литературе существует определенная дискуссия, что же считать формой таможенного контроля. Так, утверждается, что форма таможенного контроля это особый регламентированный нормами таможенного законодательства способ организации, проведения (осуществления) и формального закрепления результатов мероприятий таможенного контроля, представляющих собой совокупность действий таможенных органов по выполнению конкретной задачи таможенного контроля [7]. Другие авторы считают, что форма таможенного контроля – это направление деятельности должностного лица, который включает в себя использование определенных методов, средств, и способов для выявления нарушений таможенного законодательства Российской Федерации [8]. Также высказывается суждение, что формы таможенного контроля – это отдельные категории проверочных действий таможенных органов, направленных на осуществление таможенного контроля [9].

Существует и противоположная точка зрения, согласно которой понятие формы таможенного контроля является излишней, в связи с якобы ее несовершенством, заключающимся в некоей многозначности, проблемности применения форм таможенного контроля [10]. Предлагается ввести вместо термина «форма таможенного контроля» термин «таможенное действие» [11], при этом оставляя в силе само содержание формы таможенного контроля, что делает практически бессмысленным данное предложение.

Показательно, что при всем разнообразии определения форм таможенного контроля, они, за редким исключением, по своему содержанию повторяют друг друга. Что же собой представляет форма таможенного контроля? Таможенный контроль подчинен международным, общеправовым и конституционным принципам российской правовой системы. Именно они наполняют его должным содержанием, которому должны следовать таможенные ор-

ганы. Исходя из этой модели, форма таможенного контроля предусматривает собой совокупность правовых мер, реализующих таможенными органами основные цели таможенного контроля в виде получения информации о нарушении таможенного законодательства и подчиненной принципам российского права.

Исследователями обоснованно предлагается рассматривать каждую форму таможенного контроля в качестве самостоятельной административной процедуры, характеризующейся специфическими задачами, особым предметом, порядком и методами проведения, совокупностью прав и обязанностей таможенных органов и проверяемых лиц [12]. При этом, в противоречии принципам минимизации процедур таможенного контроля, предлагается расширить данный перечень включением других форм. Так, утверждается целесообразность ввода в таможенное законодательство такой формы таможенного контроля как таможенную экспертизу, что якобы «было бы целесообразным и послужило повышению качества таможенного контроля, а, следовательно, и повысило бы уровень борьбы с правонарушениями в сфере внешнеэкономической деятельности» [13]. При этом не учитывается, что возможность экспертизы уже определено ст. 389 ТК ЕАЭС и она проводится уже после проведения таможенного контроля. Именно поэтому такое предложение о включении экспертизы в качестве формы таможенного контроля является ошибочным. Кроме того, включение экспертизы в форму таможенного контроля существенно замедлит процедуру таможенного контроля, что также будет противоречить принципу минимизации таможенного контроля, определенного международным таможенным законодательством.

Игнорируя действительные цели российского института таможенного контроля, которые выражаются в фискальной составляющей, исследователи отмечают особый его гуманизм, приводя единичные примеры обнаружения контрабанды наркотических средств [14]. Однако «гуманизм» изначально имеет своим содержанием человечность, предполагая при-

знание человека как личности, его прав на свободное развитие, утверждение блага человека как критерия оценки общественных отношений. Конституция РФ определяет принцип гуманизма в ст. 2, согласно которой «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [15].

Данный принцип в должен играть главнейшую роль наряду с защитой национальной безопасности в реализации форм таможенного контроля, так как Конституция РФ декларирует себя в качестве либерального демократического правового государства. Однако, как уже отмечалось выше, именно реальные цели таможенного контроля определяют его формы, которые могут прямо противоречить принципам справедливости и гуманизма. Так, исследователи отмечают прогрессивность таможенного досмотра как формы таможенного контроля в связи с тем, что именно она определяет превалирующее количество возбужденных дел об административных правонарушениях и уголовных дел. Именно на этом основании делается вывод, что проведение таможенного контроля в форме таможенного досмотра, несомненно, способствует обеспечению полноты взимания таможенных пошлин, налогов и иных платежей, а также сводит к минимуму риски, связанные с нарушением таможенного законодательства [16]. В этом рассуждении показательным является полное игнорирование правовой действительности в таможенной сфере. На мой взгляд, необходимо анализировать не статистические данные по возбуждению административного либо уголовного производства, а конечный результат – решение суда по этому делу. Не секрет, что ради выполнения установленных показателей эффективности таможенных органов, должностные лица возбуждают дела о нарушении таможенных правил в отношении добросовестных участников внешнеэкономической деятельности, что в большинстве случаев признается правомерными судебной властью и полностью дискредитирует институт таможенного контроля,

который должен реализовываться в своей деятельности совокупность международных, общеправовых и таможенных принципов.

При изучении проблем реализации форм таможенного контроля необходимо учитывать их коррупционность для изменения правового регулирования. Так, таможенный досмотр представляет собой достаточно прозрачную форму таможенного контроля, в силу чего практически исключается коррупционная составляющая. Тем не менее, и здесь она достаточно широко распространена. Так, в пунктах пропуска на границе, для того чтобы избежать таможенного досмотра сложилось правило поведения вкладывать в заграничный паспорт 10 евро или 500 рублей в качестве «благодарности», что является взяткой [17]. Этим объясняется такое большое количество возбужденных дел. Другие формы таможенного контроля такой прозрачностью не обладают, в силу чего там присутствует латентная коррупционная составляющая, лишь изредка выражаясь в возбуждении уголовных дел.

Помимо отсутствия прозрачности реализации форм таможенного контроля, законодатель предоставил должностным лицам таможенных органов широкие полномочия в этой области, которые находятся в прямом противоречии с интересами добросовестных участников внешнеэкономической деятельности. Типичным примером служит решение Верховного Суда РФ по уголовному делу ч.5 ст.290 УК РФ («Получение взятки») в отношении начальника отдела специальных таможенных процедур Шкиперского таможенного поста Балтийской таможни Северо-Западного таможенного управления по факту получения взятки в размере 155 000 рублей. Показательно, что взятка получена за ускорение сроков таможенных платежей и таможенного контроля [18].

Не секрет, что в рамках реализации своих должностных полномочий по реализации различных форм таможенного контроля, сотрудники могут искусственно затягивать, а не редко избирательно требовать различного рода документы, руководствуясь некоей целесообразностью. Так, не

представление таможенным представителем в принадлежащем ему помещении мероприятий таможенного контроля после выпуска товаров «надлежащих доказательств», подтверждающих оригинальность продукции, приобретения у официального дилера, легальности их происхождения, а также производства указанной продукции уполномоченными лицами привело к уничтожению контрафактных товаров, маркированных товарными знаками «HYUNDAI» по свидетельствам № 142734, 98414 и международным сертификатам № 1036496 и 1046531, обнаруженных и изъятых у общества «Ригоз» в ходе проведения, обладающих признаками контрафактности, в количестве 1225 штук [19].

Тем не менее, российский «черный рынок» контрафактной продукции практически изобилует такими деталями китайского производства, что свидетельствует о принципиальной слабости такой формы таможенного контроля.

Особую проблему в реализации форм таможенного контроля и по его результатам возбуждения административного производства представляют практически не урегулированные таможенным законодательством правоотношения между таможенным представителем и таможенным органом. Как таковые, жалобы на ошибочные действия таможенного представителя, «забывшего» задекларировать определенную часть товара, перемещаемого через

таможенную границу и обнаруженную в ходе реализации формы таможенного контроля достаточно распространены.

Позиция Верховного Суда РФ заключается в том, что в силу пункта 7 ст.405 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза обязанности таможенного представителя перед таможенными органами не могут быть ограничены договором с представляемым лицом [20]. Данная ситуация является не справедливой, так как зачастую декларант может намеренно ввозить в заблуждение таможенного представителя. Кроме того, такая позиция Верховного Суда РФ сводит к нулю ценность института таможенного представителя, который практически освобожден от какой-либо ответственности.

Для действительной модернизации форм таможенного контроля необходимо в первую очередь повысить качество управления должностными лицами таможенных органов. Это подразумевает постоянное увеличение должностных окладов. Данная мера позволит привлекать к работе высококвалифицированный персонал, не нуждающийся в дополнительных источниках заработка. Кроме того, необходимо внедрить опыт Российской Империи, по награждению денежной премией сотрудников таможенных органов при выявлении контрабанды от общей ее суммы. Именно такая мера позволит качественно модернизировать систему реализации форм таможенного контроля.

Библиографический список

1. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение N 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза), ст. 322, 323 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 06.12.2022 г.).
2. Ондар Л.Ш., Донгак К.К. Таможенный контроль: проблемы правового регулирования // Сборник статей XXXI Международной научно-практической конференции: в 4 ч. 2019. С. 82.
3. Решение Верховного Суда РФ от 5 ноября 2019 г. № АКПИ19-685. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru>.
4. Приказ ФТС от 07.12.2020 г. № 1067 «Об утверждении форм документов, составляемых таможенными органами при проведении и по результатам проведения отдельных форм таможенного контроля и мер, обеспечивающих проведение таможенного контроля // «Консультант плюс».
5. Самойлов В.П. Реализация таможенного контроля таможенными органами на современном этапе // Право и политика. – 2021. – №4. – С. 54.
6. Русских В.В. Контроль качества нормативных правовых актов ФТС России // Актуальные исследования. – 2020. – №9-2 (12). – С. 20-22.

7. Сангаров А.П. Формы таможенного контроля: содержание и виды // Молодой ученый. – 2021. – №4. – С. 54.
8. Хайтрова А.Р. Форма таможенного контроля как проявление дисциплинированности должностных лиц таможенных органов // Современные научные исследования и разработки. – 2018. – №2 (19). – С. 324-325.
9. Зубач А.В. Институты административного и таможенного права, регулирующие деятельность таможенных органов: Учебник / Зубач А.В., Ронжина Н.А., Терентьев Р.В. – СПб: Троицкий мост, 2012. – С. 161.
10. Костин А.А. Проблемные аспекты применения форм таможенного контроля // Таможенное дело. – 2008. – №4. – С. 15.
11. Галузо В.Н., Канафин Н.А. О несовершенстве термина «форма таможенного контроля» в таможенном законодательстве Российской Федерации о таможенном деле // Аграрное и земельное право. – 2015. – №6 (126). – С. 133.
12. Силаенко С.П. Формы таможенного контроля // Право и политика. – 2019. – №7. – С. 21.
13. Сидоренкова И.В. Анализ форм таможенного контроля в целях совершенствования внешнеэкономической деятельности // Международный журнал теории и научной практики. – 2019. – Т. 2. №3. – С. 150-152.
14. Григорян Т.В. Реализация принципа гуманизма в исключительной форме таможенного контроля // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2014. – №7 (110). – С. 137-147.
15. Конституция РФ. – М., 2021.
16. Четверикова Ю.В. Таможенный досмотр как форма таможенного контроля: сущность и практика проведения // Научная гипотеза. – 2020. – №1. – С. 130-137.
17. Ведомости-онлайн. Руководитель управления по противодействию коррупции ФТС России о взятках на таможне – интервью начальника УПК ФТС России Дмитрия Мурышова. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://customs.gov.ru/> (дата обращения: 05.08.2021).
18. Информационные материалы о результатах работы подразделений по противодействию коррупции таможенных органов Российской Федерации за 2019 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://customs.gov.ru> (дата обращения: 06.12.2022).
19. Определение от 10 октября 2019 г. по делу № А40-122063/2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 06.12.2022 г.).
20. Постановление Верховного Суда от 28 мая 2021 г. по делу №5-3901/2019. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru> (дата обращения: 06.12.2022 г.).

LEGAL REGULATION OF CUSTOMS CONTROL FORMS

Ya.A. Kuldyrkaeva, *Graduate Student*
Samara State University of Economics
(Russia, Samara)

Abstract. *Customs control is one of the most important institutions of customs law, which ensures the external and internal national security of the country. The article examines various approaches to understanding the forms of customs control that are present in modern Russian legal literature. The author's understanding of the form of customs control is given, which is confirmed by judicial practice and complies with the requirements of the Constitution of the Russian Federation of 1993. Special attention is paid to the conformity of customs control forms with international and domestic legal principles and the shortcomings and causes that give rise to them are identified. The measures contributing to their elimination are proposed.*

Keywords: *customs control, forms of customs control, international standards, international law, state, bribe.*

АРКТИЧЕСКАЯ ЗОНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

Н.Г. Курамшина, профессор
 А.Р. Габдрахманова, студент
 Уфимский университет науки и технологий
 (Россия, г. Уфа)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-193-195

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению экологических особенностей правового регулирования в Арктической зоне на территории Российской Федерации. Рассматриваются отдельные проблемы охраны окружающей среды Арктической зоны Российской Федерации. Специфическая особенность обеспечения благоприятного состояния окружающей среды связана с возрастанием антропогенной нагрузки на регион. Отмечены неоднозначные моменты в общей тенденции развития государственной экологической политики в Арктике с упором на документы стратегического и программного характера.

Ключевые слова: Арктика, Российская Федерация, законодательство, специфические проблемы, нормативные акты.

Под Арктической зоной Российской Федерации понимается часть Арктики, в которую входят полностью или частично территории Республики Саха (Якутия), Мурманской и Архангельской областей, Красноярского края, Ненецкого, Ямало-Ненецкого и Чукотского автономных округов, определенные решением Государственной комиссии при Совете Министров СССР по делам Арктики от 22 апреля 1989 г., а также земли и острова, указанные в Постановлении Президиума Цен-

трального Исполнительного Комитета СССР от 15 апреля 1926 г. «Об объявлении территорией СССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане», и прилегающие к этим территориям, землям и островам внутренние воды, территориальное море, исключительная экономическая зона и континентальный шельф Российской Федерации, в пределах которых Россия обладает суверенными правами и юрисдикцией в соответствии с международным правом.

Рисунок. Территории Арктической зоны РФ

Следует отметить, что Арктическая зона РФ обладает богатыми природными ресурсами (594 месторождения нефти, 159 месторождений газа, два месторождения

никеля и более 350 месторождений золота), которые составляют запас прочности социально-экономического развития России, речь идет также о запасах углеводо-

родов, рыбных запасах, обширных морских пространствах, используемых для прокладки и эксплуатации транспортных маршрутов [1, с. 5].

Арктическая зона РФ является чрезвычайно уязвимой и чувствительной, это обусловлено сроками ледостава и ледового покрова, низкой температурой и, в связи с этим замедленной биодegradацией поступающих загрязнений в виде нефти и нефтепродуктов, нарушение состояния данной территории является практически необратимым из-за медленного восстановления экосистем после их нарушения [2, с. 1].

Для охраны Арктической зоны РФ от негативных воздействий антропогенной деятельности, а также для обеспечения государственной безопасности, действующее законодательство необходимо привести в соответствие с требованиями, которые предъявляет Арктика, например, принятие специального закона «Об Арктической зоне Российской Федерации». Попытки принятия данного нормативного акта предпринимаются в течение двух последних десятилетий.

Остановило принятие законопроекта, во-первых, отсутствие свободных средств в бюджете для его реализации, во-вторых, неопределенность на тот момент южной границы Арктической зоны РФ. Указанный законопроект главным образом концентрировался на внедрении различных правовых механизмов социально-экономического развития Арктической зоны, включая вопросы государственной поддержки, налогов, социальных льгот, а вопросы охраны окружающей среды затрагиваются в рамочном формате и фактически теряются в системе предлагаемых норм, регулирующих социально-экономическое развитие.

В 2013 г. Министерством регионального развития РФ также был подготовлен законопроект «Об Арктической зоне Российской Федерации», в котором акцент делался на социально-экономическом развитии [3, с. 6].

Законодательство в части добычи углеводородов в арктических морях России, предупреждения нефтяных разливов и

устранения их последствий хорошо известно. Общие правила сводятся к следующему: лицензия на разведку и добычу с природоохранными условиями для недропользователей, предоставляемая только российским субъектам без аукционов (мониторинг, меры по снижению и устранению экологического ущерба, страхование, предупреждение и ликвидация аварийных ситуаций, требование по наличию и применению технологий ликвидации разливов нефти).

Определение акватории Северного морского пути закреплено в п.1 ст.51 Кодекса торгового мореплавания РФ. В п. 2 данной статьи указаны цели применения правил плавания в акватории Северного морского пути: обеспечение безопасности мореплавания, предотвращение, сокращение и сохранение под контролем загрязнения морской среды с судов.

Арктическую специфику в известной мере учитывают положения Федерального закона от 07.05.2001 N 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации».

В природоохранных целях предлагается расширить сеть наблюдательных постов для осуществления мониторинга, а также наладить ведение кадастра территорий прошлого экологического ущерба, на основе данных которого в дальнейшем можно разрабатывать программы их экологического оздоровления.

Нужно рассматривать вопросы поиска, апробации и использования альтернативных источников энергии (например, ветровой, солнечной, приливной); в ст. 17 «Производство энергии путем использования приливов, течений и ветра» Федерального закона «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации» закрепляется производство энергии этими нетрадиционными путями.

Для дальнейшего успешного освоения российского Севера, его охраны от негативных воздействий антропогенной деятельности, обеспечения национальных интересов и государственной безопасности действующее законодательство необходи-

мо привести в соответствие с требованиями, для уникального региона России, имеющий планетарное значение. Одним из важнейших шагов в этом направлении

может стать принятие специального закона «Об Арктической зоне Российской Федерации».

Библиографический список

1. Вакула М.А., Медведева О.Е. Правовое регулирование и оценка эколого-экономической эффективности проектов ликвидации накопленного вреда окружающей среде в Арктической зоне России // Имущественные отношения в РФ. – 2016. – №12 (183).
2. Боголюбов С.А., Краснова И.О. Право и спасение природы Российской Арктики // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – №6 (91).
3. Самончик, О.А. Правовое регулирование использования и охраны земель Арктической зоны Российской Федерации: некоторые актуальные проблемы // Право и политика. – 2022. – № 1. – С. 1-11. – DOI 10.7256/2454-0706.2022.1.37171. – EDN IQCCNB.

ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION: ENVIRONMENTAL FEATURES IN LEGAL REGULATION

N.G. Kuramshina, Professor

A.R. Gabdrakhmanova, Student

Ufa University of Science and Technology

(Russia, Ufa)

***Abstract.** The article is devoted to the consideration of environmental features of legal regulation in the Arctic zone on the territory of the Russian Federation. Separate problems of environmental protection of the Arctic zone of the Russian Federation are considered. A specific feature of ensuring a favorable state of the environment is associated with an increase in anthropogenic pressure on the region. Ambiguous moments in the general trend of development of the state environmental policy in the Arctic with an emphasis on strategic and programmatic documents are noted.*

***Keywords:** Arctic, Russian Federation, legislation, specific problems, regulations.*

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.Д. Кутепова, студент

Научный руководитель: А.Н. Пасенов, канд. юрид. наук, старший преподаватель
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, г. Белгород)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-196-199

Аннотация. Научная статья посвящена рассмотрению перспектив развития международного сотрудничества в деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. В статье перечислен ряд международных документов, которые составляют нормативную основу функционирования омбудсменов и национальных правозащитных органов. Также в данных документах получили закрепление конкретные механизмы взаимодействия правозащитных органов. По итогам проведенного исследования автор приходит к выводу, что укрепление правозащитной деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на международном уровне требует интеграции с мировыми правозащитными сообществами, развития взаимоотношений с национальными правозащитными органами иностранных государств, а также формализации международного взаимодействия с указанными органами.

Ключевые слова: Уполномоченный по правам человека, международная деятельность, международное сотрудничество, защита прав, государственная защита.

Актуальность рассмотрения перспектив развития международного сотрудничества в деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации связана с тем, что в настоящее время наблюдается политическое противостояние на международной арене, в том числе в правозащитной сфере. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации является одним из важных органов государства, обеспечивающим правозащитную деятельность на международном уровне. Настоящее исследование будет посвящено проблемам международного сотрудничества Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации.

На сегодняшний день принят ряд международных документов, составляющих основу функционирования омбудсменов и национальных правозащитных органов. Например, Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 1993 г. № 48/134 «Национальные учреждения, занимающиеся поощрением и защитой прав человека» (Парижские принципы), Венецианские принципы защиты и укрепления института омбудсмана и др.

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 1993 г. № 48/134 «Национальные учреждения, занимающиеся поощрением и защитой прав человека» предусматривает важные принципы организации национальных правозащитных органов, обязует государства-участников наделить как можно большими полномочиями те органы, на которые будут возложены задачи по укреплению государственной защиты прав личности [1]. В документе «Венецианские принципы защиты и укрепления института омбудсмана» говорится о необходимости отдавать предпочтение конституционному закреплению статуса омбудсменов, при этом отдельные вопросы организации и его деятельности могут быть урегулированы законодательно [2].

Указанные документы не только содержат нормативные основы взаимодействия омбудсменов и национальных правозащитных органов, но и закрепляют конкретные инструменты, рекомендованные к применению национальными правозащитными органами и учреждениями с целью защиты прав и свобод личности: участие

правозащитных органов в подготовке докладов в адрес ООН о состоянии защиты прав человека, сотрудничество ООН и национальных и региональных правозащитных органов по вопросу защиты прав человека и др.

Правовой статус Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации установлен Федеральным конституционным законом от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» [3]. Деятельность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации predetermined конституционным требованием обеспечения и гарантии государственной защиты прав и свобод человека и гражданина. Одним из важных направлений деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации является развитие международного сотрудничества в области прав человека.

В последние годы произошло наращивание международного регулирования в области организации деятельности омбудсменов, появление норм мягкого права в данной области, и деятельность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации была ориентирована на имплементацию международных стандартов в указанной сфере в российское законодательство.

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации обладает в своем арсенале различными инструментами, позволяющими на международном уровне взаимодействовать по вопросу защиты прав и свобод человека: направление запросов в международные и национальные правозащитные органы иностранных государств с целью защиты прав и свобод российских граждан, обеспечивая таким образом государственное покровительство граждан Российской Федерации, находящихся за рубежом; обращение в адрес международных межправительственных/неправительственных организаций; разъяснение заявителю средств, которые тот вправе использовать для защиты своих прав и свобод и др. [3].

С целью развития международного сотрудничества Уполномоченным по правам

человека в Российской Федерации проводится двустороннее взаимодействие с аналогичными органами иностранных государств. На этой основе осуществляется проведение совместного рассмотрения обращений, взаимных консультаций, научных исследований. В качестве примера можно упомянуть Меморандум о создании Евразийского альянса омбудсменов от 5 декабря 2017 г. [4].

Развитие двустороннего взаимодействия Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации с иностранными государствами открывает возможности для многостороннего взаимодействия в области защиты прав личности. Особенно важна интеграция национальных российских правозащитных институтов в международные правозащитные сообщества.

При осуществлении международного сотрудничества Уполномоченный также проводит масштабную работу в рамках объединений омбудсменов универсального и регионального уровня, среди которых Евразийский альянс омбудсменов, Глобальный альянс национальных правозащитных учреждений; его Европейская сеть; Международный и Европейский институты омбудсменов. На таких площадках удается делиться прогрессивными правозащитными российскими наработками, знакомиться с международным опытом деятельности и имплементировать его в национальное законодательство, оперативно и без лишних бюрократических проволочек оказывать помощь тем, кто в ней более всего нуждается. Так, например, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации является членом Евразийского альянса омбудсменов. Альянс был образован по инициативе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, и в настоящее время в нем состоят омбудсмены европейских и азиатских государств. Альянс образован с целью обеспечения многостороннего сотрудничества государств по вопросу обеспечения и защиты прав личности, распространения знаний о способах защиты прав личности.

Негативным фактором, снижающим эффективность деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на международном уровне, является политика «двойных стандартов» международного сообщества, обусловленная некоторыми политическими мотивами. Например, О.К. Гончаренко и А.О. Ахметзянов, рассматривая проблему развития международного сотрудничества в деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, отмечают: «Речь идет об ограничениях русскоязычного национального меньшинства, испытывающего системное ограничение права на образование и культурное самоопределение в Прибалтике и на Украине; героизации неонацизма и неофашизма; ущемлении прав жителей Крымского полуострова...» [5, с. 88].

Можно сделать вывод, что в настоящее время проблемой в развитии междуна-

ного сотрудничества Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации является политическое противостояние, оказывающее существенное давление на международную деятельность и решение правозащитных проблем на международном уровне.

Таким образом, рассмотрев перспективы развития международного сотрудничества в деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, можно сделать вывод, что укрепление правозащитной деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на международном уровне требует интеграции с мировыми правозащитными сообществами, развития взаимоотношений с национальными правозащитными органами иностранных государств, а также формализации международного взаимодействия с указанными органами.

Библиографический список

1. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 1993 г. № 48/134 «Национальные учреждения, занимающиеся поощрением и защитой прав человека» // Справочно-информационная система «Гарант». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: base.garant.ru (дата обращения: 27.11.2022).
2. Принципы защиты и укрепления института омбудсмена (Венецианские принципы), приняты Венецианской комиссией на 118-й пленарной сессии (г. Венеция, 15-16 марта 2019 г.), одобрены Комитетом министров Совета Европы на 1345-м заседании заместителей министров, Парламентской ассамблеей Совета Европы, Резолюцией 2301(2019) от 2 октября 2019 г., Конгрессом местных и региональных властей Совета Европы, Резолюцией 451(2019) от 30 октября 2019 г. // Официальный портал Совета Европы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2019\)005-rus](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2019)005-rus) (дата обращения: 28.11.2022).
3. Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» (ред. от 09.11.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 9. Ст. 1011.
4. Меморандум о создании Евразийского альянса омбудсменов от 5 декабря 2017 г. // Официальный портал Евразийского альянса омбудсменов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eoalliance.org/information/objectives.php> (дата обращения: 28.11.2022).
5. Гончаренко О.К., Ахметзянов А.О. Развитие международного сотрудничества в деятельности уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2021. – № 4 (80). – С. 85-95.

**PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL COOPERATION IN
THE ACTIVITIES OF THE COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

A.D. Kutepova, *Student*

Supervisor: *A.N. Pasenov, Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer*

Belgorod State National Research University

(Russia, Belgorod)

***Abstract.** The scientific article is devoted to the consideration of the prospects for the development of international cooperation in the activities of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation. The article lists a number of international documents that form the normative basis for the functioning of ombudsmen and national human rights bodies. Also in these documents specific mechanisms of interaction between human rights bodies were fixed. Based on the results of the study, the author comes to the conclusion that strengthening the human rights activities of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation at the international level requires integration with world human rights communities, development of relationships with national human rights bodies of foreign states, as well as formalization of international cooperation with these bodies.*

***Keywords:** Commissioner for Human Rights, international activity, international cooperation, protection of rights, state protection.*

РАЗГРАНИЧЕНИЕ УГОЛОВНОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

А.Д. Леонова, студент
Дальневосточный федеральный университет
(Россия, г. Владивосток)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-200-204

Аннотация. В статье приводится анализ норм Кодекса об административных правонарушениях и Уголовного кодекса РФ, устанавливающих ответственность за правонарушения в сфере экологии. Рассматриваются сходства и различия в составах правонарушений. Приводится рассуждение о критериях выбора между применимой отраслью права к конкретному правонарушению. В статье также проведен анализ нормы в зависимости от объекта посягательства.

Ключевые слова: охрана окружающей среды, экология, ответственность, экологические преступления, административная ответственность, уголовная ответственность.

Конституцией Российской Федерации закреплено неотъемлемое право каждого человека на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением [1]. Несмотря на то, что количество дел, связанных с нарушением законодательства в области охраны окружающей среды, значительно уступает количеству дел по другим сферам, экологические правонарушения наносят гораздо больший вред, а их последствия могут ощущаться в течение последующих десятков и даже сотен лет.

В настоящее время на законодательном уровне установлено четыре основных вида ответственности за нарушение законодательства в области охраны окружающей среды: имущественная, дисциплинарная, административная, уголовная. Рассмотрим последние две более подробно.

Административным правонарушениям в области охраны окружающей среды и природопользования посвящена глава 8 Кодекса об административных правонарушениях. Административные правонарушения в области экологии связаны в основном с невыполнением или нарушением определенных правил или требований, установленных законов в области охраны окружающей среды.

Положения об экологических преступлениях содержатся в главе 26 Уголовного кодекса (статьи 246-262). Глава об экологических преступлениях состоит из 17 статей, однако статьи, предусматривающие ответственность за вред экологии, содержатся и в других главах УК. Так, в п. 2 ст. 220 («Незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами») к тяжким последствиям относят в том числе причинение радиоактивного заражения природной среды. Непосредственно с вредом для экологии связан и состав, предусмотренный ст. 358 УК РФ («Экоцид»). Объектом этого преступления является безопасность человечества и среды его обитания, а одним из признаков объективной стороны – совершение действий, способных вызвать экологическую катастрофу, через массовое уничтожение растительного и/или животного мира, отравление атмосферы, водных ресурсов.

Вопрос о разграничении уголовной и административной ответственности за нарушения законодательства в области охраны окружающей среды актуален для отдельных составов. Постановление Пленума ВС РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды» предписывает судам при рассмотрении дел об эко-

гических правонарушениях «руководствоваться положениями гражданского, административного, уголовного и иного отраслевого законодательства в том числе положениями Земельного, Лесного, Водного кодексов РФ, ФЗ от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», другими законами и иными нормативно правовыми актам РФ и ее субъектов в области охраны окружающей среды и природопользования». Необходимость разграничения уголовных преступлений и административных проступков возникает при применении практически всех положений об экологических преступлениях. Для удобства рассмотрения схожих составов, классифицируем объекты посягательства и разберем сходные составы, содержащие эти объекты.

1. Правонарушения в области лесопользования

УК РФ содержит три статьи, предусматривающие ответственность за преступления в области охраны лесных массивов: ст. 191.1 («Приобретение, хранение, перевозка, переработка в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины»), ст. 260 («Незаконная рубка лесных насаждений») и ст. 261 («Уничтожение или повреждение лесных насаждений»). Анализируя положения КоАП, можно прийти к выводу, что в нем содержится значить больше положений об ответственности за посягательство на лес. При этом уголовные нормы определяют ответственность за наиболее общественно опасные посягательства. К нормам, содержащим сходные составы, можно отнести ч. 1 ст. 191.1 УК и ч. 3 ст. 8.28 КоАП; ч. 1 ст. 260 УК и ч. 1 ст. 8.28 КоАП; ч. 1 ст. 261 УК и ч. 4 ст. 8.32 КоАП. Выбор между административной и уголовной ответственностью за нарушения в области лесопользования основывается на характере и степени общественной опасности совершенного деяния.

2. Правонарушения в области охраны атмосферного воздуха

Уголовный кодекс содержит одну статью, устанавливающую ответственность за преступления в области охраны атмосферного воздуха – ст. 251 («Загрязнение атмосферы»), однако привлечение к ответственности по этой статье – большая редкость. В 2021 году всего по этой статье были осуждены всего 4 человека, в 2020 – 2, а в 2019 – 1 человек [8]. По мнению исследователей, правоохранительные органы предпочитают административную юрисдикцию ввиду отсутствия четких критериев криминализации преступлений в Уголовном кодексе [7].

3. *Правонарушения в области нарушения режима особо охраняемых территорий*

В Уголовном кодексе ответственность за нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов предусмотрена ст. 262. В кодексе об административных правонарушениях сходный состав определен в ст. 8.39 («Нарушение правил охраны и использования природных ресурсов на особо охраняемых природных территориях»). Деяния будет квалифицировано по ст. 262 УК РФ в случае, если оно повлекло причинение значительного ущерба. Административная ответственность наступает за нарушение установленного режима использования окружающей среды и природных ресурсов на особо охраняемых территориях, независимо от причинения ущерба.

4. *Правонарушения в области водной среды*

Уголовная ответственность установлена статьями 250 («Загрязнение вод») и 252 УК («Загрязнение морской среды»), административная ответственность регламентирована статьей 8.13 КоАП («Нарушение правил охраны водных объектов»). При этом, объективная сторона ст. 250 УК РФ состоит в непосредственном загрязнении, засорении, истощении вод (ст. 252 УК – те же деяния в отношении морской среды), а объективная сторона ст. 8.13 КоАП предполагает нарушение правил охраны водных ресурсов, которое, вероятно, может повлечь за собой загрязнение вод.

5. *Правонарушения в области охраны животного мира и водных биологических ресурсов*

В Уголовном кодексе ответственность за такие правонарушения установлена статьями 256, 257, 258 и 258.1. Объектами по-

сягательства в соответствии со ст. 258.1 УК являются особо ценные дикие животные и водные биоресурсы, принадлежащие к видам, занесенным в Красную книгу РФ или охраняемые международными договорами РФ. Объективная сторона состоит в незаконной добыче, содержании, приобретении, хранении, перевозке, пересылке и продаже таких животных и водных биоресурсов. Этот состав схож с составом ст. 8.35 КоАП, предусматривающим ответственность за уничтожение редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных или растений, занесенных в Красную книгу. В объективную сторону этого деяния входят также деяния, которые могут привести к гибели, сокращению численности либо нарушению среды обитания этих животных, а также добыча, хранение, перевозка, сбор, содержание, приобретение, продажа либо пересылка таких животных или растений. Ответственность по УК РФ наступает за незаконную добычу, а административная – за их уничтожение. Данные составы отличаются по объектам, т.к. уголовная ответственность предусмотрена за посягательства на особенно ценные виды объектов животного мира [6].

В ст. 258 УК установлена ответственность за незаконную охоту. При этом уголовная ответственность наступает если деяние совершено с причинением крупного ущерба; с применением механического транспортного средства или воздушного судна, взрывчатых веществ, газов, газов или иных способов массового уничтожения птиц и зверей; в отношении птиц и зверей, охота на которых полностью запрещена; на особо охраняемой природной территории либо в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации. Статья 8.37 КоАП устанавливает ответственность за нарушение правил охоты, правил, регламентирующих рыболовство и другие виды пользования объектами животного мира. Административная ответственность в этой области предусмотрена также ст. 7.11, 8.38, 8.48 КоАП.

6. Правонарушения в области охраны почвы и недр

Уголовная ответственность за преступления в сфере недропользования установлена ст. 255 УК РФ («Нарушение правил охраны и использования недр»), а административная – ст. 8.9, ст. 8.10, 8.11 КоАП РФ, при этом наиболее схож с составом ст. 255 УК состав ст. 8.9 КоАП. Для квалификации правонарушения в области охраны недр по ч. 1 ст. 255 УК РФ, необходимо причинение значительного ущерба. Объективная сторона административного проступка по ст. 8.9. КоАП состоит в нарушении требований по охране недр, которое может вызвать загрязнение недр и гидроминеральных ресурсов.

7. Правонарушения в области обращения с отходами

В Уголовном кодексе ответственность за установлена ст. 247 («Нарушение правил обращения экологически опасных отходов»), в КоАП содержатся ст. 8.2 («Несоблюдение требований в области охраны окружающей среды при обращении с отходами производства и потребления»), 8.2.3 («Несоблюдение требований в области охраны окружающей среды при обращении с отходами животноводства»). Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 247 УК, выражается в производстве запрещенных видов опасных отходов. Объективная сторона административных проступков, предусмотренных ст. 8.2 и 8.2.3. выражается в действии или бездействии, выраженном в несоблюдении экологических и/или санитарно-эпидемиологических требований при обращении с отходами производства и потребления или животноводства.

Исходя из приведенного анализа можно сделать следующий вывод. Основными критериями разграничения административной и уголовной ответственности за нарушения законодательства в области охраны окружающей среды являются размер причиненного ущерба, объект посягательства, объективная сторона и степень общественной опасности деяния.

Эти критерии были закреплены в утратившим силу Постановлении Пленума ВС РФ «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения» от 5 ноября

1998 г. п. 13. Согласно Постановлению «в случае возникновения трудностей в разграничении уголовно наказуемого деяния и административного проступка особое внимание следует уделять выяснению всех обстоятельств, характеризующих состав экологического правонарушения, последствий противоправного деяния, размера нанесенного вреда и причиненного ущерба» [4]. Действующее Постановление Пленума ВС РФ «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» [5] содержит лишь критерии отграничения по отдельным составам.

Уголовная ответственность устанавливается за особо опасные экологические преступления. В связи с этим, для квалификации деяния в соответствии с УК РФ, необходим значительный, крупный или особо крупный размер ущерба. Объектами посягательства должны быть наиболее ценные биологические и иные ресурсы, а степень опасность совершенного деяния должна быть особенно высокой. В некоторых случаях объективная сторона преступления или проступка одинакова, в связи с чем разграничение по одной только объективной стороне не представляется возможным.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями от 01.07.2020) // СПС Консультант Плюс.
2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 21.11.2022) // СПС Консультант Плюс.
3. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 04.11.2022, с изм. от 24.11.2022) // СПС Консультант Плюс.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 N 14 (ред. от 06.02.2007) «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения» (Утратил силу) // СПС Консультант Плюс.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 N 21 (ред. от 30.11.2017) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // СПС Консультант Плюс.
6. Базаров П.Р. Актуальные вопросы теории и практики отграничения преступления, предусмотренного ст. 258.1 УК РФ, от административного правонарушения, предусмотренного ст. 8.35 КоАП РФ // Евразийская адвокатура. – 2015. – №6 (19).
7. Бокуц Е.Ю. Проблемы разграничения уголовно-правовых и административно-правовых норм, устанавливающих ответственность за нарушения правил охраны атмосферного воздуха // Глаголь правосудия. – 2015. – №2 (10).
8. Судебная статистика РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения 20.12.2022).

**DIFFERENTIATION OF CRIMINAL AND ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY
FOR VIOLATIONS OF LEGISLATION IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL
PROTECTION**

A.D. Leonova, Student
Far Eastern Federal University
(Russia, Vladivostok)

***Abstract.** The article provides an analysis of the norms of the Code of Administrative Offenses and the Criminal Code of the Russian Federation, establishing responsibility for offenses in the field of ecology. The similarities and differences in the composition of offenses are considered. A discussion is given about the criteria for choosing between the applicable branch of law to a specific offense. The article also analyzes the norm depending on the object of the encroachment.*

***Keywords:** environmental protection, ecology, liability, environmental crimes, administrative liability, criminal liability.*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОГО УСТРОЙСТВА РАБОТЫ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ

Е.В. Медведева, бакалавр

Научный руководитель: А.С. Ахмадуллин, канд. юрид. наук, доцент
Уфимский университет науки и технологий
(Россия, г. Уфа)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-205-208

Аннотация. В рамках настоящей статьи рассматриваются особенности реализации надзорной функции органов прокуратуры, некоторые вопросы разграничения полномочий внутри системы органов прокуратуры. Актуальность темы исследования характеризуется необходимостью совершенствования института надзорных мероприятий с учетом организационных аспектов устройства надзорных органов, равно как и существенным влиянием данного института на эффективность обеспечения конституционных прав граждан. Более того, следует обратить внимание на оптимизацию нормативной базы, в части определения полномочий, относимых к территориальным органам, осуществляющим надзорные функции. Эффективная регламентация нормативной базы и полномочий сотрудников прокуратуры, в том числе и отдельных аспектов правового механизма внутри института, является фундаментальным положением для совершенствования правоохранительных структур. Необходимо установить четкое толкование нормативных актов, содержащих положения об осуществлении надзорной функции органами прокуратуры. В рамках настоящей научной работы, автор статьи проводит анализ надзорной функции органов прокуратуры, определяет некоторые особенности разграничения полномочий внутри системы органов прокуратуры, производит сопоставление между теоретической и практической сторонами настоящего вопроса.

Ключевые слова: прокурорский надзор, организационно-правовые факторы, оптимизация надзорной деятельности, меры прокурорского реагирования, функции органов прокуратуры.

Конституционные права человека и гражданина признаются незыблемыми, что закрепляется положениями Конституции РФ и обеспечивается правозащитной функцией государственных уполномоченных органов, к числу которых относятся органы прокуратуры [1]. Более того, число заявителей неуклонно растет с течением времени, что формирует новые задачи, подлежащие разрешению со стороны как государства, так и территориальных отделов внутри системы прокуратуры, в соответствии с нормами Федерального закона № 2202-1-ФЗ от 17.01.1992 «О прокуратуре Российской Федерации» [2].

Вопрос оптимизации и рационализации деятельности органов прокуратуры представляется актуальным в настоящее время небезосновательно. Данное позиционирование обуславливается, в первую очередь, тем, что рассмотрение и разрешение полу-

ченных жалоб от участников правоотношений на имеющие место факты правонарушений являются одним из наиболее объемных направлений прокурорской деятельности [6, с. 38].

Помимо ранее обозначенных входящих сведений о фактах правонарушений, органы прокуратуры проводят периодичное (не исключается проведение внеплановых проверок соблюдения законов) отслеживание соблюдения законодательства со стороны государственных органов, юридических лиц и должностных лиц, в том числе проведение анализа и обобщения входящей информации, совместно с систематизированием и фиксацией в системе АИК «Надзор-WEB».

В соответствии с положением, изложенным в абз. 4 п. «а» ч. 7 Приказа Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 711 от 25.11.2022 «О внесении в

отдельные организационно-распорядительные документы Генерального прокурора Российской Федерации в части совершенствования информационно-аналитической деятельности», сбор сведений о деятельности органов прокуратуры является приоритетным методом проведения анализа с целью устранения имеющихся недостатков в работе органов прокуратуры, совместно с наращиванием эффективности [3].

Одним из фундаментальных вопросов всего устройства отечественной государственной службы является вопрос качества и количества кадров. Рассматривая квалификационные требования к вакантной должности внутри структуры органов прокуратуры, данные требования представляются довольно справедливыми и включают в себя надлежащую правовую подготовку, однако, критерий качества предоставляет почву для рассуждений. Несомненно, введение ужесточенных требований к образованию кадров является закономерным шагом к увеличению качества штатного состава, хотя и составляет неоднозначную практическую реализацию [4]. В настоящий момент, территориальные отделы органов прокуратуры в городских районных прокуратурах испытывают нехватку в количественном обеспечении кадрами.

Закономерно, что руководство надзорного ведомства предпринимает меры по увеличению сотрудничества с высшими учебными заведениями, например, подписание соглашений о взаимодействии в части реализации программ подготовки кадров для надзорного ведомства. Примером реализации подобных мероприятий представляется участие прокурора Республики Башкортостан Пантюшина Игоря Станиславовича в церемонии торжественного вручения дипломов выпускникам Института права БашГУ от 15.07.2022 г. На наш взгляд, уполномоченными структурами предпринимаются определенные меры к росту интереса у выпускников юридических высших учебных заведений, меры по обеспечению деятельности лиц, осуществляющих трудовую деятельность в территориальных отделах прокуратуры на об-

щественных началах, но данных мер явно недостаточно. Предполагаем, что целесообразно провести ревизию категорий вакансий, предоставляемых для трудоустройства, поскольку это откроет новые возможности для привлечения более широкого круга лиц к работе в органах прокуратуры.

Помимо указания на некоторые вопросы обеспечения кадрового состава органов прокуратуры, необходимо рассмотреть предпосылки сложившейся конъюнктуры. Поскольку нагрузка полномочиями не может осуществляться в несоразмерных объемах, целесообразным представляется рассмотрение иных факторов, повлекших недостаток штата территориальных отделов прокуратуры. Одной из таких предпосылок выступает сформировавшаяся нагрузка, вследствие нехватки оперативных работников прокуратуры. В рамках осуществления надзорной деятельности, сотрудники органов прокуратуры привлекают к сотрудничеству участников правоотношений, издаются акты прокурорского реагирования и осуществляют выездные проверки соблюдения законодательства (например, соблюдение торговыми центрами законодательства о пожарной безопасности или соблюдение работодателями законодательства о правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации) [3, с. 49-54].

Все ранее обозначенные мероприятия помимо объективного и всестороннего изучения, представляются ресурсозатратными, что требует, по-нашему мнению, закрепления внимания к увеличению рациональности осуществления мер прокурорского реагирования. В свою очередь, нами предлагается закрепление и дальнейшая регламентация разграничения полномочий, поскольку отдельно взятые сотрудники прокуратуры в силу физических аспектов вопроса не в состоянии обеспечить правозащитную функцию прокуратуры на множественных направлениях. В данной связи, справедливо замечает М.М. Черепанов, что эффективность трудовой деятельности узконаправленных специалистов представляется явной и распределение полномочий, будет считаться

рациональным и своевременным решением [5].

В настоящее время, повсеместно наблюдается тенденция к обеспечению коэффициента цифровизации внутри государственных органов, разрабатываются технические решения по оптимизации и систематизации отдельных правовых процессов. Так, в правовой практике укрепилось положение систем электронного документооборота, именуемых как «СЭД Дело» или «Надзор-WEB» и иные. Несомненно, структурирование внутреннего и внешнего документооборота необходимо для стабильного функционирования государственного формирования. Тем не менее, данный шаг к усовершенствованию не исключает некоторые моменты, подлежащие изменению для более значительных результатов. На наш взгляд, занесение и отслеживание информации о проведенных мероприятиях органов прокуратуры долж-

но быть отнесено к полномочиям определенной категории сотрудников органов прокуратуры, поскольку систематическое внесение сведений не требует правовых навыков и усугубляет проблему недостатка времени сотрудников органов прокуратуры.

Таким образом, организация надзорной деятельности органов прокуратуры требует повышенного внимания, с учетом вышеуказанных вопросов. Определенно, государственный аппарат предпринимает попытки к совершенствованию отдельных функций системы органов прокуратуры, что, в настоящее время, является недостаточным. Необходимо проведение более глубокого преобразования в рамках увеличения факторов количественного критерия и видового разнообразия кадрового состава, а также обеспечение разграничения полномочий внутри аппарата территориальных отделов прокуратуры.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.).
2. Федеральный закон № 2202-1-ФЗ от 17.01.1992 «О прокуратуре Российской Федерации».
3. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 711 от 25.11.2022 «О внесении в отдельные организационно-распорядительные документы Генерального прокурора Российской Федерации в части совершенствования информационно-аналитической деятельности».
4. Алева-Герман Е.А.А. Многофункциональность прокуратуры Российской Федерации: сущность, характерные черты // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2021. – №3 (83). – С. 49-54.
5. Винокуров Ю.Е., Винокуров А.Ю. Прокурорский надзор: учебник для вузов / под общ. ред. Ю.Е. Винокурова. 15-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2021. – 556 с.
6. Черепанов М.М. Принципы организации и деятельности российской прокуратуры: дис. канд. юрид. наук: 12.00.11; Уральская государственная юридическая академия. – Екатеринбург, 2008.
7. Чулпанова С.А. К вопросу о содержании современного прокурорского надзора // Закон и право. – 2020. – №8. – С. 38.

**SOME ISSUES OF THE ORGANIZATIONAL AND LEGAL STRUCTURE OF WORK
IN THE SYSTEM OF THE PROSECUTOR'S OFFICE**

E.V. Medvedeva, *Bachelor*

Supervisor: *A.S. Akhmadullin, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*

Ufa University of Science and Technology

(Russia, Ufa)

***Abstract.** Within the framework of this article, the features of the implementation of the supervisory function of the prosecutor's office, some issues of the division of powers within the system of the prosecutor's office are considered. The relevance of the research topic is characterized by the need to improve the institution of supervisory measures, taking into account the organizational aspects of the structure of supervisory bodies, as well as the significant influence of this institution on the effectiveness of ensuring the constitutional rights of citizens. Moreover, attention should be paid to the optimization of the regulatory framework, in terms of determining the powers attributed to the territorial bodies exercising supervisory functions. Effective regulation of the regulatory framework and powers of the Prosecutor's Office, including certain aspects of the legal mechanism within the institute, is a fundamental provision for improving law enforcement structures. It is necessary to establish a clear interpretation of regulations containing provisions on the exercise of supervisory functions by the prosecutor's office. Within the framework of this scientific work, the author of the article analyzes the supervisory function of the prosecutor's office, determines some features of the division of powers within the system of the prosecutor's office, makes a comparison between the theoretical and practical sides of this issue.*

***Keywords:** prosecutor's supervision, organizational and legal factors, optimization of supervisory activities, measures of prosecutor's response, functions of the prosecutor's office.*

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Д.Н. Небиеридзе, студент

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина
(Россия, г. Краснодар)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-209-212

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам представительства в административном судопроизводстве. Рассмотрены нормы, закрепляющие возможность быть представителем по устному ходатайству. Актуальность темы предопределена тем, что вопросы о представительстве в административном судопроизводстве, их необходимости, значении очень важны для современной судебной практики, но до конца не исследованы в науке. Автор отмечает, что право гражданина на ведение дела через представителя превращается в его обязанность, причем основным аспектом является то, что представительство в административном судопроизводстве оборачивается адвокатской монополией.

Ключевые слова: суд, представительство, административное судопроизводство, судопроизводство, право.

Представителями в суде по административным делам могут быть адвокаты и иные лица, обладающие полной дееспособностью, не состоящие под опекой или попечительством и имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности. Данное положение отражено в п. 1 ст. 55 КАС РФ.

Этот стандарт устанавливает обязательные требования к представителям, участвующим в административном судопроизводстве. Юридическое образование является гарантом оказания качественных юридических услуг. Если предъявляются требования о том, что представитель должен иметь статус адвоката или ученую степень, то это, вне всякого сомнения, ведет к ограничению конкуренции и увеличению стоимости юридических услуг, хоть и служит очень жестким критерием компетентности представителя. В РФ каждый гражданин имеет возможность воспользоваться квалифицированной юридической помощью. Это право закреплено в статье 48 Конституции РФ. Для определенных групп лиц юридические услуги оказываются бесплатно, что четко иллюстрируется Федеральным законом «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 324-ФЗ.

Законодатель, начиная с принятия КАС РФ в 2015 году [2], вводит обязательное высшее юридическое образование для представителей. Далее данное положение найдет свое отражение в Арбитражном процессуальном кодексе РФ (далее – АПК РФ) и частично в Гражданском процессуальном кодексе РФ (далее – ГПК РФ).

В 2018 году Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28.11.2018 №2 451-ФЗ в ч. 3 ст. 49 АПК РФ введено, что представители должны иметь высшее юридическое образование. ГПК РФ, в свою очередь, предъявляет более мягкие требования. В 2019 году этим же правовым актом введены изменения в ч. 2 ст. 49 ГПК РФ, и теперь представители: в областных, апелляционных, кассационных судах должны иметь высшее юридическое образование.

Зачем нужна квалифицированная помощь в КАС РФ и почему представителям необходимо иметь высшее юридическое образование?

Суть в том, что дела, рассматриваемые по КАС РФ, имеют большую сложность, поскольку спор происходит с должностным лицом. Представители различных государственных органов и органов местного самоуправления имеют высшее юридическое образование. Это означает, что

при вступлении в спор физическое или юридическое лицо противостоит профессионалу с юридическим образованием. Поэтому требование об образовании представителя является обоснованным.

Следует отметить, как можно оформить полномочия представителя в суде:

- по устному ходатайству административного истца/ответчика;
- по письменному заявлению стороны;
- по доверенности, заверенной у нотариуса. А для юридического лица заверенной генеральным директором;
- адвокатским ордером [1].

При этом следует особо отметить, что возможность воспользоваться одним из предоставленных законодателем способов оформления и подтверждения полномочий представителя во всех цивилистических видах судопроизводства – административном, арбитражном и гражданском – напрямую зависит от вида производства, правила которого используются лицом, обратившимся в суд, поскольку, например, приказное и упрощенное производство [4] исключают проведение судебного заседания с участием лиц, и, как следствие, устно подтвердить полномочия лица, соответственно, объективно невозможно.

Суд обязан проверить полномочия лиц, участвующих в деле, и их представителей. Он принимает решение решает вопрос признания полномочий лиц, участвующих в деле, их представителей, а также о допуске их к участию в судебном заседании на основании исследования документов, представленных в суд этими лицами. В свою очередь, эти документы, которые подтверждают полномочия представителей или их копии (при наличии) прилагаются к документам административного дела, либо сведения о них вносятся в протокол судебного заседания. В случае непредставления лицом, участвующим в деле, или его представителем документов, необходимых для подтверждения своих полномочий суд отказывает признать полномочия соответствующего лица на участие в административном деле, на что, конечно же, указывается в протоколе судебного заседания [3]. Суд проверит полномочия лиц, участвующих в деле, и их пред-

ставителей в судебном заседании на основании исследования представленных ими документов, по результатам которого решает следующие вопросы:

- признаются ли полномочия лиц, участвующих в деле, и их представителей подтвержденными;
- о допуске указанных лиц к участию в судебном заседании.

Далее стоит отметить следующее положение о том, что документы, подтверждающие полномочия представителей, или их копии (доверенность, учредительные документы организации и иные) при необходимости приобщаются к материалам административного дела, либо сведения о них заносятся в протокол судебного заседания. Суд отказывает в признании полномочий соответствующего лица на участие в административном деле, на что указывается в протоколе судебного заседания, если не представлены подтверждающие документы или такие документы не соответствуют установленным требованиям, а также в случае нарушения правил о представительстве, установленных ст.ст. 54 и 55 Кодекса.

Основанием инициирования перед соответствующими органами и лицами вопроса о назначении представителя либо о замене законного представителя служит отсутствие процессуальной дееспособности у лица, участвующего в деле, у которого нет представителя или законные представители которого не вправе вести административные дела в суде по основаниям, предусмотренным законом. В таком случае судья приостанавливает производство по административному делу и иницирует назначение названных лиц.

Обратить внимание нужно и на то, что согласно действующему законодательству, право гражданина на ведение дела через представителя превращается в его обязанность, поскольку речь идет о таком критерии к представителю, как высшее юридическое образование либо ученая степень по юридической специальности. Подобное неоправданное ограничение противоречит таким закрепленным ст. 6 КАС принципам административного судопроизводства, как равенство всех перед законом и судом, со-

ствязательность и равноправие сторон при активной роли суда. Гражданину должно быть предоставлено право выбора воспользоваться услугами профессионального представителя, поскольку закон обязывает его взять данное лицо, с дипломом о высшем юридическом образовании либо, имеющее ученую степень по юридической специальности.

Нельзя считать однозначно верными положения ст. 58 КАС РФ, в которой, как и в ст. 63 АПК РФ речь идет о проверке полномочий лиц, участвующих в деле, и их представителей. По своей правовой природе полномочия представляют собой особые правовые возможности, отличающиеся от субъективных прав тремя существенными признаками:

1) они представляют собой правовые возможности совершения процессуальных действий не от своего собственного имени, а от имени другого лица;

2) полномочия производны от субъективных прав;

3) возникновение и дальнейшее существование полномочий у представителя по

общему правилу зависят от воли представляемого лица.

Таким образом, на основе вышелушенного, на сегодняшний день возможно выделить следующие недостатки внедрения представительства:

- невозможность привлечения вместо представителя-юриста иных лиц, обладающих необходимой квалификацией, для качественной защиты прав доверителя;

- сложность в определении профессионализма лица в зависимости от уровня образования;

- высокий уровень цен на услуги юристов, которые доступны далеко не всем гражданам. Закрепляя образовательный ценз представителя, законодатель слепо подводит отечественную правовую систему под европейские стандарты (в ряде европейских государств представительство в суде осуществляется исключительно адвокатами), не учитывая при этом объективных реалий. Не вызывает сомнений и наличие проблем качества получаемого юридического образования и уровня профессиональной подготовки выпускников.

Библиографический список

1. Саркисян В.Г. Некоторые проблемы института представительства в административном судопроизводстве // *Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений. Сборник научных статей по итогам работы седьмого круглого стола со Всероссийским и международным участием.* – 2020. – С. 96-98.

2. Беспалов Ю.Ф. Комментарий к Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации (постатейный научно-практический). – М.: Проспект, 2019. – 768 с.

3. Комментарий к Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации (постатейный, научно-практический) / Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий, С.Л. Дегтярев и др.; под ред. В.В. Яркова. – М.: Статут, 2016. – 1295 с.

4. Зеленская, Л.А. Некоторые вопросы соотношения приказного и упрощенного производств в гражданском процессе // *Научное обеспечение агропромышленного комплекса: Сборник тезисов по материалам Всероссийской (национальной) конференции, Краснодар, 19 декабря 2019 года / Ответственный за выпуск А.Г. Коцаев.* – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2019. – С. 365-366. – EDN YNZMFK.

REPRESENTATION IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS**D.N. Nebieridze**, *Student***Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilina****(Russia, Krasnodar)**

***Abstract.** The article is devoted to topical issues of representation in administrative proceedings. The norms fixing the possibility to be a representative by oral petition are considered. The author analyzes the possibility of the participation of a representative on an oral petition at each stage of administrative proceedings. The topic is very relevant at the present time. The relevance of the topic is predetermined by the fact that the issues of representation in administrative proceedings, their necessity, significance and authenticity are very important for modern judicial practice, but have not been fully explored in science.*

***Keywords:** court, representation, administrative court proceedings, legal proceedings, law.*

СПЕЦИФИКА И ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ ОБ ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ К ГРАЖДАНСКИМ ПРАВООТНОШЕНИЯМ

К.Д. Немцева, студент

С.В. Старцева, старший преподаватель

Самарский государственный экономический университет
(Россия, г. Самара)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-213-216

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы исковой давности, произведен анализ данных законодательной базы Российской Федерации, а также мнение специалистов в этой сфере, об эффективности использования известных нам НПА, где мы приходим к логичным выводам о не совершенности нормативной системы Российской Федерации, поскольку отсутствуют четкие границы понимания начала срока исковой давности и его окончания.

Ключевые слова: гражданское право, гражданский кодекс, Верховный Суд РФ, исковая давность, сроки исковой давности, социально-экономическая сфера.

Сложно представить нашу жизнь без существования права. На нем основываются абсолютно все сферы нашей жизни. Благодаря ему существует определенная иерархия взаимоотношений между каждым гражданином, проживающим в определенном государстве.

В современном российском законодательстве ежегодно происходит множество изменений, в том числе и в гражданском праве. Это происходит на основе постоянно меняющихся тенденций социально-экономического развития. За последние 30 лет было внесено огромное количество поправок, каждое из которых доводит правовую базу до совершенства, чему способствовало множество судебных разбирательств, а именно трудность в их осуществлении из-за недостатка четкого понимания некоторых моментов российского права.

Институт исковой давности является одним из важнейших для осуществления правовых возможностей гражданами. Данное выражение подтверждается назначением и четким обозначением гражданско-правовых сроков на защиту субъектами гражданского оборота нарушенных прав, что позволяет привлечь участников гражданских правоотношений к дисциплине, создает устойчивость и определенность правовых связей для упорядочивания и систематизации гражданских процессов.

В действующем Гражданском Кодексе Российской Федерации исковой давности посвящена вся 12 глава, а именно статьи 195-208 ГК РФ. Итак, из первой, указанной статьи, этого нормативно правового акта дается определение, а именно: «исковой давностью признается срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено» [1].

Крашенинников П.В. утверждает, что срок имеет два значения для гражданско-правовых субъектов: либо это временной период, либо это четко указанный момент [2].

Также мы не можем опровергать тот факт, что по 198 статье ГК РФ императивно устанавливаются неподлежащее изменению сторонами по обоюдному решению все аспекты исковой давности: сам срок, приостановление и перерывы, а также его течение. Все эти условия четко установлены в ГК РФ и других законах, которыми должны пользоваться суды во время процессов.

Как следует из п. 1 ст. 196 ГК РФ общий срок исковой давности составляет три года со дня определяемого в соответствии со ст. 200 ГК РФ и не может превышать десяти лет со дня нарушения права, для защиты которого этот срок установлен. В то же время ГК РФ определяет и иные давностные сроки для исков – специальные, они меньше общего. Верховный Суд

Российской Федерации приводит такой перечень сроков, которые уменьшены: 2 года если нет гарантии на объект купли-продажи, 1 год для обнародования опровержения сведений, если обнародованные первоначальные сведения опорочили субъекта гражданского оборота и полгода на преддоговорные разногласия и др. [3].

Как отмечает А. Полетаева, в установлении специальных сроков отсутствует несоответствие гражданского законодательства конституционным нормам [5].

Рассматриваемые сроки начинают свой отсчёт в день, когда гражданско-правовому субъекту стало известно (ну или он должен был узнать) о нарушении права (ст. 200 ГК РФ). Из следующих статей мы узнаем, что в обязательстве изменение лица не влияет на срок исковой давности, то есть срок не меняется (ст. 201 ГК РФ), обстоятельства, влекущие приостановление сроков (ст. 202 ГК РФ), основания для их перерыва (ст. 203 ГК РФ).

Как мы говорили ранее, это делается для дисциплины и мотивации участников гражданского дела, дабы не затягивать процессы на очень долгие сроки.

В продолжение, добавим, что понимается субъективный и объективный критерий исковой давности. С субъективной стороны исковая давность отсчитывается со дня, когда гражданско-правовому субъекту стало известно (ну или он должен был узнать) о нарушении гражданских прав, в то время как объективная сторона дает начала течение срока с момента наступления юридического факта. Много обсуждений существует в настоящий момент по поводу того, какой из этих критериев является важнее.

Если определять в отраслях российского права принадлежность исковой давности к институтам этих отраслей, то очевидна смешанная природа данного явления, ведь нормы о рассматриваемых сроках имеют как материальную, так процессуальную природу.

Суть дискуссии отражается и в том, что в гражданском праве используются формулировки в форме долженствования (пример: «должен знать» или «обязан»), что дает неоднозначную картину в опреде-

лении субъективного или объективного критерия исковой давности.

Неоднозначным является и то положение, что физическое лицо вправе защищать свои права основываясь на своей дееспособности и правоспособности, жизненном опыте и сложившимися конкретными обстоятельствами. Отметим, что это касается дееспособных граждан, которые вольны самостоятельно отстаивать свою защиту, но будет ли это касаться недееспособных или лиц с ограниченной дееспособностью в их ситуациях в полной мере осуществляя свои гражданские права, как «обычные» граждане, что является неким камнем преткновения в гражданском законодательстве.

Также стоит отметить, что сроки исковой давности следует различать от иных сроков в существующем в гражданском праве, поскольку последние могут иметь совершенно другие, укороченные сроки, как например в защите исключительных прав, или же иметь бессрочный характер, как противодействие терроризму.

Фиксируем тот факт, что можно сделать неоднозначный, но все же вывод о том, концепция исковой давности, как способа защиты прав бывает невозможна из-за присутствия объективных факторов невозможности юридической защиты, что и вызывает противоречия.

Иванов А.А. указывает нам на то, что в гражданских правоотношениях изменения срока действия исковой давности, а именно его десятилетний объективный срок играет важную роль для принципа определенности в праве. Особый акцент, при этом делается на императивность сроков, и связано это с правовым регулированием касемо правоотношений. Но, как показывает практика, после начала или окончания этого срока сильно страдает правовая определенность для участников гражданского оборота, поскольку существует множество факторов и условий изменения срока, что, как следствие, вызывает у них непонимания какими нормативно-правовыми актами пользоваться для защиты свои прав [7].

Учтем то обстоятельство, что продолжительность срока в некоторых случаях не

имеет значения, если само дело и его объективные факты лежат на поверхности, но существует и обратная сторона, когда для подготовки и нахождения нужных доказательств требуется намного больше времени, чем вышеупомянутые условия. Это доказывает, что данная тема является дискуссионной и требует тщательного изучения, чтобы учесть все факторы и привести в баланс всевозможные обстоятельства.

Из этого можно сделать соответствующий вывод о том, что законодательная база подстроилась под определенные течение социально-экономической жизни общества, и, как следствие, возникают противоречия, что не дает однозначного характера в отношении применения норм права в судебных разбирательствах, тем самым создавая с одной стороны сложность ведения процессов, а с другой отсутствие унификации правовой базы и возникновение отсутствие четкого понимания у граждан своих возможностей при защите нарушенных прав после судебного процесса.

Бегло коснёмся еще одного частного вопроса, а именно предоставления права применять исковую давность истцу в гражданских судебных разбирательствах.

Ильичев П.А. пишет в своей работе, что данное право должен применять ответчик, что, соответственно и регулируется российским законодательством [4].

Балакина М.Г. в своей научной статье размышляла о том, что существует возможность рассмотреть возражение ответчика о пропуске истцом срока исковой давности в предварительном заседании

(ч. 6 ст. 152 ГПК). Таким образом, гражданско-процессуальное право не регулирует аспект о реальности заявления о пропуске исковой давности истцом [6].

Для решения проблемы необходимо скорректировать законодательство и прописать определенный круг лиц, которые могут заявлять о необходимости применения исковой давности.

Не стоит упускать и значение комментариев ВС РФ, который раскрыл множество вопросов касаемых исковой давности, в постановлении Пленума №43 от 29 сентября 2015 г. В данном документе трактуется закон, что применяется судами при вынесении решений.

Так, например, в абзаце 2-3 пункта 10 упомянутого постановления №43 говорится о том, что заявление об исковой давности, при наличии множественности на стороне ответчика в процессе, сделанное одним из них не распространяется на всех участвующих в разбирательстве ответчиков. Отдельно указано, что судебный орган может и не удовлетворить данное заявление, если предметом споров, к примеру, является неделимая вещь.

Подводя итог, стоит сказать о том, что проблематика и специфика искового права остается по сей день актуальной для российского законодательства. Главной целью Российской Федерации должно являться то, что каждый ее гражданин сможет без всяких затруднений защитить нарушенные права, основываясь на понятных и четких законных основаниях. Отсюда следует то, что законодательная база несовершенна и требует модернизации и унификации.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
2. Проблемы института исковой давности // Наука. Общество. Государство. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/agutin_av_zakharova_vv_2020_4_17.pdf. (дата обращения: 05.10.2022).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43 (ред. от 22.06.2021) «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 12.
4. Ильичев П.А. Исковая давность: дис. канд. юр. наук. наук: 12.00.03. - М., 2014. – 33 с.

5. Полетаева А. Верховный Суд РФ об исковой давности // Налоговый учет для бухгалтера. – 2016. – № 3. – С. 26-38
6. Балакина М.Г. Отдельные проблемы применения сроков исковой давности // ЭКОНОМИКА. ПРАВО. ОБЩЕСТВО. – 2019. – №2. – С. 65-70.
7. Иванов А.А. Проблемы изменения начала течения десятилетней объективной исковой давности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2017. – №8. – С. 64-74.

SPECIFICS AND PROBLEMS OF THE APPLICATION OF THE RULES ON THE LIMITATION PERIOD TO CIVIL LEGAL RELATIONS

K.D. Nemceva, *Student*

S.V. Startseva, *Senior Lecturer*

Samara State University of Economics

(Russia, Samara)

***Abstract.** The article examines the problems of the limitation period, analyzes the data of the legislative base of the Russian Federation, as well as the opinion of experts in this field, on the effectiveness of the use of the NPA known to us, where we come to logical conclusions about the imperfection of the regulatory system of the Russian Federation, since there are no clear boundaries of understanding the beginning of the limitation period and its end.*

***Keywords:** civil law, civil Code, Supreme Court of the Russian Federation, statute of limitations, statute of limitations, socio-economic sphere.*

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ, КАК ОБЪЕКТ АДМИНИСТРАТИВНО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Р.Ф. Нугаева, студент

С.Ю. Павлов, канд. юрид. наук, доцент

Уфимский университет науки и технологий
(Россия, г. Уфа)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-217-220

Аннотация. В связи с развитием информационных технологий, большое количество информации переводится в цифровой формат. Многие юридические действия, например, подача заявлений для государственной регистрации или расторжения брака, оформление водительских прав, регистрация объектов недвижимости, совершаются без личного присутствия заявителя посредством подачи документов через автоматизированные каналы связи. В работе анализируется сущность персональных данных в рамках административно-правового регулирования. Приведены требования, которым должны отвечать персональные данные, признаки персональных данных, раскрыты правовые, организационные и финансовые проблемы законодательного регулирования. В заключении предложено обращение к опыту стран, законодательство которых развивалось по отличному от стран континентальной правовой семьи сценарию.

Ключевые слова: персональные данные, обработка персональных данных, использование средств автоматизации, конфиденциальная информация, защита персональных данных, свобода мысли и слова.

Персональные данные являются объектом защиты как закона, так и правоприменительной деятельности органов публичного управления. Органы государственной власти осуществляют разработку нормативно-правовых актов, регламентирующих обработку персональных данных, а также осуществляют контроль и надзор за соблюдением законодательства в области персональных данных.

Органы исполнительной власти, согласно ч. 1 ст. 1 Федерального закона «О персональных данных» [1], обязаны в своей деятельности в рамках реализации собственной компетенции обеспечивать соблюдение правил о защите персональных данных в отношениях, связанных с обработкой персональных данных, осуществляемой юридическими лицами и физическими лицами с использованием средств автоматизации, в том числе в информационно-телекоммуникационных сетях, или без использования таких средств, если обработка персональных данных без использования таких средств соответствует характеру действий (операций), совершаемых с персональными данными с исполь-

зованием средств автоматизации, то есть позволяет осуществлять в соответствии с заданным алгоритмом поиск персональных данных, зафиксированных на материальном носителе и содержащихся в картотеках или иных систематизированных собраниях персональных данных, и (или) доступ к таким персональным данным.

Правоотношения в области обработки персональных данных должны отвечать следующим требованиям:

1) наличие связи таких отношений с процессами обработки персональных данных;

2) использование средств автоматизации или иных средств, которые по своему характеру схожи с ними и позволяют осуществлять поиск персональных данных в соответствии с заданным алгоритмом [2, с. 152].

Савельев А.И. считает, что «первый признак будет иметь место всегда, когда положительно решен вопрос о квалификации, выступающей объектом правоотношения информации в качестве персональных данных, поскольку существующая дефиниция обработки персональных дан-

ных охватывает любые действия, совершаемые с ними.

Второй признак будет иметь место во всех случаях автоматизированной обработки, то есть использования средств вычислительной техники для обработки персональных данных (компьютеров, планшетов, смартфонов, «умных» часов, устройств, подключенных к сети Интернет, и т.п.). Фактически об автоматизированной обработке персональных данных можно вести речь всегда, когда такие данные выражены в цифровой форме, в том числе доступны в какой-либо форме в сети Интернет» [3, с. 267].

При обращении персональных данных в информационном пространстве необходима правовая регламентация осуществляемых операторами процессов во избежание нарушения законодательства. Информация может распространяться различными способами, среди которых ознакомление неограниченного круга лиц, размещение в средствах массовой информации или информационно-коммуникационной сети «Интернет» и иные.

В сфере защиты персональных данных в науке выделяют правовые, организационные и финансовые проблемы законодательного регулирования. Так, полагают, что проблемы правового характера возникли в связи с неоднозначностью положений Федерального закона «О персональных данных, которые по-разному трактуются законодательными и исполнительными органами и операторами: в том числе это относится к самому понятию «персональные данные», месту персональных данных в системе информации ограниченного доступа и др.

Организационные проблемы обусловлены недостаточным уровнем организации сбора, хранения, защиты персональных данных на предприятиях, не имеющих для этого финансовых средств. Обычно финансовые и организационные проблемы взаимосвязаны между собой.

Проблемой является отсутствие строго определенной правовой регламентации всех случаев, в которых гражданин при размещении своих персональных данных

автоматически дает согласие на их использование третьими лицами.

Система защиты персональных данных является комбинацией технических и технологических мер, а также мер по ее организации и администрированию. Общие технологические требования к обеспечению безопасности установлены действующим законодательством, однако в отношении организационных мер в законе ничего не сказано. Тем не менее, безопасность информационных систем возможна только в случае эффективной взаимосвязи технической и организационной составляющей. В соответствии с п. 17 Постановления Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2012 г. № 1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» [4]: «к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных контроль за выполнением указанных требований осуществляется оператором (уполномоченным лицом) самостоятельно и (или) с привлечением на договорной основе юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, имеющих лицензию на деятельность по технической защите конфиденциальной информации».

Таким образом, из смысла ст. 3 Федерального закона «О персональных данных», следует, что «персональные данные» – это любая информация, относящаяся к определенному или определяемому на основании такой информации физическому лицу (субъекту персональных данных), в том числе его фамилия, имя, отчество, год, месяц, дата и место рождения, адрес, семейное, социальное, имущественное положение, образование, профессия, доходы и другая информация.

Системное толкование положений нормативно-правовых актов позволяет прийти к выводу, что персональные данные являются конфиденциальной информацией и, что за нарушение работы с ними наступает юридическая ответственность.

Что касается защиты персональных данных, то нужно заметить, что безопасность персональных сведений находится на высоком уровне. Этому способствуют как правовая база, так и многочисленные средства технического контроля [5, с. 62].

При анализе содержания исследуемого понятия считаем оправданным обращение к опыту стран, законодательство которых развивалось по отличному от стран континентальной правовой семьи сценарию. В этой связи интересно рассмотреть механизмы защиты персональных данных, применяемых в Китайской Народной Республике (далее – КНР), в связи с наращиванием темпов международного сотрудничества именно с этой страной.

«Правовые культуры Российской Федерации и КНР во много различны. В Китае принята социалистическая концепция прав человека с «китайской спецификой», которая утверждает, что законодательство действует там, где традиция непригодна. Российская Федерация – согласно ее Основному закону – провозглашается правовым государством, что закрепляет юридическую силу легитимно принятых законов на территории страны.

Конституция России содержит положения о свободе мысли и слова, гарантирует свободу массовой информации, а также запрещает цензуру. В КНР также согласно действующей Конституции закрепляется свобода слова, однако, свобода мыслей и информации, а также запрет на цензуру отсутствует. При этом, многие Интернет-сервисы, активно используемые по всему миру, в Китае блокируются (Facebook и Twitter, с марта 2009 г. заблокирован YouTube). Однако стоит отметить, что многие китайские авторы утверждают, что в Китае помимо прав, закрепленных в Конституции, вполне эффективно реализуется свобода слова, печати и собраний.

Особенностью является то, что КНР не присоединяется к международным нормативным правовым актам, гарантирующим соблюдение прав граждан, например, к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Это объяснимо тем, что в Китае, как отмечает Н.В. Вечканова, «ак-

тивно ведется борьба с тем, что там называется «деструктивным влиянием Запада» [6, с. 6].

В Китае до недавнего времени понятие персональных данных закреплено не было. Согласно теории идентификации, которой придерживаются законодатели КНР, под персональными данными понимается любая информация, при помощи которой возможно идентифицировать конкретного субъекта. Однако, указанное на первый взгляд расширение понятия персональных данных в Китае не давало никаких правовых гарантий защиты законных прав гражданина. Объясняется это сложным механизмом применения мер государственного принуждения в связи с отсутствием материально-правового обоснования нанесенного вреда.

Кроме того, в КНР до недавнего времени отсутствовал единый закон, регулирующий общественные отношения в сфере обработки и распространения персональных данных, в связи с чем возникали трудности не только в осуществлении контроля за деятельностью операторов, но и регламентации правовой природы деяний, связанных с распространением информации.

С 1 сентября 2021 года в Китае вступил в силу закон о данных, который является первым нормативным правовым актом, регламентирующим использование операторами данных как институт, подлежащий государственной защите. Новый закон о персональных данных обладает верховенством и приоритетом над международными актами на территории Китая. Главная задача этого юридического документа – обеспечить эффективное использование персональных данных и ее конфиденциальность, гарантировать государственный суверенитет и национальную безопасность, усилить государственный контроль за сферой бизнеса.

В данном Законе определена дефиниция «персональных данных» в широком смысле. Под персональными данными понимают информацию, которая в случае утечки или кражи может нанести ущерб лично ее обладателю или поставить под угрозу личную безопасность. Местные власти полу-

чили право при необходимости определять, какая информация является наиболее важной и подлежащей государственной защите».

Таким образом, персональные данные являются объектом защиты как закона, так и правоприменительной деятельности органов публичного управления. Проблемой является отсутствие строго определенной

правовой регламентации всех случаев, в которых гражданин при размещении своих персональных данных автоматически дает согласие на их использование третьими лицами. Для улучшения ситуации считаем оправданным обращение к опыту стран, законодательство которых развивалось по отличному от стран континентальной правовой семьи сценарию.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (с посл. изм. и доп. от 14 июля 2022 г. № 266-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/>.
2. Лазарев В.В., Гаджиев Х.И. Защита данных: научно-практический комментарий к судебной практике. – М.: КОНТРАКТ, 2020. – 167 с.
3. Савельев А.И. Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных». – М.: Статут, 2021. – 468 с.
4. Постановление Правительства РФ от 1 ноября 2012 № 1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/>.
5. Макарова К.Е. Правовое регулирование защиты персональных данных // Студенческий форум: электронный научный журнал. – 2021. – № 38 (174). – С. 62-64.
6. Вечканова Н.В. Конституционное регулирование личных прав и свобод человека в азиатских странах Тихоокеанского региона // Государственная власть и местное самоуправление. – 2020. – №12. – С. 7-12.

PERSONAL DATA AS AN OBJECT OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION

R.F. Nugaeva, *Student*

S.Y. Pavlov, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*
Ufa University of Science and Technology
 (Russia, Ufa)

Abstract. *Due to the development of information technologies, a large amount of information is being transferred to digital format. Many legal actions, for example, filing applications for state registration or divorce, registration of a driver's license, registration of real estate objects, are performed without the personal presence of the applicant by submitting documents through automated communication channels. The paper analyzes the essence of personal data within the framework of administrative and legal regulation. The requirements to be met by personal data, signs of personal data are given, legal, organizational and financial problems of legislative regulation are disclosed. In conclusion, an appeal to the experience of countries whose legislation developed according to a scenario different from the countries of the continental legal family is proposed.*

Keywords: *personal data, processing of personal data, use of automation tools, confidential information, protection of personal data, freedom of thought and speech.*

НАДЗОР ЗА ФИНАНСОВЫМ РЫНКОМ И ЕГО ПОЛОЖЕНИЕ В СИСТЕМЕ ФИНАНСОВОГО ПРАВА

А.Р. Паранько, студент

В.С. Глазунов, студент

Финансовый университет при Правительстве РФ
(Россия, г. Москва)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-221-224

Аннотация. В статье определены термины: система финансового права, финансовый рынок с акцентом на объяснение различий между регулированием финансового рынка и надзором за финансовым рынком. Основная часть статьи посвящена надзору за финансовым рынком, в которой говорится о степени концентрации полномочий в области финансового надзора, а также упоминаются некоторые международные аспекты финансового надзора. Автор опирался на литературу по финансовому рынку, комментарии к уставам, электронные сборники законов, экономические журналы и другие публикации по правовым вопросам. Кроме того, в качестве источника профессиональной литературы также использовались статьи в Интернете.

Ключевые слова: надзор за финансовым рынком, система финансового права, финансовый рынок, регулирование финансового рынка.

Основная цель выполненного исследования – подчеркнуть важность надзора за финансовым рынком для финансовой стабильности и «здоровья» финансовых учреждений, управления теоретической информацией о финансовом рынке.

Банковский союз, целью которого является «разорвать порочный круг банков-должников и государств», должен быть построен на трех столпах: единый механизм надзора, единый механизм антикризисного управления (механизм урегулирования) и общая система защиты банковских депозитов [5].

При рассмотрении ключевых вопросов использовались сравнительные методы и когнитивно-научные подходы. Различные методы, определенные целями данной статьи, включают метод теоретического анализа и синтеза, сравнительный метод, метод конкретизации и индуктивный метод.

Финансовое право играет важную роль в современной экономике. Финансовое право делится на две части: общую и специальную. Система финансового права России объективно определяется системой социальных и финансовых отношений, их внутренними структурами, группировкой и объемом финансовых и правовых норм, расположенных в определенной последо-

вательности составных частей, сегментов, подразделений и учреждений, через которые могут осуществляться финансовые операции, торговля ценными бумагами и все другие предоставляемые финансовые услуги [8]. Система финансового права представляет собой внутреннее подразделение независимой отрасли единого правового порядка, содержащейся в относительно независимых наборах финансовых и правовых нормах, образующих подотрасли в соответствии с их содержательным сходством или идентичностью финансовых отношений, регулируемых ими [4, с. 127].

Система охватывает все сегменты финансового рынка: финансовые инструменты, торгуемые на финансовых рынках, финансовые учреждения, другие экономические субъекты, а также правила, установленные для регулирования их деятельности на финансовом рынке. В рамках финансовой системы финансовые субъекты, соблюдая установленные правила, торгуют финансовыми инструментами или оказывают поддержку такой торговле своей деятельностью. Финансовую систему можно определить, как механизм, с помощью которого финансовые средства распределяются от субъектов с избыточными финан-

совыми средствами к субъектам, которым не хватает доступных средств. Каждая финансовая система является частью экономической системы, будь то национальной или наднациональной по своей природе. Важной особенностью стратегии экономической политики является активизация финансов и их новая функция в экономических процессах. Важную роль играет процесс создания финансового рынка, который в экономике часто называют вершиной рыночной пирамиды. Финансовый рынок – это место, где встречаются спрос и предложение финансовых ресурсов [9, с. 75].

Помимо вопросов, регулируемых гражданским и коммерческим правом, финансовый рынок охватывает в системе финансового права также регулирование операций с капиталом и денежными средствами, операции с ценными бумагами и др. [2, с. 210].

Функциональный финансовый рынок обеспечивает оптимальное распределение ограниченных финансовых средств. Эффективное функционирование рыночной экономики основано на рынке, существующем в различных структурах и формах. Рынок представляет собой базовый аспект функционирующей рыночной экономики, компонент функционирующего рыночного механизма, посредством которого финансовые средства передаются от тех, у кого избыток финансовых средств, к тем, кто в них нуждается. Финансовый рынок представляет собой логическую часть рыночных механизмов. Его происхождение, постепенное развитие и особенно его активная эксплуатация являются признаком очень интенсивного расходования финансовых и капитальных ресурсов. Другими словами, основываясь на экономическом использовании денежных отношений, в дополнение к товарному рынку, рынку услуг и рынку труда, вполне логично, что также используется финансовый рынок [1, с. 139].

Изначально правовое регулирование финансового рынка имело форму первичного законодательства, но также и форму вторичного законодательства (нормативные акты и другие правила меньшей юри-

дической силы). На практике термин «регулирование финансового рынка» часто используется взаимозаменяемо с термином «надзор за финансовым рынком» (теоретически эти два термина различаются), поэтому следует рассмотреть разницу между ними.

Посредством регулирования финансового рынка устанавливаются правила эффективного функционирования, и соблюдение правил должно проверяться и находиться под наблюдением. В более широком смысле это означает, что сложные правила, установленные с целью эффективного функционирования финансового рынка, контролируются на предмет соблюдения, а деятельность финансовых учреждений находится под контролем. Поскольку регулирование финансового рынка толкуется как устанавливающее правила, можно заметить, что правила могут быть как законными, так и внеправовыми. Общие законодательные рамки, установленные государством, могут быть дополнены саморегулированием отдельных организаций или правилами, установленными организациями. Первичное, то есть законодательное, регулирование в форме правил, принимаемых законодательной властью, отличается от вторичного регулирования в форме правил, издаваемых исполнительной властью [6, с. 15].

Закон, регулирующий финансовый рынок, и его правила обеспечивают необходимые организационные условия для эффективного роста и надлежащего функционирования финансового рынка. Правовые акты в этой области фактически являются средством осуществления всех шагов, необходимых для начала и продолжения деятельности хорошо функционирующего финансового рынка. Также в области финансового рынка законодательная деятельность обширна, хотя и недостаточна, за исключением некоторых оригинальных источников права, банковского права, посвященных главным образом законодательной деятельности Министерства финансов и Центрального банка России [7]. Правовые нормы, которые являются обязательными и подлежащими исполнению

представляют собой важные компоненты нормативных документов.

Из сказанного может вытекать, что закон о финансовом рынке, состоит из ряда правовых норм первичного и вторичного характера. Это является прямым следствием обширных и разнообразных социально-экономических отношений, которые являются предметом нормативно-правового регулирования в области права финансового рынка. В связи с этим фактом, и прежде всего в связи с практическими последствиями закона о финансовом рынке в рамках нашего правового порядка, систе-

матизация этой отрасли права является очень важным вопросом [3, с. 159].

Основной целью регулирования и надзора за финансовыми рынками является создание долгосрочной стабильности и условий для эффективного функционирования и прозрачности финансовой системы и безопасных функций финансового рынка. Задачами регулирования финансовых рынков является обеспечение равных рыночных условий, устранение рисков, связанных с финансовыми рынками, и, что не менее важно, укрепление доверия к финансовым рынкам в глазах общественности.

Библиографический список

1. Грязновой А.Г. Финансы: учебник / под ред. А.Г. Грязновой. – М.: Финансы и статистика, 2018. – С. 139-144.
2. Иванов И.С. Краткий курс финансового права: Учебное пособие. – Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2013.
3. Козырин А.Н. Финансовое право и управление публичными финансами в зарубежных странах. – М.: ЦППИ, 2019.
4. Пиликин Г.Г. Становление финансового права России (теория и практика особой формы публичного права): монография / Под общ. ред. проф. С.В. Запольского. – М.: Юридическая фирма контракт, 2017.
5. Положение о Комитете банковского надзора Банка России (утв. решением Совета директоров Банка России от 21.05.2021, протокол N ПСД-11) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Родионова В.М. Финансовый контроль: учебное пособие. – М.: Инфра-М., 2016. – С. 15.
7. Федеральный закон от 10.07.2002 N 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (ред. от 30.12.2021).
8. Федеральный закон от 22.04.1996 N 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (ред. от 20.10.2022).
9. Чуева А.С., Курдюк П.М., Иваненко И.Н. Финансовое право (общая часть): учебное пособие. – Краснодар, 2013. – 141 с.

**SUPERVISION OF THE FINANCIAL MARKET AND ITS SITUATION
IN THE SYSTEM OF FINANCIAL LAW****A.R. Paranko, Student****V.S. Glazunov, Student****Financial University under the Government of the Russian Federation
(Russia, Moscow)**

***Abstract.** The article defines the terms: financial law system, financial market, with an emphasis on explaining the differences between financial market regulation and financial market supervision. The main part of the article is devoted to financial market supervision, which refers to the degree of concentration of powers in the field of financial supervision, and also mentions some international aspects of financial supervision. The author relied on literature on the financial market, commentaries on charters, electronic collections of laws, economic journals and other publications on legal issues. In addition, articles on the Internet were also used as a source of professional literature.*

***Keywords:** financial market supervision, financial law system, financial market, financial market regulation.*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Е.М. Пасынкова, магистрант

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
(Россия, г. Новосибирск)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-225-227

***Аннотация.** В статье охарактеризовано территориальное общественное самоуправление на территории Российской Федерации. Территориальное общественное самоуправление признается эффективным способом, обеспечивающим возможность войти в диалог с населением. Рассмотрены актуальные проблемы правового регулирования деятельности территориального общественного самоуправления на региональном уровне, сформулированы предложения по его совершенствованию. Сделаны общие выводы, резюмирующие итоги проведенного исследования.*

***Ключевые слова:** Конституция, местное самоуправление, территориальное общественное самоуправление, муниципальное образование, непосредственная демократия.*

В соответствии с частью 1 статьи 27 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ) [2] под территориальным общественным самоуправлением понимается самоорганизация граждан по месту их жительства на части территории поселения, внутригородской территории города федерального значения, муниципального округа, городского округа, внутригородского района, а также в расположенных на межселенной территории населенных пунктах (либо на части их территории) для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения.

Основной Закон Российской Федерации определяет, что установление общих принципов организации местного самоуправления к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (далее – субъекты РФ) [1]. Из этого следует, что субъекты РФ имеют право на осуществление самостоятельного правового регулирования исключительно в пределах, которые определены федеральными законами.

Важным представляется вопрос о разграничении компетенции правового регулирования местного самоуправления между федерацией и субъектами РФ. В лите-

ратуре высказывается мнение о важности принятия единого федерального закона, который будет раскрывать порядок организации и деятельности ТОС. Стоит отметить, что ученые обосновывают свое мнение Основным Законом РФ, в частности, статья 71 направлена на защиту прав и свобод человека гражданина в государстве и относится к федеральному ведению [5, с. 12].

До вступления в силу Федерального закона от 6 октября 2003 г. N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» субъектам РФ предоставлялось право принимать самостоятельные законы, которые устанавливают организацию ТОС.

В субъектах Российской Федерации отсутствовало точное понимание юридической природы органов территориального общественного самоуправления. Так, одни субъекты РФ относили органы ТОС к органам местного самоуправления.

Шугрина Е.С. приходит к выводу, что понятие территориально-государственной автономии было достаточно спорным. Если в одних регионах органы территориального общественного самоуправления продолжали рассматриваться как неотъемлемая часть местного самоуправления, наделенная соответствующими полномочиями, то в других территориальное общественное самоуправление все больше

трансформировалось в элемент гражданского общества, особый негосударственный орган [6, с. 12].

Закон N 131-ФЗ исключил территориальное общественное самоуправление из числа сфер, в которых субъекты Российской Федерации вправе осуществлять самостоятельное правовое регулирование. Причиной таких изменений выступало недостаточное и неодинаковое развитие ТОС. В некоторых субъектах РФ ТОС изначально не были созданы.

Статья 27 Закона № 131-ФЗ закрепляет, что порядок организации и осуществления территориального общественного самоуправления определяется уставом муниципального образования и (или) нормативными правовыми актами представительного органа муниципального образования. Вследствие установленного переходного периода произошло признание утратившими силу законов субъектов РФ, которые устанавливали организацию и деятельность ТОС.

В литературе появилось мнение о том, что правовое регулирование на уровне субъектов РФ носит характер рекомендаций [3, с. 20]. Такое мнение связано с помощью муниципальным образованиям в виде разработки типовых (модельных) проектов муниципальных правовых актов, а также различных видов программ территориального развития и гражданских инициатив.

Из вышеперечисленного следует сделать вывод, что федеральный уровень правового регулирования ТОС носит централизованный характер. Таким образом, компетенции органов государственной власти субъектов присущ ограничительный характер.

Необходимость регионального участия обосновывается еще и тем, что муници-

пальные образования не имеют необходимого опыта регулирования деятельности территориального общественного самоуправления, а региональный законодатель не включен в перечень соответствующих субъектов законодательства законом N 131-ФЗ [4, с. 67].

Изучение Закона N 131-ФЗ позволяет определить степень участия субъектов РФ в правовом регулировании форм непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в осуществление местного самоуправления. Так, субъектам РФ предоставляется право осуществления собственного правового регулирования в сферах: организация и проведение местного референдума и муниципальных выборов; проведение голосования по отзыву депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления; установление гарантий деятельности и иных вопросов статуса старосты сельского населенного пункта; назначение и проведение опроса граждан.

Стоит отметить, что отсутствует предусмотрено участие субъектов РФ в правовом регулировании схода граждан, правотворческой инициативы граждан, территориального общественного самоуправления, публичных слушаний, общественного обсуждения, собраний граждан, конференций граждан (собраний делегатов), обращений граждан в органы местного самоуправления.

Таким образом, правовое регулирование на региональном уровне происходит по самостоятельной инициативе. Правовое регулирование на уровне субъектов РФ требует детализации и конкретизации. Стоит отметить, что важным направлением должно стать расширение нормативных основ участия населения в ТОС.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.

2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 23.03.2021) // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

3. Винник Н.В. Проблемы развития территориального общественного самоуправления

на Востоке России // Государственная власть и местное самоуправление. – 2016. – №7. – С. 20-23.

4. Раздьяконова Е.В. Территориальное общественное самоуправление как форма непосредственной демократии в местном самоуправлении // Юридическая наука и практика. – 2009. – Т. 5. № 2. – С. 67-70.

5. Холодная Е. В. Территориальное общественное самоуправление в Российской Федерации: правовые основы организации и деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2003. – 205 с.

6. Шугрина Е.С. Территориальное общественное самоуправление в России: институт власти или институт гражданского общества // Вестник Академии права и управления. – 2017. – №1. – С. 12-22.

LEGAL REGULATION OF TERRITORIAL PUBLIC SELF-GOVERNMENT AT THE REGIONAL LEVEL

Е.М. Pasinkova, *Graduate Student*
Novosibirsk National Research State University
(Russia, Novosibirsk)

***Abstract.** The article characterizes the territorial public self-government on the territory of the Russian Federation. Territorial public self-government is recognized as an effective way to provide an opportunity to enter into a dialogue with the population. Topical problems of legal regulation of the activity of territorial public self-government at the regional level are considered, proposals for its improvement are formulated. General conclusions are drawn, summarizing the results of the study.*

***Keywords:** Constitution, local self-government, territorial public self-government, municipal formation, direct democracy.*

ПРОБЛЕМНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Е.М. Пасынкова, магистрант

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
(Россия, г. Новосибирск)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-228-230

Аннотация. В статье рассматривается территориальное общественное самоуправление, сущность его понятия, особенности, правовая природа. В статье охарактеризовано территориальное общественное самоуправление на территории Российской Федерации. Выявлены общие признаки местного самоуправления и территориального общественного самоуправления. Сделаны общие выводы, резюмирующие итоги проведенного исследования.

Ключевые слова: Конституция, местное самоуправление, территориальное общественное самоуправление, муниципальное образование, гражданское общество, вопросы местного значения.

Интересным представляется вопрос о правовой природе ТОС. Стрельников А.О. в собственных научных работах утверждает, что ТОС можно рассматривать как часть системы местного самоуправления, так и в качестве системы самоорганизации граждан, гражданского общества [7, с. 41]. Поддерживают такое мнение Раздьяконова Е.В. [6, с. 69]. Данная позиция видится верной ввиду того, что ТОС имеет тесную связь с местным самоуправлением, но и в тоже время выступает частью гражданского общества.

Данную позицию не поддерживает Алешкова Н.П. и определяет ТОС как особую форму общественной активности в специфической сфере деятельности – деятельности по решению вопросов местного значения, т.е. в сфере муниципального управления [3, с. 95].

Чеботарев Г.Н. считает, что ТОС является подсистемой местного самоуправления, интегрирующую как многообразные формы участия населения в осуществлении местного самоуправления, так и формы непосредственного решения населением отдельных вопросов местного значения [8, с. 72].

ТОС, лишённое властных функций, является особой формой выстраивания правоотношений между населением и муниципальным уровнем публичной власти, в юридических трудах можно встретить

мнение, что основой развития территориального общественного самоуправления является протестная активность населения, представленная в форме обращений граждан в органы власти, в форме саботирования официально принятых решений местным населением, пикетов и стихийных митингов [4, с. 7]. Однако с данной точкой зрения тяжело согласиться, поскольку территориальное общественное самоуправление является достаточно сложно организованным правовым институтом, требующим активного и конструктивного взаимодействия общества и представителей власти.

Стоит отметить, что ТОС и местное самоуправление связаны самоуправленческими началами, которые лежат в их основе деятельности. Интересным является предположение о совпадении предмета деятельности ТОС и местного самоуправления. Так, общим предметом выступают вопросы местного значения, но ТОС принимает решения по собственной инициативе, а органы местного самоуправления принимает общеобязательные решения [5, с. 378].

В соответствии с частью 1 статьи 27 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ) [2] под территориальным об-

ществленным самоуправлением понимается самоорганизация граждан по месту их жительства на части территории поселения, внутригородской территории города федерального значения, муниципального округа, городского округа, внутригородского района, а также в расположенных на межселенной территории населенных пунктах (либо на части их территории) для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения.

Из данного положения следует, что ТОС является институтом местного самоуправления, но не относится к публичной власти. Они нацелены на то, чтобы воплотить инициативу жителей в общественно полезную деятельность по решению проблем местного значения.

Основываясь на приведенном выше определении, можно предположить, что к ТОС применима общественная теория. ТОС указывается законодателем как одна из форм непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в осуществлении местного самоуправления. Местное самоуправление выражает интересы местного сообщества на определенной территории. Сторонники государственной теории видели общественное начало в местном самоуправлении через выборные общественные должности, которые осуществляли свою деятельность на безвозмездной основе.

Органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории [1].

О публичном характере ТОС в своих работах говорит Ц.А. Ямпольская. Так, автор рассматривает ТОС, с одной стороны

как форму общественной активности и инициатив населения, с другой как форму участия граждан в управлении делами государства ввиду их взаимосвязи между собой единым интересом, «возникающим из их совместного удовлетворения бытовых и иных социально-культурных потребностей, обусловленных общностью условий жизни».

К существенным признакам, отличающим ТОС как общественное самоуправление, от местного самоуправления можно отнести:

- 1) общественное самоуправление, которое лежит в основе ТОС;
- 2) особый субъект осуществления ТОС – местное сообщество;
- 3) самоорганизация ТОС, организация на добровольных началах;
- 4) наличие общественной инициативы в основе деятельности ТОС, которое самостоятельно несет ответственность за добровольно взятые обязательства по решению местных вопросов жизнедеятельности;
- 5) непосредственное активное участие местного сообщества в деятельности ТОС с использованием непосредственных форм;
- 6) самоответственность – ответственность за добровольно взятые обязательства несет местное сообщество.

Таким образом, общественная теория местного самоуправления в большей степени отражает сущность ТОС, представляя собой теоретическую основу территориального общественного самоуправления. Так, именно в основе ТОС лежит общественное самоуправление, которое осуществляется местным сообществом, под которым понимается добровольная организация населения в целях решения местных вопросов, население, объединенное общими интересами и самостоятельно несущее ответственность за добровольно взятые обязательства.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.

2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 23.03.2021) // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

3. Алешкова Н.П. Некоторые проблемы правового регулирования организации территориального общественного самоуправления в городах // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – №6. – С. 95-99.

4. Горячев И.Н. Развитие территориального общественного самоуправления как института гражданского общества (региональный аспект): Автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Пенза, 2011. – 171 с.

5. Муниципальное право Российской Федерации: учебник / Н.Е. Борисова, Ю.А. Дмитриев, В.В. Комарова, В.В. Пылин [и др.]; под ред. Ю.А. Дмитриева. – М.: Издво МЦУПЛ, 2000. – 512 с.

6. Раздьяконова Е.В. Территориальное общественное самоуправление как форма непосредственной демократии в местном самоуправлении // Юридическая наука и практика. – 2009. – Т. 5. №2. – С. 65-69.

7. Стрельников А.О. Правовое регулирование деятельности территориального общественного самоуправления // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – №4. – С. 41-48.

8. Чеботарев Г.Н. Территориальное общественное самоуправление в системе местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – №11. – С. 72-77.

PROBLEMATIC THEORETICAL PROVISIONS OF TERRITORIAL PUBLIC SELF-GOVERNMENT

E.M. Pasinkova, *Graduate Student*
Novosibirsk National Research State University
(Russia, Novosibirsk)

***Abstract.** The article considers territorial public self-government, the essence of its concept, features, legal nature. The article describes the territorial public self-government on the territory of the Russian Federation. Common features of local self-government and territorial public self-government are revealed. General conclusions summarizing the results of the study are made.*

***Keywords:** Constitution, local self-government, territorial public self-government, municipal formation, civil society, issues of local importance.*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

Д.А. Подушко¹, заместитель начальника, подполковник

В.Ф. Цепелев², д-р юрид. наук, профессор

¹Отдел экономической безопасности и противодействия коррупции Управления МВД России по г. Новосибирску

²Академия управления МИД России (Россия, г. Новосибирск)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-12-1-231-233

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам применения принудительных мер медицинского характера. Автором рассматриваются проблемы, связанные с проблемами законодательного регулирования применения принудительных мер медицинского характера до принятия соответствующего судебного решения. Сделан вывод о том, что действующее правовое регулирование применения принудительных мер медицинского характера в Российской Федерации является несовершенным. Отмечено, что российским законодателем не урегулированы следующие важные вопросы: 1) где и в течение какого времени до принятия соответствующего судебного решения должен находиться человек, в отношении которого решается вопрос о применении принудительных мер медицинского характера; 2) какие меры могут быть предприняты врачом-психиатром, если судебное решение о применении принудительных мер медицинского характера еще не принято/не вступило в законную силу, а пациент уже на данном этапе нуждается в прохождении психиатрического лечения.

Ключевые слова: невменяемость, принудительные меры медицинского характера, психиатрическое лечение, психиатрическое расстройство.

В действующем российском законодательстве не сконструирована законодательная дефиниция понятия «принудительные меры медицинского характера». Думается, что принудительными мерами медицинского характера выступают меры государственного принуждения, которые применяются на основании вынесенного судебного решения в отношении гражданина, который совершил преступление в состоянии невменяемости или приобрел психическое заболевание уже после его совершения, что препятствует привлечению такого гражданина к уголовной ответственности.

Юридическая природа принудительных мер медицинского характера раскрывается в руководящих разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации – Постановлении «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» [2]. В частности, п. 2 упомянутого Постановления указывает, что принудительные меры медицинского характе-

ра признаются мерами уголовно-правового характера.

Таким образом, принудительные меры медицинского характера не относятся к мерам уголовной ответственности. Это объясняется тем, что невменяемых лиц привлекать к уголовной ответственности невозможно. Исходя из самого названия, принудительные меры медицинского характера есть меры медико-профилактической и медико-реабилитационной направленности, которые необходимы для лечения людей с психическими заболеваниями. Обратим внимание на то, что реализуются данные меры не в рамках деятельности пенитенциарных учреждений, а в медицинских организациях (как правило, в психиатрических больницах) [3, с. 75].

Основанием применения принудительных мер медицинского характера выступает решение суда об освобождении конкретного лица от уголовной ответственности и, соответственно, уголовного наказа-

ния, а также реализации в отношении такого лица принудительных мер медицинского характера. Фактически лицо может представлять опасность, иметь психическое расстройство, однако в том случае, если суд не примет соответствующее решение, то станет невозможным применение в отношении него принудительных мер медицинского характера. Если же применение в отношении него принудительных мер медицинского характера будет осуществлено, то оно не будет соответствовать требованиям законности, поскольку нет правового основания для его осуществления.

Отметим, что на сегодняшний день нет никаких проблем с реализацией принудительных мер медицинского характера после того, как было принято соответствующее судебное решение. В этом случае имеются как фактическое (факт психического расстройства), так и юридическое (судебное решение) основания. Больше того, Уголовный кодекс Российской Федерации [5] и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [4] довольно детально раскрывают порядок реализации принудительных мер медицинского характера, их обоснованность.

Наиболее существенные проблемы здесь заключаются в следующих ситуациях:

1. Российское законодательство на данный момент времени не отвечает на вопрос о том, где и в течение какого времени должен находиться человек, в отношении которого решается вопрос о применении принудительных мер медицинского характера, если экспертизой его психическое заболевание уже подтверждено, но судебное решение еще не принято/не вступило в законную силу.

2. Отечественный законодатель также не урегулировал вопрос о том, какие меры могут быть предприняты, если человек, в отношении которого решается вопрос о применении принудительных мер медицинского характера, и его законный представитель возражают против прохождения психиатрического лечения, предложенного врачом-психиатром во время проведения экспертизы, и при этом несвоевременное

прохождение такого психиатрического лечения может привести к серьезным негативным последствиям для здоровья такого человека (вплоть до наступления угрозы его жизни).

Из-за указанных законодательных пробелов на практике встречаются отдельные ситуации, когда человек после прохождения стационарной судебно-психиатрической экспертизы был оставлен в психиатрической больнице на основании решения, принятого врачом-психиатром, который проводил данную экспертизу. При этом в отношении данного человека, несмотря на отсутствие соответствующего судебного решения, фактически применялись принудительные меры медицинского характера в виде введения в его организм психотропных препаратов.

Несмотря на отсутствие судебного решения, врач-психиатр, оставляя пациента в больнице для дальнейшего прохождения принудительного психиатрического лечения, как правило, руководствуется тем, что такой пациент представляет общественную опасность или его психиатрическое заболевание требует каждодневного наблюдения за его течением квалифицированных специалистов. Стоит заметить, что в таких ситуациях позиция врача-психиатра выглядит более обоснованно, когда вопрос о применении принудительных мер медицинского характера решается уже в судебном заседании. Это обусловлено тем, что врач-психиатр в это время уже достаточно подробно ознакомлен с диагнозом пациента [1, с. 154].

Итак, еще раз обратим внимание на то, что существование фактических оснований для продолжительного содержания человека в психиатрической больнице в большинстве случаев не вызывает никаких возражений. Проблемный характер здесь проявляется в следующем:

- 1) в неурегулированности вопроса о юридических основаниях содержания человека в психиатрической больнице с применением к нему психиатрического лечения до того, как было принято/вступило в законную силу судебное решение о применении принудительных мер медицинского характера;

2) в юридической защищенности человека от субъективного усмотрения врачей-психиатров, проводящих психиатрическое лечение таким образом.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что действующее правовое регулирование применения принудительных мер медицинского характера в Российской Федерации является несовершенным. В частности, российским законодателем не урегулированы следующие важные вопросы:

1) где и в течение какого времени до принятия соответствующего судебного решения должен находиться человек, в отношении которого решается вопрос о применении принудительных мер медицинского характера;

2) какие меры могут быть предприняты врачом-психиатром, если судебное решение о применении принудительных мер медицинского характера еще не принято/не вступило в законную силу, а пациент уже на данном этапе нуждается в прохождении психиатрического лечения.

Библиографический список

1. Корнеев С.А. Принудительные меры медицинского характера в структуре уголовно-правового воздействия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2021. – № 2 (139). – С. 153-160.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 № 6 (ред. от 03.03.2015) «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» // Российская газета. 20 апр. 2011.

3. Саддарова К.О. Принудительные меры медицинского характера в российском уголовном праве // Союз криминалистов и криминологов. – 2021. – № 3. – С. 73-80.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.11.2022) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

CURRENT ISSUES IN THE USE OF CORRECTIVE MEASURES OF A MEDICAL NATURE

D.A. Podushko¹, Deputy Head, Lieutenant Colonel

V.F. Tsepelev², Doctor of Law, Professor

¹Department of Economic Security and Anti-Corruption of the Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Novosibirsk

²Academy of Management of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Russia, Novosibirsk)

Abstract. The article is devoted to topical issues of the application of compulsory medical measures. The author examines the problems associated with the gaps in the legislative regulation of the application of compulsory medical measures before the adoption of an appropriate court decision. It is concluded that the current legal regulation of the application of compulsory medical measures in the Russian Federation is imperfect. It is noted that the following important issues have not been settled by the Russian legislator: 1) where and for how long before the adoption of the relevant court decision should the person be located in respect of whom the issue of applying compulsory medical measures is being decided; 2) what measures can be taken by a psychiatrist if a court decision on the application of compulsory medical measures has not yet been adopted / has not entered into force, and the patient already at this stage needs to undergo psychiatric treatment.

Keywords: insanity, compulsory medical measures, psychiatric treatment, psychiatric disorder.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
гуманитарных и естественных наук
№ 12-1 (75), декабрь 2022 г.

Редактор: Д.М. Матвеев
Верстка: Ю.А. Матвеева

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях,
ответственность несут авторы.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Учредитель и издатель: ООО «Капитал»

Контактная информация:

E-mail: info@intjournal.ru

Сайт: <http://intjournal.ru/>

Телефон: +7-905-951-51-63

Адрес редакции: 630133, г. Новосибирск, ул. Татьяны Снежиной, д.43/1, 252

Адрес учредителя и издателя: 630133, г. Новосибирск, ул. Татьяны Снежиной, д.43/1, 252

Подписано в печать 07.01.2023 г.

Дата выхода в свет 20.01.2023 г.

Усл. печ. л. 14,6. Уч.-изд. л. 11,7. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Капитал»
г. Новосибирск, ул. Татьяны Снежиной, д.43/1
Тел. 8(905)951-51-63, info@intjournal.ru

Цена печатного экземпляра: 490 руб.